А. И. Широков

Дальстрой: предыстория и первое десятилетие

А. И. ШИРОКОВ

ДАЛЬСТРОЙ:
ПРЕДЫСТОРИЯ И ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Магадан «КОРДИС» 2000

УДК 338.24:622(571.65)
ББК 63.3(2Р-4)
Ш 64

Рецензенты: кандидат исторических наук, доцент **Т. Ю. Гоголева**
кандидат исторических наук, доцент **А. В. Жмакина**

Редактор **С. А. Склейнис**

Издание осуществлено за счет средств благотворительного фонда "Омолон" (г. Магадан)
Издание книги безгонорарное

Широков А. И.
Ш 64 Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. — Магадан: Кордис, 2000. — 151 с.
ISBN 5-89678-018-4

В книге рассмотрены основные направления социально-экономической политики Советского государства на Северо-Востоке России во второй половине 20-х — 30-х гг. XX столетия. На основе большого количества документальных источников (некоторые из них впервые вводятся в научный оборот) автор исследует условия и причины создания государственного треста "Дальстрой" (с 1938 г. — одного из территориально-отраслевых управлений НКВД СССР), а также начальный период его деятельности по промышленному освоению региона.

Для историков, обществоведов, преподавателей, студентов, учащихся и всех интересующихся проблемами отечественной истории XX века.

УДК 338.24:622(571.65)
ББК 63.3(2Р-4)

ISBN 5-89678-018-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Памяти моего Учителя
Марии Ермолаевны Плотниковой

ВВЕДЕНИЕ

Структурный кризис в России наиболее тяжело отразился на северных и, в частности, на северо-восточных окраинах страны. Российский Север, еще недавно производивший около 20% валового национального дохода СССР, сегодня с огромным трудом интегрируется в формирующийся рыночный механизм российской экономики. Несмотря на огромные сырьевые богатства, которыми обладают недра Севера (золото, олово, редкоземельные металлы, нефть, уголь и т. д.), на наличие устоявшихся производственных циклов их добычи и переработки, вполне обычным явлением стало закрытие шахт, приисков, рудников. Население, привлеченное сюда системой северных льгот, ныне лихорадочно покидает эти территории, усиливая социальную напряженность в регионе.

Определяя сегодня пути дальнейшего развития северных регионов страны, необходимо опираться на широкий спектр научных разработок. При этом специфика историко-культурного, экономико-географического положения территорий, составляющих Российскую Федерацию в целом и Российский Север в частности, придает особую значимость работам по истории регионального характера.

Предлагаемое исследование посвящено изучению истории северо-восточного региона России второй половины 20-х — 30-х гг. XX столетия, проблемам формирования и начальному периоду деятельности организации, сыгравшей важную роль в истории северо-восточных окраин России. Речь идет о государственном тресте "Дальстрой", который был образован в 1931 г. В 1938 г. он стал одним из территориально-отраслевых управлений НКВД и в течение более двадцати лет полностью определял политическую, экономическую и социальную жизнь огромной территории.

Долгое время история Дальстроя являлась своеобразной лакуной в советской историографии в силу специфики методов его деятельности, определяемой принадлежностью этой организации к НКВД СССР. Поэтому не случайно история Северо-Востока 30—50-х гг. описывалась

лишь как период формирования политических структур и административно-хозяйственных институтов под воздействием принимавшихся в центре плановых решений и при помощи советско-партийного руководства на местах[1]. Указанная особенность и определяет степень изученности предлагаемой темы в исторической литературе.

Первые попытки описания деятельности этой организации на Северо-Востоке СССР стали возможными лишь в ходе постепенного демонтажа ее системы во 2-й половине 50-х гг. Характерным для этого периода изучения истории региона стало появление работ, посвященных 25-летию Дальстроя. В основном эти были полувоспоминания-полуисследования участников освоения Северо-Востока, отражавшие их представления о "героическом периоде" истории края, о роли, которую сыграл государственный трест в промышленном развитии региона. Подобным субъективным подходом отличался анализ основных направлений деятельности Дальстроя — развитие технологических циклов золото- и оловодобычи, геологоразведочные работы, создание вспомогательных отраслей экономики на Северо-Востоке (строительство, сельское хозяйство, лесозаготовки и т. п.) и др.[2]

Тем не менее в этот период увидели свет работы, включавшие анализ социально-экономического развития Северо-Востока СССР в 20—30-е гг. В условиях оторванности территории деятельности Дальстроя от экономически развитых районов страны ключевую роль в бесперебойном снабжении его продовольствием, топливом и прочими необходимыми ресурсами играл транспорт. Истории его становления — от изыскания наиболее выгодных путей доставки грузов на Колыму до развития внешних и внутренних транспортных артерий и создания парка транспортных средств — были посвящены в 1958—1959 гг. статьи Е. Д. Родина[3]

Таким образом, уже в конце 50-х гг. определился круг вопросов истории Дальстроя, которые были более подробно изучены в 60-х гг. Это прежде всего проблемы формирования производственной инфраструк-

---

[1] О целенаправленном характере подобной практики свидетельствуют слова П. Я. Афанасьева, долгое время работавшего первым секретарем Магаданского обкома КПСС: "...освоена и разбужена Колыма энергией истинных патриотов — коммунистов и беспартийных северян, и темная слава, созданная краю в определенное время, не имеет никакого отношения к успехам, достигнутым здесь советским народом, советским строем" — Афанасьев П. Я. Здесь начинается Россия. Записки секретаря обкома. — М.: ИПЛ, 1967. — С. 61.

[2] См.: Дальстрой. К 25-летию. — Магадан: Кн. изд-во, 1956; Груша М. В. 25 лет Дальстроя. — Магадан: Кн. изд-во, 1956. См. также: Цвик Д. Б. Магадан: Очерк-хроника. — Магадан: Кн. изд-во, 1959.

[3] См.: Родин Е. Д. Из истории освоения Северо-Востока (к 30-летию Колымской экспедиции И. Ф. Молодых 1928—1929 гг.) // Колыма. — 1958. — № 5. — С. 43—45; Он же. Роль транспорта в промышленном освоении Колымы // Там же. — 1959. — № 2. — С. 38—41.

туры края: история геологического изучения территории Северо-Востока, его промышленное и транспортное освоение, формирование соответствующих специализированных подразделений Дальстроя и т. п. Общие вопросы деятельности Дальстроя на территории региона впервые были освещены в монографии Н. А. Жихарева "Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.)"[4]. В качестве важнейшей цели исследования автор определил освещение роли коммунистической партии в целом и партийных органов на Северо-Востоке в частности в становлении структур советской власти в крае, развитии производительных сил региона и т. д. Эта общая целевая установка сказалась и на описании Н. А. Жихаревым деятельности Дальстроя, которая рассматривалась автором преимущественно сквозь призму функционирования партийно-политических органов, развитию системы которых он уделяет особое внимание.

Первому десятилетию форсированного развития геологоразведочных работ и горнодобывающей промышленности в регионе была посвящена работа С. В. Левченко и Д. Л. Мозесона "Золотая Колыма. Из истории открытия и освоения Северо-Востока СССР"[5] В центре внимания исследователей оказались результаты работы геологоразведочных подразделений Дальстроя в Колымо-Индигирском районе в 1931—1941 гг., обусловившие развитие системы горных управлений.

С 1967 г. в исследовании проблем деятельности Дальстроя на Северо-Востоке СССР появляется новое направление. Если предыдущие работы были посвящены освоению месторождений минерального сырья в верховьях рр. Колымы и Индигирки, то Г. Г. Рощупкин занялся изучением промышленного освоения Чукотки, в котором Дальстрой с 1939 г. играл ведущую роль. Существенно расширившие представление о многообразии и сложности естественных и производственных условий, в которых происходила деятельность Дальстроя, исследования Г. Г. Рощупкина акцентировали внимание на механизме партийно-политического руководства работой Чаун-Чукотского горнопромышленного управления Дальстроя, демонстрируя его первостепенную важность для успеха промышленного развития Чукотки[6].

---

[4] Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.). — Магадан: Кн. изд-во, 1961.

[5] Левченко С. В., Мозесон Д. Л. Золотая Колыма. Из истории открытия и освоения Северо-Востока СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.

[6] Рощупкин Г. Г. Роль Чаунской районной партийной организации в промышленном освоении Чукотки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. — М.: Наука, 1967. — С. 150—159; См. также: Он же. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917—1953 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. — Магадан: Кн. изд-во, 1971. — С. 5—80.

Вопросы функционирования на территории Северо-Востока системы партийно-политических органов включены и в работы Б. И. Мухачева, который, однако, рассматривал их на фоне общего промышленного развития края. В предисловии к сборнику "Время. События. Люди. Исторические очерки об освоении Колымы и Чукотки. 1928—1940 гг." (Магадан, 1968 г.) ученый сделал акцент на освещении проблем геологического исследования территории деятельности Дальстроя, на становлении и развитии производственной структуры треста и добыче природных ископаемых.

Продолжением этого направления работы Б. И. Мухачева стала его статья "Начало промышленного освоения Колымы (1928—1937 годы)"[7] Это была первая попытка комплексного исследования многоплановых процессов промышленного развития региона в первое десятилетие его освоения. Весьма важным в работе Б. И. Мухачева явился вывод о связи решений высших партийных и государственных органов о начале промышленного освоения месторождений золота на Колыме с потребностями форсированной индустриализации СССР.

По вполне понятным причинам эта работа, как и упоминавшаяся монография Н. А. Жихарева, не содержит сведений о заключенных — основной рабочей силе треста, условиях их труда и быта, о специфике Дальстроя как организации, сочетающей в своей деятельности решение производственных задач с задачами "перевоспитания трудом" десятков тысяч заключенных[8].

В 1972 г. исторические аспекты освоения и промышленного развития Охотско-Колымского района в период первых пятилеток были включены в анализ проблем индустриализации Дальнего Востока в целом. Г. А. Унпелев, отмечая пионерный характер создания индустриальной базы экономики этого региона Советского Союза, особо выделял деятельность Дальстроя как специфического политико-экономического механизма. Эта специфика, по справедливому замечанию автора, заключалась в том, что гострест не только занимался интенсивным промышленным строительством, но и осуществлял административно-политические функции на территории своей деятельности[9]

---

[7] Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928—1937 годы) // Краевед. зап. — Магадан, 1970. — Вып. 8. — С. 69—79.

[8] В 1993 г. Б. И. Мухачев показал истиную роль принудительного труда заключенных в промышленном развитии региона. См.: Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928—1937 годы) // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф., Владивосток, 20—22 сентября 1993 г. — Кн. 3. — С. 62—64.

[9] См.: Унпелев Г. А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. О деятельности Коммунистической партии по индустриализации Дальневосточного края (1928—1932 гг.). — Владивосток, 1972; Он же. Завершение социалистической реконструкции промышленности Дальнего Востока. — Владивосток, 1975.

"Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней" — коллективный труд, подготовленный сотрудниками СВКНИИ ДВО АН СССР под руководством Н. Н. Дикова, заполнили значительные пробелы в изучении истории Крайнего Северо-Востока СССР, в частности промышленного и культурного строительства на Чукотке, которое авторы рассматривают сквозь призму деятельности местных партийных и административно-хозяйственных органов (с 1939 г. — прежде всего органов Дальстроя), направлявшихся решениями центральных партийно-государственных инстанций — ЦК ВКП(б), СНК и т. п. При этом сравнения межтерриториального характера были затруднены, а геополитическое значение промышленного освоения региона вообще не рассматривалось[10].

Вышедшая в свет в 1975 г. "Историческая хроника Магаданской области" явилась ярким образцом традиционного подхода к изучению истории северо-восточных окраин СССР в середине XX в.[11] Ведущую роль в "социалистическом строительстве" на Колыме и Чукотке, по мнению составителей, сыграло партийное руководство горной промышленностью. Вполне понятно, что концепция подобного издания не могла быть иной в середине 70-х гг., в условиях жесткого идеологического прессинга по отношению к историческому знанию, хотя многие из негативных последствий деятельности Дальстроя явно обнаружились именно в то время.

Если Е. Д. Родин в конце 50-х гг. рассматривал общие проблемы развития транспортной сети Дальстроя, то В. М. Хлыпалов в 1976 г. сконцентрировал свое внимание на строительстве знаменитой Колымской трассы — основы создания производственной инфраструктуры треста[12]. Работа посвящена прежде всего формированию дорожно-строительных структур Дальстроя (Управления дорожного строительства, дорожно-строительных районов и т. д.) и основным направлениям прокладки полотна автомагистрали.

В первой половине 80-х гг. изучению важных аспектов деятельности Дальстроя по созданию собственной топливной базы на Северо-Востоке в 30—50-е гг. были посвящены работы И. Л. Глазунова. Автор в ряде статей подробно изложил историю поисковых, разведочных и эксплуатационных работ на месторождениях угля в регионе[13].

---

[10] См.: Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. — Новосибирск: Наука, 1974.

[11] Историческая хроника Магаданской области: События и факты. 1917—1972. — Магадан: Кн. изд-во, 1975.

[12] Хлыпалов В. М. Из истории строительства Колымской трассы // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. — Магадан: Кн. изд-во, 1976. — С. 115—120.

[13] Глазунов И. Л. Геологическое изучение и развитие угледобычи на Колыме и Чукотке в предвоенные 1939—1940 годы и в период Великой Отечест-

В конце 80-х — первой половине 90-х гг. наступил новый этап в изучении истории Дальстроя, обусловленный либерализацией советского политического режима и связанным с ней открытием "белых пятен" в советской истории. Существенно расширился спектр исследуемых проблем, значительно обогатилась источниковая база вследствие открытия для ученых ранее недоступных архивных фондов.

Прежде всего в круг изучаемых вопросов была включена история массовых репрессий второй половины 30-х гг. При исследовании проблем "большого террора" ученые неизбежно затрагивали роль и значение Колымы, Дальстроя в осуществлении карательной политики советского политического режима в предвоенные годы. Вопросы истории лагерной Колымы 30-х гг. освещались Р. А. Медведевым, В. В. Цаплиным, О. В. Хлевнюком и др. [14]

Заметным событием для того времени явилась публикация на русском языке книги британского ученого Р. Конквеста "Большой террор". Посвященный исследованию политических репрессий в СССР в 30-е гг., этот труд отражает и события, происходившие на Колыме, в лагерных и производственных подразделениях Дальстроя[15].

Трагические события 1937 г., ставшие своеобразным прологом колымского "большого террора", когда в Магадане были уничтожены видные участники троцкистской оппозиции, получили освещение в материалах, изданных обществом "Возвращение" и фондом "Мир и человек" в начале 90-х гг.[16]

На рубеже 80—90-х гг. и магаданские авторы существенно расширили представление о сложных и противоречивых процессах деятельности Дальстроя. В 1989 г. в печати появилась статья научного сотрудника

венной войны (1941—1945 гг.) // Краевед. зап. — 1982. — Вып. 12. — С. 28—40; Он же. Зарождение угледобычи на Колыме и Чукотке (1917—1938 гг.) // Там же. 1986. — Вып. 14. — С. 17—27.

[14] См.: Медведев Р. О Сталине и сталинизме // Знамя. — 1989. — № 3. — С. 144—192; Цаплин В. В. Архивные данные о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. — 1991. — № 4—5. — С. 157—163; Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929—1941 годы // Свободная мысль. — 1992. — № 13. — С. 73—84. См. также: Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. — М.: Республика, 1992.

[15] Конквест Р. Большой террор: В 2 т. — Рига: Ракстниекс, 1991. Некоторые сведения о Севвостлаге, заключенные которого работали в Дальстрое, содержит также работа известных историков А. Некрича и М. Геллера. См.: Некрич А., Геллер М. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. — Лондон: OPI, 1989.

[16] См.: Сопротивление в ГУЛАГе. Воспоминания. Письма. Документы. — М.: Возвращение, 1992. — С. 145—167; Хотелось бы всех поименно назвать... По материалам следственных дел и лагерных отчетов ГУЛАГа. — М.: Мир и человек, 1993. — С. 109—150.

СВКНИИ ДВО АН СССР К. Б. Николаева, посвященная общим проблемам истории деятельности государственного треста "Дальстрой" до 1938 г., когда была осуществлена его передача в ведение НКВД СССР[17] К. Б. Николаев исследует весьма важные вопросы деятельности Дальстроя в указанный период. К ним надо отнести: особый режим управления трестом; проблемы специфики развития геологоразведки и горной промышленности на Колыме; использование труда заключенных, а также условия их жизни в лагерях Колымы. Названные проблемы автор пытается решать посредством анализа специфических черт "сталинского казарменного социализма", который, по его мнению, наложил яркий отпечаток на методы деятельности и сущность такой организации, как Дальстрой.

В этот период существенно обогатилась проблематика исследований по истории Чукотки. В 1989 г. вышла в свет более полная "История Чукотки с древнейших времен до наших дней"[18]. В ней сохранены все основные содержательные и структурные характеристики издания 1974 г., хотя имеются и серьезные отличия. Речь идет о констатации фактов экологических последствий работы рудников и приисков, разрушения традиционного промыслового хозяйства коренных народностей в ходе коллективизации, проводившейся на Чукотке органами Дальстроя. Особо отмечаются широкие масштабы принудительного труда подневольных "спецконтингентов" — использование методов штрафной колонизации в освоении края.

На рубеже 80—90-х гг. появились исследования научного сотрудника Магаданского областного краеведческого музея А. С. Навасардова, посвященные развитию транспорта и системы автодорожной связи в регионе. Основанные на ранее недоступных архивных материалах работы этого автора включают также описание деятельности администрации Дальстроя по форсированию прокладки полотна Колымской трассы, по организации труда и быта ее подневольных строителей (нормы питания, производственные нормы) и т. д.[19]

---

[17] Николаев К. Б. Тяжелый металл, или Как родился, жил и умирал Дальстрой // На Севере Дальнем. — 1989. — № 2. — С. 54—83. См. также: Николаев К. Б. Чудная планета Колыма // Наука и жизнь. — 1990. — № 1. — С. 48—54; № 2. — С. 45—52; Он же. К вопросу изучения истории Дальстроя // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. — Магадан, 1996. — С. 29—46.

[18] См.: История Чукотки с древнейших времен до наших дней. — М.: Мысль, 1989.

[19] Навасардов А. С. Из истории развития транспорта на Колыме (1931—1940 гг.) // Краевед. зап. — 1988. — Вып. 15. — С. 61—74; Он же. Из истории строительства Колымской трассы (1928—1940 гг.) // Там же. 1991. — Вып. 17. — С. 14—25.

Широтой круга изучаемых проблем отличаются многочисленные работы и выступления в периодической печати научного сотрудника СВКНИИ ДВО РАН А. Г. Козлова. В поле его зрения — история создания отраслей социальной инфраструктуры на Северо-Востоке в 30-е гг., развитие г. Магадана как административного центра Дальстроя и т. д. Значительную роль этот исследователь сыграл в изучении истории формирования Управления северо-восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ), режима содержания заключенных, использовавшихся Дальстроем в качестве рабочей силы[20].

Однако, на наш взгляд, наиболее систематизированное на сегодняшний день исследование проблемы положения заключенных в подразделениях Севвостлага, условий их трудового использования принадлежит магаданскому историку, научному сотруднику СВКНИИ ДВО РАН И. Д. Бацаеву[21].

На протяжении ряда последних лет заметный вклад в изучение истории Дальстроя вносят магаданские публицисты и краеведы. Усилиями А. Бирюкова, С. Ефимова, Д. Райзмана, Т. Смолиной, Б. Пискарева, И. Паникарова и многих других постоянно пополняется перечень публикаций, посвященных различным проблемам истории Северо-Востока в дальстроевский период[22].

Важным событием в изучении истории карательной политики советского государства стал выход в свет в 1998 г. справочника "Система

---

[20] См., например: Козлов А. Г. К истории возникновения и развития Магадана (1929—1939 гг.) // Краевед. зап. — 1988. — Вып. 15. — С. 3—30; Магадан. Конспект прошлого. Годы. Люди. Проблемы / Сост. А. Г. Козлов. — Магадан: Кн. изд-во, 1989; Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей (1932—1937 гг.) // Краевед. зап. — 1991. — Вып. 17. — С. 61—91; Он же. Во времена колымских лагерей // Колыма. — 1992. — № 10—11. — С. 31—36; Он же. У истоков Севвостлага // Там же. — № 12. — С. 27—32; Он же. Из истории колымских лагерей (конец 1937—1938 гг.) // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 117—143; Он же. За колючей проволокой Севвостлага // Колыма. — 1993. — № 1. — С. 33—37 и др.

[21] Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России... С. 46—72. Заметим, что И. Д. Бацаев является также одним из ведущих магаданских специалистов по истории сельского и промыслового хозяйства Северо-Востока России.

[22] Смолина Т. 13 томов из прошлого. Дело из архивов Омского УКГБ // Магадан. комсомолец. — 1990. — 6, 13, 20 мая, 3, 15, 17, 29 июля, 12, 26 авг., 9, 23 сент., 21 окт., 4 нояб. и др.; Бирюков А. Последний Рюрикович. — Магадан: ГОБИ, 1991 и др.; Ефимов С. П. Начальник Дальстроя И. Ф. Никишов // Колыма. — 1991. — № 11. — С. 33—37; Мельников С. М. Дальстрой: страницы истории (историко-социологический аспект) // Там же. — 1993. — № 9—10. — С. 44—47; Паникаров И. А. История поселков центральной Колымы. — Магадан: МАОБТИ, 1995 и др.

исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960", явившегося итогом многолетней работы научных сотрудников общества "Мемориал" (г. Москва) и Государственного архива Российской Федерации[23]. В основе этого издания более пятисот монографических статей об исправительно-трудовых и особых лагерях сталинского периода, о структурных подразделениях ОГПУ—НКВД—МВД. Заслуживают также внимания общие очерки развития лагерной системы СССР в 20—50-е гг.

Таким образом, можно констатировать, что сегодняшнее положение в изучении истории Дальстроя характеризуется наличием серьезного массива исторической информации. Тем не менее нуждаются в уточнении существующие оценки периодизации истории освоения региона, формирования здесь структур Дальстроя как привилегированной организации в предвоенный период, динамики добычи золота и олова на Колыме. Требуют особого внимания в наше время вопросы экологических последствий промышленного освоения края и т. д. Однако наиболее актуальной задачей, по нашему мнению, является аналитическая обработка имеющихся данных и создание обобщающих работ, способных дать представление о целостной картине промышленного освоения Северо-Востока СССР в середине XX столетия.

Основной целью данного исследования является анализ социально-экономической политики советского государства на Северо-Востоке СССР в 20—30-е гг. В сфере нашего внимания находятся проблемы своеобразия и развития края во второй половине 20-х гг., вопросы исследования территории региона многочисленными экспедициями, которые открыли значительные месторождения многих полезных ископаемых (и прежде всего золота). Именно открытие запасов золота в верховьях р. Колымы в условиях форсированной индустриализации СССР определило коренное изменение содержания государственной политики по отношению к северо-восточным окраинам страны. Результатом этого и стало создание Дальстроя — колоссальной организации, занимавшейся промышленным освоением Северо-Востока с использованием труда подневольных "спецконтингентов". Поэтому формирование внутренней структуры Дальстроя, основные направления его производственной деятельности (дорожное строительство, золото- и оловодобыча) в 30-е гг. являются важнейшими аспектами нашего исследования.

Источники, на которых основывается предлагаемая работа, включают документальные материалы высших государственных и политических органов СССР того времени, архивные фонды Дальстроя, статистические данные, материалы периодической печати и широкий круг специальной и мемуарной литературы, отражающей различные аспек-

---

[23] Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923—1960: Справочник / О-во "Мемориал", ГАРФ. Сост. М. Б. Смирнов. Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. — М.: Звенья, 1998.

ты процессов развития Северо-Востока в 20—30-е гг. в целом и роль Дальстроя в этих процессах в частности.

Для решения задач настоящего исследования нами использовались неопубликованные документальные источники Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ, г. Москва), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва), Государственного архива Магаданской области (ГАМО, г. Магадан), Государственного архива Чаунского района Магаданской области (ГАЧР, г. Певек).

Внешняя документация, характеризующая взаимоотношения Дальстроя с вышестоящими государственными органами, может быть подразделена на несколько групп материалов. 1. Директивно-распорядительные: а) постановления Политбюро ЦК, ЦК ВКП(б) и СНК СССР; б) постановления СТО СССР, в чьем ведении Дальстрой находился до 1938 г.; в) приказы и распоряжения ОГПУ (с 1934 г. — НКВД) СССР. 2. Контрольно-ревизионные, отражающие итоги регулярных проверок деятельности Дальстроя комиссиями, специально присланными на Колыму. 3. Отчетные, направлявшиеся руководящими органами Дальстроя руководству страны и НКВД.

Документы внутреннего делопроизводства, позволяющие всесторонне анализировать все направления деятельности Дальстроя по транспортному и промышленному освоению Северо-Востока, также могут быть подразделены на несколько групп. 1. Распорядительно-уставные, которые регламентировали внутреннюю структуру треста, определявшуюся развитием процессов колонизации края. 2. Производственно-отраслевая документация: производственные планы и программы деятельности отраслевых управлений Дальстроя и отдельных предприятий (годовые и квартальные). 3. Документы контрольно-ревизионного характера: сведения об итогах проверок, проводившихся администрацией Дальстроя. 4. Отчетно-статистическая документация, включающая информацию, поступавшую руководству Дальстроя от подведомственных ему предприятий.

Из опубликованных документальных материалов автор использовал данные так называемой Приполярной переписи, проведенной в 1926—1927 гг. на всех северных территориях Советского Союза, документы Геологического комитета ВСНХ СССР (с 1930 г. Главного геологоразведочного управления), директивы Главного управления по добыче золота и платины Наркомата тяжелой промышленности Советского Союза, данные судебной статистики СССР и РСФСР 20-х гг. и др.

Ценным источником для решения поставленных задач стали материалы периодической печати Дальстроя — газеты "Колымская правда" (с 23 июля 1935 г. "Советская Колыма") и научного и производственно-технического журнала "Колыма", издающегося с 1936 г. На их страни-

цах обсуждались наиболее злободневные вопросы деятельности Дальстроя — техническое и бытовое оснащение золотодобывающих предприятий, выполнение плановых заданий и т. п.

Анализ деятельности Дальстроя на Северо-Востоке СССР был бы неполным без использования специализированной литературы, отражающей результаты исследований по гидрографии, геологии, экономической географии края и др. Это работы гидрографа И. Ф. Молодых, геологов С. В. Обручева и Ю. А. Билибина, демографов П. Е. Терлецкого и Л. Л. Рыбаковского, представителей экономико-географической науки С. В. Славина, А. Н. Пилясова. Изменения в образе жизни коренных народов региона, в их хозяйственной практике изучали М. А. Сергеев, К. Г. Кузаков, И. С. Вдовин, А. И. Пика, И. Д. Бацаев и другие ученые. Г. Ф. Стариков, П. Н. Дьяконов, Б. Ф. Шапалин, Ю. Н. Ягодин анализировали использование биологических ресурсов края в процессе его промышленного освоения и т. д.

События, составляющие хронологический ряд процессов индустриального развития Северо-Востока в интересующий нас промежуток времени, нашли свое отражение в мемуарной литературе, насчитывающей сотни изданий различного информационно-содержательного уровня. Признавая несомненную важность этих "человеческих документов", создающих своеобразный эмоциональный фон при анализе обозначенных процессов, мы обратились к воспоминаниям участников колонизации региона.

Среди них первопроходцы Колымы и Чукотки — геологи, строители, дорожники, внесшие значительный вклад в промышленное развитие края. И конечно, полная драматических страниц история лагерной, подконвойной Колымы не может быть объективно освещена без изучения воспоминаний бывших заключенных, вынесших тяготы и лишения жизни за колючей проволокой.

В основе настоящего исследования лежит диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенная автором в Томском государственном университете в октябре 1997 г.

Глава 1

СЕВЕРО-ВОСТОК СССР В ПРЕДДВЕРИИ ФОРСИРОВАННОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

(конец 20-х годов)

§ 1. ТЕРРИТОРИЯ, НАСЕЛЕНИЕ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Огромные пространства тундр и лесотундр Чукотского п-ова, лесной зоны Приколымья, северного побережья Охотского моря и восточных районов Якутии общей площадью около 2 млн кв. км охватываются понятием "Северо-Восток".

Основой рельефа его поверхности являются разнообразные горные сооружения. Географическая литература, как правило, определяет эту территорию как Яно-Чукотскую горную страну (пространство между рр. Леной и Анадырем), крупнейшими горными системами которой являются цепи Черского, Лено-Чаунская горная дуга, Момский хребет, Чукотское нагорье и горы Чукотского п-ова, а также средневысотные горы правобережья р. Колымы[24]. Территория региона характеризуется также наличием заболоченных пространств (особенно значительных на Чукотке)[25] и существенными толщами вечной мерзлоты — от линзовой на Охотском побережье до сплошной в низовьях рр. Лены, Колымы и Индигирки[26].

Поскольку основные реки Северо-Востока впадают в моря Северного Ледовитого океана, можно считать, что поверхность суши в пределах Яно-Чукотской горной страны имеет общий уклон в сторону полярного

---

[24] См.: Архангельский А. Д. Геологическое строение и геологическая история СССР. — М., 1947. — Т. 1. — С. 13—14; Север Дальнего Востока. — М.: Наука, 1970. — С. 21, 55; Дальний Восток. Физико-географическая характеристика. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — С. 91.

[25] Север Дальнего Востока. С. 282.

[26] Северо-Восточный экономический район. — Магадан: Кн. изд-во, 1965. — С. 163—164.

бассейна. Главный водораздел между речными системами бассейнов Восточно-Сибирского моря и Тихого океана проходит недалеко от северной береговой линии Охотского моря, в пределах Лено-Чаунской горной дуги. Именно там образуются крупнейшие реки региона — Колыма и Индигирка. Лишь р. Яна берет свое начало в горных массивах Верхоянского хребта. В восточной части Северо-Востока этот водораздел расположен ближе к берегам Чукотского моря. Здесь, в пределах Лено-Чаунской горной дуги, начинают свое течение рр. Анадырь и Пенжина.

Крупнейшей рекой региона, безусловно, является р. Колыма, берущая начало от места слияния рр. Аян-Урях и Кулу; ее длина 2129 км, площадь бассейна 647 000 кв. км. В нее впадают реки, которые можно считать наиболее значительными на этой территории. К числу крупных левых притоков Колымы следует отнести рр. Аян-Урях (с впадающей в нее р. Берелех), Дебин, Таскан, Ясачную, Ожогину, имеющие общую длину 2203 км и общую площадь бассейнов 110 840 кв. км. Наиболее крупные правые притоки Колымы — рр. Кулу, Детрин, Буюнда, Балыгычан, Буксунда (Сугой), Коркодон, Березовка, Омолон, Анюй (с впадающей в нее р. Большой Анюй). Их общая длина составляет 5441 км, общая площадь бассейнов — 439 050 кв. км. Впадающая в Берингово море р. Анадырь имеет длину 1150 км и площадь бассейна 191 000 кв. км[27].

Длина рек, впадающих в Охотское море, как правило, не превышает 200—350 км. Их долины имеют крутое падение, т. е. высота над уровнем моря верховьев этих рек значительно превышает уровень высоты в низовьях. Наиболее крупными в бассейне Охотоморья являются рр. Пенжина, Гижига, Тауй. В истоках они текут в узких долинах, в низовьях разбиваются на рукава.

Территория региона омывается с трех сторон Восточно-Сибирским, Чукотским, Беринговым и Охотским морями, во многом оказывающими влияние на его климатические особенности. Исключительная суровость климата Северо-Востока определяется его формированием преимущественно под воздействием холодных атмосферных фронтов Ледовитого океана. Проникновение же сюда теплых воздушных масс с запада и юга затрудняется горными сооружениями Верхоянского хребта и цепей Черского, а также Лено-Чаунской горной дуги. Поэтому среднегодовые температуры на этой территории намного ниже, чем в центральных районах страны. Так, в Москве этот показатель равен 3,6°С, в Ростове-на-Дону — 9°С. В то же время на Северо-Востоке среднегодовые температуры находятся в пределах от –13,7°С в Сусуманском районе до –12°С в Тенькинском и Билибинском районах[28].

---

[27] Север Дальнего Востока. С.187.

[28] См.: Орловская Л. Н. Особенности формирования кадров народного хозяйства Магаданской области // Проблемы развития производительных сил Северо-Востока СССР. — Магадан: Кн. изд-во, 1964. — С. 25.

Обратимся к характеристике хозяйственных и социальных особенностей образа жизни населения, жившего на этой территории во второй половине 20-х гг. XX столетия.

Основную часть жителей региона в этот период представляли коренные северные народы, издавна населяющие его обширные пространства. В. Г. Цвангер отмечает, что среди жителей Чукотки в 1926—1927 гг. коренные народности составляли 86,1%, а русские и прочие нетуземцы — лишь 13,9% всего населения[29]. И. С. Вдовин, описывая процесс создания Чукотского национального округа, пишет, что на территории, обнимающей районы Западной и Восточной тундры, Омолонский район Колымского округа ЯАССР, Чукотский и Анадырский районы Камчатского округа Дальневосточного края, проживало 14 500 чел. Из них 11 060 (76,3%) чукчей, 1261 (8,7%) эскимосов, 625 (4,3%) эвенков и эвенов, около 1000 (7%) юкагиров и чуванцев, 297 русских[30]. Основываясь на этих цифрах, можно подсчитать, что в среднем по Северо-Востоку численность пришлого населения составила лишь 2%, что значительно меньше показателя, приводимого В. Г. Цвангером.

По нашему мнению, возможность анализа численности пришлого и коренного населения региона в конце 20-х гг., их хозяйственных занятий и социальных характеристик предоставляют материалы Приполярной переписи, проведенной по всем северным районам СССР в 1926—1927 гг.

Объектом нашего рассмотрения в данном случае является население Чукотского, Анадырского и Пенжинского районов Камчатского округа и Ольского района Николаевского округа Дальневосточного края, а также Колымского округа Якутской АССР, включающего Колымский улус, Нижнеколымскую волость и район Восточной тундры, согласно административно-территориальному делению того времени. К сожалению, из нашего обзора будет исключен Омолонский район Колымского округа ЯАССР. Это связано с тем, что к моменту издания материалов переписи данные по Омолонскому району ввиду трудности транспортного сообщения не были доставлены даже в Якутск[31].

Согласно данным переписи, население Колымского округа ЯАССР, без Омолонского района, насчитывало 7384 чел., из которых 5361 (72,6%) жили оседло, а 2023 вели кочевой образ жизни. Оседлое население представлено русскими — 1014 чел. и якутами — 4347 чел.; кочевое составили ламуты (386 чел.), тунгусы (273 чел.), чукчи (1244 чел.), юкагиры (120 чел.)[32]. Пришлое население, таким образом, составило 13,7%.

---

[29] Цвангер В. Г Население Чукотки // Преображенный край. — Магадан: Кн. изд-во, 1956. — С. 97.

[30] Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. — М.; Л.: Наука, 1965. — С. 330.

[31] Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 года. Территориальные и групповые итоги переписи. — М.: Стат. изд-во ЦСУ СССР, 1929. — С. V.

[32] Там же. С. 82.

Население Ольского района Николаевского округа ДВК на период переписи составило 2750 чел. При этом 51,2% всего населения (1409 чел.) вело кочевой образ жизни, оседлое составило 1341 чел. И если кочевое население было представлено исключительно тунгусами, то среди живущих оседло перепись выделяет пять этнических групп: камчадалы — 211 чел., коряки — 246 чел., русские и прочие нетуземцы — 424 чел., тунгусы — 306 чел. и 154 якута[33]. Доля пришлого населения в данном случае равна 15,4%.

Несколько иное соотношение между кочевыми и оседлыми жителями дает перепись Пенжинского района Камчатского округа ДВК. Кочевое население, представленное коряками (2059 чел.), ламутами (227 чел.), тунгусами (1259 чел.), чуванцами (227 чел.) и чукчами (118 чел.), составило здесь около 65% всего населения. Абсолютные показатели в данном случае таковы: все население района — 5985 чел., из которых 2059 — оседлые жители. При этом среди оседлого населения выделяются коряки — 1051 чел., ламуты — 23 чел., русские и прочие нетуземцы — 711 чел., тунгусы — 123 чел., чуванцы — 141 чел., чукчи — 43 чел., юкагиры — 3 чел. и один якут[34]. Процент пришлого населения здесь составил 11,9%.

Доля кочевого населения еще более возрастает в Анадырском районе Камчатского округа ДВК. При общей численности проживающих в районе 6223 чел. она составила 78,1%, или 4866 чел. Самую большую группу кочевников составили чукчи и эскимосы — 4549 чел.; затем следуют ламуты — 230 чел., чуванцы — 85 чел., коряки — 2 чел. Среди оседлого населения района наибольшая часть жителей представлена чукчами (506 чел.), за ними следуют русские и прочие нетуземцы (255 чел.), чуванцы (234 чел.), эскимосы (108 чел.), камчадалы (96 чел.), коряки (90 чел.), юкагиры (44 чел.), ламуты (24 чел.)[35]. Пришлое население (русские и прочие нетуземцы) составило для Анадырского района лишь 4%.

Иную картину образа жизни населения демонстрируют материалы переписи Чукотского района Камчатского округа ДВК. Кочевое население здесь включало лишь 32,2% всех жителей района — 1978 чукчей и 10 ламутов. Составлявшее 67,8% оседлое население в подавляющем большинстве было представлено чукчами (2946 чел.) и эскимосами (1142 чел.). Камчадалы (8 чел.) и пришлое население (94 чел.) оказались в этом случае лишь небольшими группами оседлого населения и составили соответственно 0,12 и 1,5%[36].

Таким образом, все население обозначенных выше административно-территориальных образований составило в 1926—1927 гг. 28 520

---

[33] Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). — Благовещенск, 1929. — С. 182.

[34] Там же. С. 176.

[35] Там же. С. 170.

[36] Там же.

чел. Обобщая данные, мы получим примерно равное соотношение между оседлыми жителями и кочевниками в структуре населения — соответственно 14 344 чел. (50,3%) и 14 176 чел. (49,7%).

При этом самой большой национальной группой в составе населения региона оказываются чукчи (всего 6835 чел., из них 48,8% — кочевые). Второй по численности можно считать указанную переписью Анадырского района группу кочевых чукчей и эскимосов (4549 чел.). Затем следуют 4502 оседлых якута. Далее, в порядке убывания: коряки (всего 3448 чел., из которых 59,8% — кочевые), тунгусы (всего 3370 чел., 87,3% — кочевники), 1250 оседлых эскимосов, ламуты (всего 900 чел., из них 94,8% — кочевые), чуванцы (всего 687 чел., 45,4% — кочевники), оседлые камчадалы (315 чел.) и юкагиры (всего 166 чел., 72,3% — кочевые).

Пришлое население во всех перечисленных районах составило всего 2498 чел. (8,7% общей численности населения региона). Как видно, полученные результаты значительно отличаются от приведенных В. Г. Цвангером и И. С. Вдовиным цифр. Однако сведения о численности населения по Колымскому округу, которыми мы располагаем, весьма близки показателям, приводимым И. И. Майновым. Для 1925 г. он называет численность населения этой административной единицы, равную 7087 жителям[37].

Переходя к описанию хозяйственных занятий населения Северо-Востока, отметим, что различное значение отдельных отраслей в комплексном хозяйстве северных народов определялось различными производственными направлениями — хозяйственно-культурными комплексами. Обычно выделяется три таких комплекса: морское зверобойное хозяйство, крупнотабунное оленеводческое хозяйство, рыболовецкое и охотничье хозяйство[38]. Естественно, что перечисленные комплексы не исчерпывают всего спектра производственных занятий населения Севера, но являются обозначением основного направления промысловой

---

[37] Майнов И. И. Население Якутии // Якутия. — Л.: Изд-во АН СССР, 1927. — С. 416. Расхождения в подсчетах подобного рода неизбежны, так как в то время в условиях высокой мобильности кочевого населения, отсутствия устойчивой системы путей сообщения в регионе, недосягаемости населенных пунктов, расположенных вдали от морского побережья, сбор абсолютно точных данных был весьма затруднен. Тем не менее данные Приполярной переписи, безусловно, могут быть использованы для анализа этнических и хозяйственных характеристик населения Северо-Востока, поскольку являются обобщающими данными государственных статистических органов.

[38] Кузаков К. Г. Ожившая тундра (социализм и судьбы народов Севера Дальнего Востока). — Владивосток: Кн. изд-во, 1973. — С. 17. Отметим здесь и работу А. Г. Вольфсона "Происхождение чукотско-корякской культуры оленеводства" (Владивосток, 1991), акцентирующую внимание, среди прочего, именно на культурообразующей роли хозяйственно-производственных комплексов.

деятельности, к которому примыкают все остальные, играющие менее значительную роль.

Как мы уже указывали, основную часть (67,8%) населения Чукотского района Камчатского округа ДВК составляло оседлое население, имеющее 782 отдельных хозяйства. При этом 548 хозяйств принадлежало чукчам, 190 — эскимосам, 3 — камчадалам и 41 — русским и прочим нетуземцам[39] Учитывая, что роль камчадалов и пришлого населения в хозяйственной жизни этого района была незначительной, обратимся к анализу промысловой деятельности прежде всего чукотских и эскимосских хозяйств (738 хозяйств).

Из общего количества хозяйств лишь 346 имели воднотранспортный инвентарь, который, однако, включал 75 вельботов из 76 имеющихся в районе и 387 байдар из 436[40]. Используя этот инвентарь, в 1926—1927 гг. только чукчи и эскимосы добыли 2027 голов моржей (90,4% всех добытых в районе), 1635 голов тюленей (91%) и 15 016 голов нерп (89,2%)[41]. Вполне очевидно, что в данном случае речь идет о хозяйствах оседлых морских зверобоев.

Иную картину хозяйственной жизни дает анализ производственных занятий кочевого населения района, включавшего 360 хозяйств кочевых чукчей и 2 хозяйства кочевых ламутов[42]. На 362 производственные единицы здесь приходилось 99,3% всего оленьего поголовья (88 924 оленя)[43].

Таким образом, материалы Приполярной переписи позволяют считать, что основой хозяйственной жизни оседлого населения Чукотского района Камчатского округа ДВК был морской зверобойный промысел с дальнейшей утилизацией морских животных. Крупное оленеводческое хозяйство являлось основой жизнедеятельности кочевого населения этой местности, чему, безусловно, способствовали значительные тундровые пространства. При этом у морских зверобоев и оленеводов вспомогательные хозяйственные занятия имели различное значение. И. С. Вдовин отмечал, например, значение пушной охоты: "Те хозяйства чукчей, которые могли продуктивно заниматься морским зверобойным промыслом на протяжении всего года, почти не прибегали к пушной охоте. И наоборот, в тех местах, где морской промысел был неустойчивым, охота на пушного зверя была необходимой"[44]. С. В. Обручев, в свою

---

[39] Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). С. 182.

[40] Там же. С. 183.

[41] Там же. С. 186.

[42] Там же. С. 182.

[43] Там же. С. 184.

[44] Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 311.

очередь, заметил, что чукчи собирают в тундре и употребляют в пищу до 18 видов съедобных растений[45].

Завершая обзор хозяйственных занятий населения Чукотского района, назовем наиболее значительные места сосредоточения оседлого и кочевого населения. Крупнейшие постоянные населенные пункты находились на побережье Берингова моря, где наблюдается наибольшее поголовье морского зверя. Это стойбища Наукан (349 жителей), Уэлен (269 жителей) и Чаплин (254 жителя)[46]. Сосредоточение кочевого населения наблюдалось в тундровых районах Чукотского п-ова, где природные условия способствовали выпасу крупных оленьих стад. Это Чаа (Чаун) — 76 жителей, Курупка — 69, Кым-кым — 65 жителей[47]

Занятия населения Анадырского района, расположенного южнее, характеризовались сравнительно бóльшим разнообразием. Из всего количества хозяйств оседлых жителей (325) основная масса — 254 хозяйства (или 75%) — принадлежала трем этническим группам: чукчам (110 хозяйств), русским и прочим нетуземцам (104) и чуванцам (40 хозяйств). Судя по материалам переписи, основным занятием перечисленных производственных единиц являлся морской зверобойный промысел: на их долю приходилось 77,4% всех имевшихся в районе вельботов (72 из 93), а также 88,8% всех шлюпок (24 из 27)[48]. Промысловая ориентация оседлых жителей здесь становится очевидной, если учесть, что ими в 1926 г. было добыто 353 моржа (75% всех добытых по району) и 277 тюленей (91,7%)[49].

Однако, будучи основой производственной деятельности, морской зверобойный промысел дополнялся здесь другими видами хозяйственных занятий. Наиболее распространенным являлось рыболовство. Так, 53% всех рыболовных сетей района (11 829 кв. м) приходилось на эти хозяйства[50]. С помощью этого и иного инвентаря оседлые жители Анадырского района выловили 43 ц сельди (40% всего улова района), 7454 шт. чавычи и семги (79,5%) и 74 277 шт. кеты (72,8 %)[51].

За рыболовством следовала пушная охота. В 1926 г. оседлые хозяйства чукчей, чуванцев, русских и прочих нетуземцев добыли, например, 510 горностаев из 800 добытых в районе[52]. Если пушной и морской зве-

---

[45] Обручев С. В. По горам и тундрам Чукотки. Экспедиция 1934—1935 годов. — М.: Географгиз, 1957. — С. 118.

[46] Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). С. 68.

[47] Там же. С. 80.

[48] Там же. С. 171.

[49] Там же. С. 174.

[50] Там же. С. 171.

[51] Там же С. 173.

[52] Там же. С. 174.

робойный промыслы имели, кроме прочего, и товарный характер, то серьезным подспорьем в самообеспечении оседлых хозяйств являлась охота на птицу. В анализируемый период ими было добыто 56,7% гусей, 63,5% куропаток и 63% уток от общего числа добытых в районе[53]

Представляется важным следующий факт. Пятнадцать оседлых хозяйств района в 1926 г. засеяли 0,13 га земли[54]. Материалы переписи, к сожалению, не содержат информации о видах засеянных культур, но в данном случае речь может идти лишь об овощных культурах, в силу их способности акклиматизироваться в природной среде Северо-Востока[55]. Косвенным доказательством этого утверждения может служить и то, что 66,6% всех посевов принадлежало русским и прочим нетуземцам, в пищевом рационе которых овощи издавна играли важную роль.

Из 868 хозяйств кочевого населения 809, судя по сведениям переписи, принадлежало кочевым чукчам и эскимосам[56]. Основой их жизни являлось крупнотабунное оленеводство. Если у оседлых жителей оленей не было вообще, то кочевники обладали 312 853 головами оленей[57]

Подобно оседлым морским зверобоям, кочевые чукчи и эскимосы дополняли оленеводство иными способами промысловой деятельности. Среди них наиболее важным была охота. Заметим, что кочевники в Анадырском районе имели более качественное вооружение для охоты, чем их оседлые соседи. Так, они не имели гладкоствольных ружей, а количество принадлежавшего им нарезного оружия составляло 70,1% по району. В их распоряжении находилось 53,5% всех имевшихся капканов[58]. Это отражалось на результативности охоты. В 1926 г. указанные хозяйства добыли 87 волков (из 94 по району), 20 выдр (из 23), 3 лисицы-чернобурки (вся добыча района), 19 лисиц-сиводушек (из 38), 521 красную лисицу (из 913), 28 бурых медведей (из 37) и 433 белых песца (из 859)[59].

Однако если пушная охота служила прежде всего видом товарной производственной деятельности (так как почти все необходимое для

---

[53] Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). С. 175.

[54] Там же. С. 172.

[55] Даже много позже, когда сельскохозяйственное производство было механизировано и появились серьезные научные разработки, природные условия здесь позволяли выращивать исключительно овощные культуры, прежде всего картофель и белокочанную капусту. См., например: Пасечник П. П. Сельскохозяйственные предприятия Дальстроя // Дальстрой. К 25-летию. С. 208.

[56] Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). С. 170.

[57] Там же. С. 172.

[58] Там же. С. 171.

[59] Там же. С. 174—175.

жизни кочевникам давал олень), то другие виды охоты являлись дополнительными способами самообеспечения. По нашему мнению, это убедительно подтверждается небольшими объемами добычи морских промысловых животных и птиц[60]. Такое положение было характерно и для рыболовства кочевников, хотя в данном случае процент утилизации биологических ресурсов был несколько выше.

Иные природные условия в сравнении с Чукотским и Анадырским районами обусловили иные виды производственной деятельности жителей Пенжинского района Камчатского округа ДВК.

Среди оседлых хозяйств района явно доминировали по количеству, наличию всевозможного инвентаря и результативности его использования хозяйства коряков (148), русских и прочих нетуземцев (135), тунгусов (22) и чуванцев (22), в совокупности составлявшие 95,9% от числа всех хозяйств оседлых жителей района[61].

Принадлежавший им хозяйственный инвентарь составлял 19 вельботов (из 20 в районе), 103 шлюпки (из 117). В их распоряжении находилось 40% всех неводов и 54,7% рыболовных сетей[62]. Однако характер использования указанного инвентаря был здесь несколько иным, чем у оседлых жителей районов, описанных нами выше. На северном побережье Охотского моря гораздо реже встречаются моржи, основные их лежбища находятся в Беринговом и отчасти в Чукотском морях. Поэтому основным занятием оседлого населения Пенжинского района являлось морское и речное рыболовство в сочетании с пушным и птичьим промыслом. Если в 1926 г. указанные хозяйства добыли всего 3 моржей (100% от результатов района в целом), 5 тюленей (100%) и 2491 нерпу (76,7%)[63], то результаты рыболовства и охоты в данном случае были более масштабны. Оседлыми жителями было выловлено 100% всего улова сельди и 73,7% улова горбуши в районе, ими же добыто 72% белых песцов, 45,6% горностаев и т. д. от районных показателей[64].

Надо отметить, что русское и прочее нетуземное население района благодаря естественным условиям этой местности получило возможность заниматься и традиционными видами производственной деятельности. Именно этой группе оседлого населения принадлежало 75 лошадей, из которых 52 использовались как рабочие, а также 119 голов крупного рогатого скота, в том числе и 47 коров[65]. Очевидно, именно с этим связан тот факт, что 57 хозяйств русских жителей в 1926 г. собра-

[60] Кочевые чукчи и эскимосы Анадырского района в 1926 г. добыли 15% моржей по району, 6,9% тюленей, 30,2 % гусей, 3,8% куропаток и 0,5 % уток. Там же.

[61] Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). С. 176.

[62] Там же. С. 177.

[63] Там же. С. 180.

[64] Там же. С. 179—181.

[65] Там же. С. 178.

ли 1728,9 ц сена (или 98,5 % от всего сбора сена в районе)[66]. Русским же хозяйствам принадлежало 92,8% всех засеянных в 1926 г. площадей (1,3 га)[67]

Основой жизни кочевого населения здесь оставалось крупнотабунное оленеводство. Хозяйствам кочевых коряков и тунгусов, составлявшим в то время 88,3% всех кочевых хозяйств, принадлежало 79,4% оленепоголовья района[68]. Но абсолютные показатели дополнительных производственных занятий кочевого населения здесь значительнее, чем в Чукотском и Анадырском районах. Все пенжинские кочевники в 1926/27 гг. выловили 340,4 ц уйка, 326 987 шт. кеты и 271 140 шт. горбуши[69]. Результативной оказалась и пушная охота — 18 576 белок, 730 горностаев, 734 красные лисицы, 32 росомахи. Серьезным подспорьем кочевым корякам и тунгусам стали убитые ими 95 горных баранов, 75 лосей, 125 диких оленей, 1466 глухарей и т. д.[70]

Таким образом, можно признать вполне очевидной зависимость основных хозяйственных занятий населения Северо-Востока от природных условий и увеличения комплексности производственной деятельности в связи с их изменением.

Это положение подтверждается и материалами Приполярной переписи территории Ольского района Николаевского округа ДВК, хозяйственная деятельность населения которого во многом сходна с занятиями жителей Пенжинского района.

Наибольшее количество оседлых хозяйств названной административно-территориальной единицы принадлежало в 1926—1927 гг. русским и прочим нетуземцам (93), тунгусам (66) и корякам (45). Все вместе они представляли 73,9% всех оседлых хозяйств района[71].

Этим хозяйствам принадлежало более половины всех шлюпок в районе и один баркас; их рыболовный инвентарь составлял 80 неводов (общей площадью 5752 кв. м) и 225 сетей (14 293 кв. м)[72]. Результативность использования этого инвентаря: 100% пойманной в районе сельди, 70% кеты, 63% горбуши и т. д.[73]

Другим важным направлением промысловой деятельности этих хозяйственных единиц была охота на морских животных, обитавших в прибрежных водах, пушных зверей и птиц[74]. Стоит, по нашему мнению,

---

[66] Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). С. 179.

[67] Там же. С. 178.

[68] Там же.

[69] Там же. С 179.

[70] Там же. С. 180—181.

[71] Там же. С. 182.

[72] Там же. С. 183.

[73] Там же. С. 185.

[74] См.: Там же. С. 186—187. Известный колымский геолог И. И. Галченко так описывал хозяйственную жизнь жителей пос. Ола в 1930 г.: "Их основное заня-

особо выделить и поголовье крупного рогатого скота в этих хозяйствах — оно насчитывало 184 головы, в числе которых 98 коров. С этими показателями сопоставимо только поголовье крупного рогатого скота, принадлежавшего крайне немногочисленным хозяйствам якутов, проживавших в Ольском районе — 111 голов[75]. Для обеспечения животных кормом на зиму русские, оседлые коряки и тунгусы собрали в 1926 г. 3539 ц сена (оседлые якуты собрали для этих же целей 1136 ц сена)[76]. Засеянные площади в Ольском районе на 1926 г. охватывали территорию 1,7 га[77].

Основным занятием тунгусов, представлявших кочевую часть населения района, при безусловно ведущей роли оленеводства, являлась охота. И наоборот, имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют судить о весьма незначительной роли рыболовства в хозяйственном комплексе ольских оленеводов, так как его результаты не превышали 20% по району. Пожалуй, только в ловле гольца они оставили далеко позади все население этой территории[78]. Небольшими были здесь и размеры оленепоголовья, которое насчитывало 18 011 голов[79]. Однако наиболее масштабными были достижения тунгусов в охоте: они добывали от 52 до 100% разных видов промысловых животных по району[80].

Вполне закономерно, что крупнейшими местами сосредоточения оседлого населения Ольского района были поселки на побережье Охотского моря, где имелись все условия для рыболовства, а относительно мягкий климат позволял заготовлять корм для стойлового содержания скота. Это пос. Ямск (389 жителей), Тауйск (198) и Ола (193 жителя). Наименьшим оказалось население отдельно выделяемого переписью Могодана в бухте Нагаева, где постоянно жили лишь 4 ламута (эвена)[81]. Среди территорий кочевий ольских тунгусов по количеству населения

тие — рыбная ловля, промысел морского зверя, зимой — охота за пушным зверем и извоз на собаках". Галченко И. И. Геологи идут на Север. — М.: Совет. Россия, 1958. — С. 31.

[75] Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.) С. 184.

[76] Там же. С. 185.

[77] Там же. С. 184.

[78] Там же. С. 185.

[79] Там же. С. 184.

[80] См.: Там же. С. 186—187.

[81] Там же. С. 86. Председатель Ольского ревкома в 1924—1926 гг. А. А. Кочеров писал о населении Могодана того времени: "В устье р. Магаданки... стояли две летние юрты эвенов Даниила Абрамова и Кирика Трифонова. Во время хода кеты и горбуши они заготовляли здесь себе юколу и порсу (рыбную муку). Осенью охотились на морского зверя в бухте Гертнера. Зверя во время отлива на лежбищах били палками. С наступлением зимы Абрамов и Трифонов откочевывали вверх по р. Дукче на Хасын и Армань, где охотились на пушного зверя". Кочеров А. А. Из истории основания Магадана. Воспоминания старожила // Краевед. зап. — 1959. — Вып. 2. — С. 106.

выделяются местности в бассейнах рр. Туманы, Сиглань и Неутар, насчитывавшие от 143 до 247 жителей[82]

Природные условия Колымского округа ЯАССР значительно отличались от природных условий Севера ДВК, различными были и занятия населения названных территорий. Как отмечалось выше, основную массу населения Колымского округа ЯАССР составляли оседлые жители, в основном якуты, и незначительное количество русских. Комплекс их производственной деятельности включал прежде всего занятия сельским хозяйством, в котором было занято наибольшее количество жителей — 1825 чел.; 1728 чел. занималось рыболовством, а 1112 — охотой. Незначительное количество оседлых обитателей Приколымья занималось оленеводством, извозом, кустарными промыслами, торговлей и т. д.[83] Работники 36 хозяйств из 828, принадлежавших якутскому населению, были заняты вне своего хозяйства, для русских это соотношение выше — 32 из 199[84].

Основные занятия оседлых жителей Колымского округа определили и более значительное по сравнению с Севером ДВК количество крупного рогатого скота. В 69 русских хозяйствах Приколымья содержали 21 быка старше двух лет и 121 корову. При подавляющем преобладании якутов в этнической структуре населения те же показатели для их хозяйств были более масштабными — им принадлежало 304 быка и 2354 коровы[85].

Основным средством передвижения оседлого населения Колымы, как и на дальневосточном Севере, были собачьи упряжки. Количество ездовых собак в 1926—1927 гг. здесь было значительным — русским принадлежала 1291 собака, якутам — 2399. С нашей точки зрения, это свидетельствует о том, что якуты более широко занимались извозом, чем русские. Подобный факт можно констатировать и относительно охотничьего промысла, более широко распространенного у якутов. Об этом говорят данные о количестве охотничьих собак — 241 у якутов и всего пять у русских[86].

Приколымские кочевники — ламуты, тунгусы, чукчи и юкагиры — имели обычный для кочевого типа хозяйства производственный комплекс. Ведущую роль в нем играло оленеводство, в котором было занято более половины всех работников (1180 чел.). Далее, по численности занятых, мы получим следующий ряд: охота (446 чел.), рыболовство

---

[82] Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). С. 92.

[83] Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27года. С. 82—83.

[84] Там же. С. 83.

[85] Там же. С. 90.

[86] Там же.

(439 чел.), морской зверобойный промысел (97 чел.), сельскохозяйственное производство (12 чел.) [87]

Таким образом, анализ данных Приполярной переписи 1926—1927 гг. позволяет констатировать наличие у народов Северо-Востока в этот период культурно-хозяйственных комплексов. При этом наиболее характерный для каждой местности комплекс занятий населения всегда включал дополнительные виды производственной деятельности, либо продиктованные в большей степени товарным спросом на те или иные объекты промысла (например, пушная охота), либо позволяющие укрепить возможности выживания в окружающей суровой природной среде (рыболовство у кочевников или охота на птиц у морских зверобоев).

Традиционный уклад жизни и производственной деятельности коренных жителей Северо-Востока со времени присоединения территории их расселения к России изменился незначительно. Однако русская колонизация привнесла в жизнь аборигенов ряд негативных явлений, серьезно повлиявших на жизнеспособность туземного населения.

Среди них, во-первых, следует назвать рост заболеваемости, прежде всего привнесенными болезнями, что на фоне обычной здесь антисанитарии стало причиной повышенной смертности. Известный российский ученый С. В. Бахрушин, характеризуя процесс завоевания русскими Сибири, отмечал: "Русские занесли в завоеванные страны оспу, тиф, сифилис, приучили дикарей к алкоголю и табаку, захватили их охотничьи угодья и способствовали тем обнищанию и вымиранию наименее приспособленных к борьбе за существование рас. Таковыми оказались палеоазиатские племена, кочевавшие в бесплодных северных тундрах, юкагиры, чуванцы, коряки..."[88] Драматичными эпизодами истории приколымских чукчей явились несколько эпидемий оспы в конце XVII в., приведшие к резкому сокращению численности этой этнической группы[89].

Как явствует из документальных материалов, такое положение не было изменено вплоть до середины XX столетия. Эпидемии кори, скарлатины и гриппа, против которых туземное население оказалось бессильным, в 1925—1926 гг. стали причиной высокой смертности коряков, тунгусов, чуванцев. Наименее защищенными оказались дети: у коряков в 1926 г. умерла почти половина новорожденных[90].

---

[87] Там же. С. 82—83.

[88] Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии // Якутия. С. 306.

[89] См.: Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. С.105.

[90] См.: Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). С. XLIX—L. Известный геолог С. В. Обручев, отмечал, что у якутов на Северо-Востоке России в 20-х гг. детская смертность достигала 60%. См.: Обручев С. В. Неведомые горы. Экспедиция в неисследованные местности Якутии в 1926 г. — М., 1931. — С. 27.

Подобная ситуация усугублялась почти полным отсутствием системы медицинской помощи. Так, перед 1917 г. на всей огромной территории Приколымья имелось всего два фельдшера и один врач[91]. На Чукотке сеть учреждений здравоохранения в конце XIX в. состояла из двух фельдшерских пунктов — в пос. Анадырь и с. Марково. Известен единственный случай посещения врачом мыса Дежнева в 1910 г.[92] В 20-х гг. XX столетия распространению болезней и усугублению их опасности, помимо антисанитарного состояния жилищ коренных жителей, способствовали трудность соблюдения нужного карантина и крайне редкая сеть фельдшерских пунктов[93].

Другим фактором, негативно отразившимся на коренных обитателях региона, явилось хищническое истребление биологических ресурсов Северо-Востока пришлым населением. Это наносило непоправимый ущерб, приводило к нарушениям природных угодий и подрыву популяций промысловых животных. Такое положение сохраняется на Северо-Востоке вплоть до настоящего времени[94].

Одним из важнейших стимулов продвижения "встречь солнцу" в начальные периоды русской колонизации территорий, лежащих за Уралом, являлся интерес к промыслу соболя — ценнейшего пушного зверя, шкурка которого имела высокую стоимость как в России, так и за ее пределами. Продвижение на Восток вслед за постепенно истребляемым соболем привело русских казаков на северо-восточные окраины Евразии. От имени московского правительства пришельцы обкладывали аборигенное население ясаком, вносить который надлежало именно соболиными шкурками. Помимо этого при помощи русской военной администрации "мягкую рухлядь" скупали и многочисленные торговцы. Всего за четыре года (1641—1644 гг.) воевода Головин выслал из Якутии в Москву более 102 тыс. шкурок соболя. Примерно столько же было принудительно скуплено у местных жителей купцами[95]. Как отмечал И. И. Майнов, "под влиянием требовательности русских прежнее звероловство аборигенных народов постепенно превратилось в звероистребление"[96].

Поскольку восточнее Якутии безлесые тундровые пространства не способствовали обитанию соболя[97], то основатели русских острогов на

---

[91] Г а л ч е н к о И. И. Геологи идут на Север. С. 21.

[92] См: Ж и х а р е в Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.). С. 9.

[93] См.: Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). С. XLIX.

[94] См: К и р и к о в С. В. Промысловые животные, природная среда и человек. — М.: Наука, 1966. — С. 5.

[95] Л а в р и к А. Г. За хребтами Арга-Таса. — М.: Сов. Россия, 1963. — С. 45.

[96] См.: М а й н о в И. И. Население Якутии // Якутия. С. 404.

[97] Отметим здесь, что русская колониальная администрация во второй половине XVII в. организовывала несколько военных акций с целью принудить чук-

Крайнем Северо-Востоке обратили внимание прежде всего на продукты морского зверобойного промысла, ценнейшим из которых оказалась моржовая кость ("заморный зуб"). За пуд моржовой кости в 40-х гг. XVII столетия царская казна платила от 15 до 25 руб. и больше. Моржовые клыки из Москвы в виде подарков шли в Крым и Константинополь[98]. Это и стало главной причиной хищнического уничтожения моржей. Приведем только один пример. С 1654 по 1659 г. практически опустело крупное лежбище этого морского животного на территории Земли Гека в Анадырском лимане, где промыслом руководили легендарный С. Дежнев и Ю. Селиверстов[99].

Неконтролируемое уничтожение биологических ресурсов и пренебрежение интересами коренного населения, ставшие существенными характеристиками проводившейся здесь колониальной политики, продолжались и в последующие годы. Хищническое истребление моржей привело к тому, что ежегодная добыча к 1910 г. упала до 6 тыс., а к 1925 г. сократилась до 2700 голов[100]. К 1923 г. на Чукотке остались действующими всего несколько лежбищ из двадцати, зарегистрированных в конце XIX в.[101]

Слабость местных органов власти на Северо-Востоке на рубеже XIX—XX вв. позволяла иностранным (прежде всего американским) компаниям активно внедряться в систему торговли с местным населением. Подобное положение сохранялось и в первые годы советской власти. Только одна американская компания "Swenson and Co" в начале 20-х гг. добывала на Чукотке до тысячи моржей за одну навигацию[102].

Все это в значительной степени способствовало постепенной деградации коренных народностей Северо-Востока. Поэтому одной из важнейших проблем, возникших перед органами советской власти, окончательно установившейся здесь в 1923 г., стало оказание аборигенному населению всеобъемлющей помощи.

чей, проживавших в низовьях Колымы, вносить ясак именно соболем, что вызвало ожесточенные столкновения с ними. См.: Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 102.

[98] См.: Гущин И. В., Афанасьев И. А. Из истории присоединения Чукотки к русскому государству и установления советской власти в крае // Преображенный край. — Магадан: Кн. изд-во, 1956. — С. 112.

[99] Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. — С. 107—108.

[100] Тихненко И. И. Морской зверобойный и рыбный промысел // Преображенный край. С. 221.

[101] Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 303.

[102] Для сравнения: в 1921—1922 гг. на всем Чукотском полуострове чукчи-зверобои добывали не более тысячи моржей. См.: Андриевский. По вопросу о регулярном обслуживании Колымского и Ленского бассейна // Экономическая жизнь Дальнего Востока. — 1924. — № 1. — С. 47—48. См. также: Караев А. И. Чукотско-Анадырский край (очерки местного жителя) // Там же. — 1926. — № 5.

Следует отметить, что первые годы существования советской власти после революционных событий 1917 г. характеризуются коренными изменениями государственной политики по отношению к малочисленным северным народам. Предоставленные ранее самим себе, они впервые стали объектом серьезного внимания государства. Уже в 1921 г. СНК РСФСР выделил для нужд населения Камчатской области (куда входила и Чукотка) 500 тыс. руб. золотом[103].

Для решения проблем, подлежащих скорейшему разрешению, был создан специальный государственный орган, призванный целенаправленно заниматься вопросами жизни туземного северного населения. 13 марта 1922 г. коллегия Народного комиссариата по делам национальностей приняла решение об организации при отделе национальных меньшинств подотдела по охране и управлению первобытных племен Севера России. В числе непосредственных задач подотдела значились: организация управления первобытными племенами применительно к их культурным, бытовым особенностям и условиям жизни, охрана первобытных племен от всякой эксплуатации и всестороннее изучение жизни и хозяйственного быта племен в целях безболезненного их приобщения к "новой социалистической культуре Советской России"[104]. Несколько позже, 20 июня 1924 г., Президиум ВЦИК по предложению коллегии Наркомнаца образовал Комитет содействия народностям северных окраин (более известный как Комитет Севера). Основной задачей комитета объявлялось "содействие планомерному устроению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении"[105].

Специфика образа жизни аборигенного населения вызвала к жизни оригинальную организационную форму деятельности Комитета Севера, создававшего в местах обитания туземцев специальные комплексные учреждения — культбазы. В своей работе эти организации должны были сочетать кооперативные, хозяйственные, просветительские, медицинские, ветеринарные и научно-исследовательские направления деятельности[106].

В конце 20-х гг. началось строительство этих учреждений в местах проживания коренного населения Севера. На территории Северо-Востока было создано пять культбаз: Нагаевская (для эвенов Охотского побережья) — в бухте Нагаева, Пенжинская (корякская) — на р. Пенжи-

---

[103] Ч и с т я к о в И. П. Советское строительство на Колыме и Чукотке // Колыма. — 1978. — № 7—8. — С. 8.

[104] См.: Вопросы истории. — 1951. — № 8. — С. 84.

[105] Цит. по: С е р г е е в М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 224.

[106] См.: Совет. Север. — 1934. — № 1. — С. 29.

не, Чаунская (в Чаунской губе) и Вилюнейская (на р. Хатырке) — для чукчей, Чукотская (в бухте Лаврентия) — для чукчей и эскимосов[107]

Принцип выбора места для организации культбазы виден из докладной записки заместителя председателя Дальневосточного Комитета Севера К. Я. Лукса, поданной на имя председателя Комитета Севера при ВЦИК П. Г. Смидовича. Обосновывая необходимость организации Охотско-Эвенской культбазы именно в бухте Нагаева, он писал: "Эта бухта расположена почти в центральном пункте для всех эвенских тузрайонов Охотского побережья, если считать от р. Немун (к югу от Аяна) до р. Гарманды и верховьев р. Гижиги, и в самом центре интересного Тауйского залива и прилегающих к нему тузрайонов. В навигационном отношении бухта Нагаева (Волок) лучший естественный порт всего Охотского моря и почти единственный... Нагаево (Волок) и культбаза автоматически станут жизненным центром этого округа и перерастут в крупный населенный пункт"[108]. Летом 1929 г. в бухте Нагаева началось строительство культбазы. Начали свою работу школа-интернат, больница, ветеринарный пункт, баня и дом туземца[109]. При опоре на Нагаевскую кульбазу стали возникать просветительские учреждения на Колыме. В 1930 г. молодой учитель П. И. Борисов основал в с. Сеймчан первую школу в Среднеканском районе. Затем в 1931 г. им же была основана первая начальная школа в стойбище Нелемное для детей юкагиров, эвенов и якутов, живших в верховьях Колымы[110].

Другим важным направлением государственной национальной политики на Северо-Востоке в 20-х гг. явилась экономическая помощь коренному населению. Объемы этой помощи должны были быть весьма существенными. По замечанию М. Корна (1926 г.), население только Приколымья ежегодно потребляло 40 000 пудов товаро-продуктов: муки, боеприпасов, чая, сахара, мануфактуры, скобяных товаров[111]. С августа 1923 г., когда на Колыму прибыл пароход "Ставрополь" и доставил первые продовольственные и промышленные товары, началось систематическое снабжение Северо-Востока всем необходимым[112].

---

[107] Это являлось частью выполнения подготовленного Комитетом Севера пятилетнего плана строительства 16 кульбаз со сметной стоимостью проекта около 3 млн руб. См.: Козлов А. Г. К истории возникновения и развития города Магадана (1929—1939 гг.) // Краевед. зап. — 1988. — Вып. 15. — С. 5.

[108] Цит. по: Фетисов А. П. Начальник "Большого Комитета". — Магадан: Кн. изд-во, 1974. — С. 25.

[109] См.: Кочеров А. А. Из воспоминаний // Краевед. зап. — 1957. — Вып. 1. — С. 68.

[110] См.: Борисов П. И. Моя встреча с Карлом Яновичем Луксом // Там же. 1989. — Вып. 16. — С. 33—34.

[111] Корн М. В советских далях. Сахалин. Чукотка. Камчатка. Колыма. — Владивосток: Кн. дело, 1926. — С. 65.

[112] Чистяков И. П. Советское строительство на Колыме и Чукотке // Колыма. — 1978. — № 7—8. — С. 8.

Однако эта помощь в рамках новой экономической политики не была односторонней. При организации в регионе системы советской торговли, основанной на эквивалентном обмене, происходило включение Северо-Востока в структуру экономических отношений, создаваемых НЭПом, так как результаты промысловой деятельности аборигенов (пушнина, моржовый клык и т. д.) становились источником получения валютных средств[113]. Проводимая здесь государственная экономическая политика дополнялась ограничением и вытеснением с этой территории торговцев, разоряющих местное население кабальной торговлей, а также промысловых фирм, истребляющих морских животных в прибрежных водах[114].

Постепенно это стало сказываться на увеличении товарности промысловой деятельности местного населения. Если в 1928 г. факториями Акционерного Камчатского общества только на Чукотке было приобретено 22 150 шкур серой нерпы, то в 1929 г. объем закупок этого промыслового сырья возрос до 22 502 шкур[115].

Закономерным итогом проводимой на этих территориях национальной политики стало образование в 1930 г. Чукотского, Корякского, Охотско-Эвенского национальных округов. Таким образом, впервые в своей истории коренные народности Северо-Востока получили государственный статус.

Значимым моментом явилось и признание государственной политики самими аборигенами Крайнего Севера. Тунгусы Ольской волости в

---

[113] С. В. Обручев отмечал в 1931 г.: "Фактически Колыма вместе с небольшим районом Индигирки дает за последние годы до 1 млн руб. валютой. Пушнина вывозится непосредственно в Америку" См.: Обручев С. В. Колымско-Индигирский край. Географический и геологический очерк. — Л.: Изд-во АН СССР, 1931. — С. 55.

[114] Только в 1916 г. из общей суммы торгового оборота в 1177 тыс. руб. на Чукотке иностранцам принадлежало 1068 тыс. руб. См.: Гущин И. В., Афанасьев А. И. Чукотский национальный округ. — Магадан: Кн. изд-во. — 1956. — С. 25. В том же 1916 г. иностранные торговые фирмы, заплатившие якутским охотникам 1722 руб. за приобретенную пушнину, выручили за ее продажу 6668 тыс. руб. Прибыль в данном случае составила 3000%. См.: Лаврик А. Г За хребтами Арга-Таса. С. 45. В 1923 г. вследствие нехватки собственных транспортных средств советские торговые органы заключили договор с канадской фирмой "Гудзон-Бей", которая стала единственной торговой организаций на Северо-Востоке, работающей под государственным контролем. В 1924 г. вся торговля здесь переходит к советской организации ОКАРО (Охотско-Камчатское рыбопромысловое общество), в 1925—1927 гг. в регионе действует Дальгосторг, в 1928 г. передавший все торговые операции Акционерному Камчатскому обществу (АКО).

[115] Розанов М. П. Промысел морского зверя на Чукотском полуострове // Совет. Север. — 1931. — № 6. — С. 56.

августе 1925 г. на собрании кочевников приняли обращение к Дальревкому: "Мы питаем надежду и уверенность, что Советская власть поможет нам, темным людям: мы хотим также быть грамотными, хотя наш кочевой образ жизни этому мешает. Мы просим Дальревком помочь бедному тунгусскому народу открыть нам кредит, так как последние годы не было пороху и дроби и мы остались без пушнины. Да здравствует Дальревком — первый заговоривший с нами как с равными"[116]. Очевидно, что обращение было составлено при участии местных органов власти, но приведенные данные свидетельствуют о кардинальном изменении отношения к коренным малочисленным народам со стороны органов государственной власти в 20-х гг.

Важно отметить специфический характер местных органов управления на территории Северо-Востока. Если в июле 1923 г. повсеместно на Дальнем Востоке возникла система выборных советских органов, то на описываемых нами территориях действовали революционные комитеты (ревкомы) — чрезвычайные органы власти, характерные для периода гражданской войны. Как отмечал Н. А. Жихарев, "от выборного принципа формирования власти... пришлось временно отказаться и создать волостные и сельские ревкомы из надежных лиц... Это — временная мера, имеющая целью подготовить кадры и условия для создания органов власти в лице Советов на выборных основах"[117].

Такая осторожность вполне объяснима. Видимо, определяющим фактором в этом случае явилась монополия на политическую власть, установленная большевиками в первой половине 20-х гг. В подобных условиях введение системы выборных органов власти на территории не только чрезвычайно отдаленной (а значит, и слабо контролируемой), но и не располагающей ни одной социальной группой, способной быть опорой новой власти, было бы, с большевистской точки зрения, неразумным. Поэтому возникла необходимость в сохранении чрезвычайного режима управления территорией региона.

Важным условием подготовки советизации Северо-Востока явилось увеличение численности членов партии, которые становились активными проводниками "партийной линии". Определенную роль в этом сыграл и так называемый ленинский призыв, значительно увеличивший число коммунистов в регионе[118]. Анализ национального состава парторганизаций в 1924 г. показывает, что пришлое население составило в них 76,7% всех членов, остальная часть приходилась на местные

---

[116] Цит. по: Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.). С. 133.

[117] Там же. С. 116.

[118] Если в январе 1924 г. в Камчатской губернии, куда входил и Северо-Восток, было 54 коммуниста, то на 1 ноября 1924 г. их насчитывалось уже 110. См.: Там же. С. 117—118, 121.

народности[119]. Таким образом, в середине 20-х гг. судьба региона определялась не его населением, а представителями (этническими и политическими) центрального правительства.

Другим способом формирования определенной социальной опоры для проведения советизации Северо-Востока явилось создание ситуации гражданского противостояния среди коренного населения. Речь идет о применении используемого уже к тому времени в центральных районах страны метода разделения населения по имущественно-социальному признаку. При этом специфика хозяйственной и общественной жизнедеятельности аборигенов Севера не принималась в расчет.

Все более возраставшая товарность оленеводства и морского зверобойного промысла приводила к выделению экономически наиболее сильных хозяйств. При этом расслоение патриархальной общины северных народностей имело имущественный характер, социальная же дифференциация у коренных народов находилась в зародышевом состоянии и явно не достигала степени социального противостояния. Так, например, распределение продуктов промысла у чукчей-зверобоев происходило следующим образом. Хозяину вельбота доставались все головы моржей с клыками, а также бо́льшая часть шкур лахтака и нерпы. Мясо и жир, как пищевые продукты, распределялись более или менее равномерно в зависимости от потребностей[120]. Если учесть, что членами такой зверобойной общины являлись, как правило, родственники[121], то становится очевидным отсутствие в ее рамках социальной дифференциации.

Количество батраков в хозяйстве богатого стадовладельца обычно не превышало 3—4 человек. Определенная часть работы по выпасу и содержанию оленей всегда выполнялась детьми владельца или его ближайшими родственниками. Батраком же становился чаще всего оленевод, потерявший своих оленей или не имевший достаточного их количества для собственного обеспечения. И если русский крестьянин, попадавший в подобное положение, имел возможность сменить вид производственной деятельности, то северный оленевод был бы обречен на гибель. Поэтому и в рамках оленеводческих хозяйств мы не можем фиксировать эксплуатации, тем более что хозяин стада и его семья, работая вместе с батраками, обеспечивали их всем необходимым для жизни.

По сведениям С. В. Обручева, стадо оленей в 400—500 голов в Чаунской тундре было средним и "позволяло постоянно быть сытым" Мини-

---

[119] Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.). С. 122.

[120] Розанов М. П. Промысел морского зверя на Чукотском полуострове // Совет. Север. — 1931. — № 6. — С. 54.

[121] Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 306.

мальное же количество оленей для семьи из шести человек равнялось тремстам; если их было меньше, то олени постепенно "попросту съедаются"[122]. И. С. Вдовин также относит хозяйства с указанным оленепоголовьем к средним, отмечая, что хозяйства, имеющие от одной до трех тысяч оленей, можно считать богатыми, при этом середняки составляли довольно большую группу[123].

Схожая картина имущественного расслоения у чукчей-оленеводов Приколымья, если учесть, что тундровых пространств здесь значительно меньше, и соответственно должно быть снижено минимально необходимое количество оленей. Примем за средние хозяйства, имеющие стада от 26 до 250 голов. Таковых из 210 хозяйств чукчей-оленеводов оказалось 44,3%. Хозяйств с поголовьем от 251 до 10 000 и более голов оказалось 30,1%. Остальные могут быть отнесены к бедным. Сюда мы включили хозяйства, имеющие до 25 оленей (24,7%)[124].

Надо отметить, что выделение небольшого количества зажиточных хозяйств не актуализировалось ни в сознании, ни в конкретной практике коренных народов, в подавляющей своей массе сохраняющих традиционный патриархальный стиль общественных отношений. Подобная актуализация привносилась в жизнь туземцев пришлым населением. М. А. Сергеев приводит следующий пример: " Учитель хантыйской школы в юртах Мулитогорских поручил школьникам описать хозяйства всех жителей. Ребята старательно записали все имущество и инвентарь. Затем, разобрав собранные сведения, пришли к неожиданному выводу, что один хант — плохой человек, "кулак". Открытие это разошлось по юртам, из дома в дом"[125]. Вероятно, подобная политика имела место и на Северо-Востоке, хотя приведенный пример к нему прямо не относится.

Все перечисленные меры позволили создать почву для формирования органов советской власти в виде национальных Советов и национальных районных исполнительных комитетов. В 1925 г. они создаются на Охотском побережье, а позднее и на Чукотке.

Тем не менее это не означало прекращения провокационной по своей сути в местных условиях политики противопоставления "родовой аристократии" остальной части коренного населения. Необходимость такой практики была очевидной, если учесть, что укрепление в регионе советских властных структур происходило в условиях, когда зачастую местными лидерами становились "кулаки" и "шаманы", традиционно явля-

---

[122] О б р у ч е в С. В. По горам и тундрам Чукотки... С. 100.

[123] В д о в и н И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 300.

[124] См.: Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27года. С. 91.

[125] С е р г е е в М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. С. 278.

шиеся руководителями в патриархальной системе общественных отношений аборигенов. В. А. Цареградский, участник Первой Колымской геологоразведочной экспедиции, отметил в своем дневнике 19 июля 1928 г.: "Официально здесь установлена советская власть, есть РИКи и Советы, но фактически верховодят всем местные кулаки и шаманы. В соседнем поселке орочей... председатель Совета — шаман"[126].

Однако в конкретном управлении жизнью территории народы Северо-Востока на рубеже 20— 30-х гг. принимали минимальное участие. На Охотском побережье в это время, несмотря на существование традиционных родовых органов власти, в районных органах власти не было представителей местных народностей[127], а коренные жители верховьев Колымы не имели даже родовых советов[128].

Ситуация несколько изменилась в результате создания на территории региона национально-государственных образований — национальных округов. Но и здесь господствующей тенденцией оставалось значительное представительство пришлого населения во властных структурах. Так, в районных исполнительных комитетах Чукотки представители коренных народов составили лишь 33%[129].

Противостояние укрепляющихся на Северо-Востоке партийных и советских органов и традиционной патриархальной "родовой аристократии" предельно обострилось в результате попыток коллективизации сельского хозяйства в регионе, которые характеризовались "механическим перенесением политики классовой борьбы на общество первобытнообщинных отношений"[130]. Порочность подобной политической практики демонстрируют и документальные материалы Якутской РКИ, установившей в конце 20-х гг. следующие показатели для определения социальных групп колымских оленеводов: имеющие до 10 оленей считались бедняками, от 10 до 25 — маломощными, от 25 до 100 — середняками, от 100 до 500 — кулаками, свыше 500 оленей — феодалами. В том же документе приводились данные о доходе с головы оленя в 1 руб. 70 коп. в год. Таким образом, к кулакам причислялись хозяйства с годовым доходом в 170 руб. и выше. При распределении всего оленеводческого населения по таким признакам оказалось, что из всех кочевников 79% попадало в "кулаки и феодалы" и лишь 21% в трудовые группы[131].

---

[126] Цит. по: Иванченко А. С. Золотой материк. — Магадан: Кн. изд-во, 1962. — С. 136.

[127] Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. С. 238.

[128] Ерашов А., Кочеров А. Образование и укрепление советской власти на Колыме // Колыма. — 1939. — № 10. — С. 18.

[129] Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. С. 323.

[130] История Чукотки с древнейших времен до наших дней. С. 215.

[131] См.: Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. С. 342.

Отметим, что искусственное внесение чуждых аборигенным сообществам характеристик социальной дифференциации в практику их хозяйственной и общественной жизни порой приводило и к социальным эксцессам. В качестве примера упомянем восстание против Советской власти в Охотске в 1925 г., которое возглавил эвен Карамзин, по его словам, "выступивший на защиту своего народа"[132].

Несмотря на отдельные проявления эксцессных форм недовольства коренного населения, наиболее распространенным стало пассивное сопротивление аборигенов проводимой политике социального дифференцирования. Председатель Ольского ревкома в 1924—1926 гг. А. Кочеров в своих воспоминаниях отмечал, что на выборах Аткинского сельсовета в 1929 г. прибывшие окружные работники потребовали от кулаков покинуть собрание, так как закон о выборах запрещал им иметь избирательные права. В ответ на это требование все присутствующие демонстративно покинули помещение, так и не приступив к выборам. "В наполненной до отказа табачным дымом комнате остались только девять человек представителей окружного исполкома"[133].

Возникновение первых коллективных хозяйств в регионе относится к 1929 г., когда в с. Ямске на Охотском побережье была создана артель под названием "Долой частника" и в пос. Усть-Белая на Чукотке был организован колхоз им. Первого ревкома Чукотки[134].

Процесс коллективизации в регионе имел скорее демонстративно-политический, чем реальный экономический характер, так как при ее проведении отсутствовала подготовительная работа среди населения, а равно и последующая помощь колхозам со стороны местных властных структур[135]. И. Д. Бацаев, исследующий проблемы развития сельского и промыслового хозяйства Северо-Востока, также отмечает, что местные партийные и советские работники, прибывшие из других районов страны, не зная языка, обычаев, социальной структуры, проводили объединение в колхозы методами грубого администрирования[136].

Именно эти вопросы оказались наиболее острыми на первом съезде Советов Северо-Эвенского района Охотско-Эвенского национального округа, проходившего в с. Наяхан в августе 1932 г. На нем было установлено, что колхозы, созданные в районе еще в 1930 г. (Наяханский, Туманский, Гармандинский, Туромчинский, Вилигинский), были очень

---

[132] Ерашов А., Кочеров А. Образование и укрепление советской власти на Колыме // Колыма. — 1939. — № 10. — С. 17.

[133] Кочеров А. Из воспоминаний // Краевед. зап. — 1957. — Вып. 1. — С. 69—70.

[134] Сельское хозяйство Магаданской области. — Магадан: Кн. изд-во, 1956. — С. 40.

[135] См., например: Сергеев М. А. Малые народы Советского Севера. — Магадан: Кн. изд-во, 1957. — С. 109—110.

[136] Бацаев И. Д. Некоторые аспекты коллективизации сельского хозяйства Северо-Востока (1929—1937 гг.) // Краевед. зап. — 1991. — Вып. 17. — С. 8.

слабыми и в 1931 г. большая часть их распалась. Многие делегаты прямо заявляли, что колхозы нисколько не изменили жизни бедняцкого слоя населения[137]. Однако в соответствии с политическим ритуалом той эпохи причиной недееспособности упомянутых колхозов была названа деятельность кулаков, "проникших" в число колхозников.

Таким образом, процессы, протекавшие в хозяйственной и социально-политической жизни Северо-Востока в 20-е гг., характеризовались крайней противоречивостью. С одной стороны, несомненным является установление эквивалентных экономических отношений между местным населением и государством. Создание системы советской торговли, укрепляющей северное хозяйство, одновременно интегрировало его в структуру развивающейся экономики СССР, основанной на регулируемых государством рыночных отношениях. С другой стороны, следует отметить не оправданное местными условиями привнесение в патриархальный уклад жизни аборигенов форм и методов социально-классовой деятельности, характерной для центральных районов страны. Искусственно создаваемая местными органами власти социальная дифференциация населения, проводимая ими коллективизация разрушали складывающуюся веками хозяйственную культуру малых северных народов и устойчивую традиционную систему их общественных отношений.

Важнейшей причиной такого положения явилась внутренняя противоречивость новой экономической политики, состоящая в диспропорции экономической и политической практики государственного руководства.

Однако необходимо констатировать, что в течение 20-х гг. северо-восточные окраины стали постепенно преодолевать свое колониальное положение в составе бывшей Российской империи. Промысловое хозяйство Севера становилось равноправным субъектом экономической жизни страны, со временем здесь стали создаваться обычные местные органы власти, вплоть до национально-государственных образований.

Противоречивость политико-экономической ситуации на Северо-Востоке могла быть устранена лишь в случае преодоления ее в масштабах всей страны. Направление же возможного преодоления стало обоз-

---

[137] Юхименко В. И. Первый съезд Советов Северо-Эвенского района // Краевед. зап. — 1965. — Вып. 5. — С. 6, 7. Заметим здесь, что именно процессы коллективизации сельского хозяйства в регионе привели к значительному сокращению поголовья оленей. Так, если в 1926/27 гг. только на Чукотке оленепоголовье составляло 556 900 голов (История Чукотки с древнейших времен до наших дней. С. 211), то в 1932 г. на территории полуострова насчитывался лишь 432 041 олень. См.: Бацаев И. Д. Некоторые аспекты коллективизации сельского хозяйства Северо-Востока (1929—1937 гг.) // Краевед. зап. — 1991. — Вып. 17 — С. 9. К 1937 г. количество оленей здесь сократилось до 379 066 голов. Там же.

начаться в ходе борьбы между различными группами в партийно-государственном руководстве в 20-е гг., зачастую принимавшей формы острых внутрипартийных дискуссий. Политическое поражение группы Н. И. Бухарина, отстаивавшей необходимость углубления новой экономической политики, означало возвращение к старым, традиционным для России методам государственного руководства.

Первым признаком существенного усиления роли государства в жизни общества стала коллективизация сельского хозяйства, проведенная в сжатые сроки исключительно методами государственного принуждения. Проводимая на рубеже 20—30-х гг. XX столетия форсированная индустриализация СССР также свидетельствовала о резком возрастании роли государства в экономической и политической жизни страны. Эти факторы в совокупности с открытием в верховьях р. Колымы месторождений золота и предопределили изменение характера государственной политики на Северо-Востоке СССР.

§ 2. ЭКСПЕДИЦИИ 2-й ПОЛОВИНЫ 20-х ГОДОВ: ЦЕЛИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТЫ

В числе наиболее важных факторов, определивших возвращение Северо-Востока к традиционной для него роли внутренней колонии, необходимо назвать и открытие в верховьях р. Колымы богатых промышленных месторождений золота.

В истории открытия и добычи этого металла в России можно заметить определенную закономерность: открытие и освоение золотоносных районов происходило в направлении с запада на восток по мере распространения русской колонизации по сибирской территории. При этом чем восточнее находился район золотодобычи, тем большее содержание золота обнаруживалось в горных породах.[138] К 1917 г. этот металл в России добывался в Кочкарских горах на Урале, в Семипалатинской, Томской, Енисейской губерниях, на Баргузинских, Читинских, Нерчинских приисках, в Олекмо-Витимской тайге, в Зейском, Верхнеамурском, Унья-Бомском, Селемджинском и Ниманском уездах Амурской области[139].

---

[138] На рубеже XIX—XX вв., несмотря на неравномерность объемов золотодобычи по годам, восточносибирские прииски постоянно давали не менее 65% добываемого в стране золота. См.: Соболев М. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и нужды. — СПб, 1908. — С. 141—142.

[139] Фирсов Л. В. Рассказы о золоте. — Магадан: Кн. изд-во, 1957. — С. 13.

С начала XX в. ведет свою историю и "золотая Колыма". В 1908 г. известным благовещенским купцом И. Е. Шустовым для поиска удобных путей сообщения между Охотским побережьем и бассейном р. Колымы, снабжение населения которого сулило большую прибыль, был послан Ю. Я. Розенфельд. В устье небольшого правого притока р. Колымы он опробовал две кварцевые жилы, вышедшие на поверхность. Опробование показало присутствие мельчайших частиц золота, так называемых знаков. Эти жилы Розенфельд назвал "гореловскими" (под этим названием они и вошли в историю). Многочисленные обращения Ю. Я. Розенфельда к крупным промышленникам и в правительственные органы с предложением об организации экспедиции в верховья р. Колымы для поиска золота не дали положительных результатов. В 1917 г. во Владивостоке им была написана записка "Поиски и эксплуатация горных богатств Охотско-Колымского края", обращенная к местным купцам. В ней, в частности, говорилось: "Хотя золото с удовлетворительным промышленным содержанием пока не найдено, но все данные говорят, что в недрах этой системы схоронено весьма внушительное количество этого драгоценного металла"[140].

Получив очередной отказ, Розенфельд выезжает в 1921 г. за границу. Вернувшись впоследствии в Россию, он работал на горных предприятиях Забайкалья[141].

Реальное же золото было обнаружено в верховьях р. Колымы неким Сафи Шафигуллиным (Бориской). Летом 1915 г., скрывшись от мобилизации в армию, этот старатель-одиночка провел разведку нескольких небольших ручьев, впадающих в р. Среднекан — правый приток Колымы. На одном из ключей (позднее — ключ Борискин) он обнаружил богатое содержание золота. Однако поздней осенью 1916 г. Бориска был найден на Среднекане мертвым, причину смерти установить не удалось.

В 1916—1927 гг. верховье р. Колымы посещали горстки старателей, которые находили знаки золота, но из-за отсутствия снабжения не могли вести добычу металла. Такая же судьба постигла в 1928 г. и старательскую артель Ф. Р. Поликарпова, которая открыла и начала разработку

---

[140] Цит. по: Вронский Б. И. На Золотой Колыме. Воспоминания геолога. — М.: Мысль, 1965. — С. 11.

[141] Позже, в 1933 г., Ю. Я. Розенфельд был специально доставлен на Колыму, но не смог указать руководству Дальстроя месторасположение Гореловских жил и за "злостное утаивание данных о золоте" был осужден на пять лет заключения. Срок своего наказания Розенфельд отбывал здесь же, на Колыме. После освобождения первооткрыватель колымского золота работал коллектором на одном из предприятий Дальстроя в пос. Оротукан, где и был убит, по всей вероятности бежавшими из лагеря уголовниками. См.: Козлов А. Г. Трагедия Розенфельда // Магадан. правда. — 1990. — 3, 7 июня.

богатой россыпи золота на другом притоке Среднекана — ключе Безымянном[142].

Однако разрозненные сведения о наличии месторождений золота в бассейне р. Колымы не могли дать целостной картины перспектив их промышленной разработки. Обнаруженные золотоносные россыпи находились на значительном удалении от морского побережья, что существенно затрудняло доступ к ним. Бóльшая часть территории Северо-Востока в этот период была "белым пятном". "Карты рисовали на основании предположений, потому что экспедиции в этот труднодоступный край были редкими, и все они направлялись только по двум основным путям: от Якутска на север к Верхоянску или на восток по р. Хандыге и ее притокам через Оймякон к Верхнеколымску", — отмечал С. В. Обручев[143]. Этот же факт констатировали и иркутские ученые В. М. Малышев и И. Ф. Молодых: "...только 45% судоходных рек Восточной Сибири нам более или менее известны, об остальных мы не знаем почти ничего. К этой категории относятся все реки бассейна Северного Ледовитого океана (Хатанга, Оленек, Яна, Индигирка, Колыма и др.), по которым нет никаких плановых данных"[144].

Существенной характеристикой Северо-Востока второй половины 20-х гг. является и почти полное отсутствие системы путей сообщения в регионе. Даже в Якутии, наиболее густо населенной части края, на 100 кв. км территории приходилось в то время всего 0,0265 км колесных дорог и 0,14 км эксплуатируемых водных путей, на 100 жителей соответственно — 0,38 км колесных дорог и 200 км эксплуатируемых водных путей[145].

Поэтому одним из направлений проводимой здесь советским государством политики в этот период стало исследование территории Северо-Востока, тем более что сведения о значительных запасах минерального сырья в недрах края появлялись все чаще.

Для решения задачи исследования Охотско-Колымского края сюда в течение второй половины 20-х гг. направили ряд экспедиций, организованных различными государственными, научными и промышленными органами. В их числе Индигирская экспедиция Геологического комитета (Геолкома) ВСНХ Советского Союза 1926 гг. и Колымский геоморфологический отряд Якутской комиссии АН СССР 1929—1930 гг., работавшие под руководством С. В. Обручева; Индигирский отряд Якутской

---

[142] См.: Н а в а с а р д о в А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта в начальный период освоения района Верхней Колымы (1928—1931 гг.) // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 93.

[143] О б р у ч е в С. В. Неведомые горы... С. 6.

[144] М а л ы ш е в В. М., М о л о д ы х И. Ф. Исследования рек Восточной Сибири. — Иркутск, 1924. — С. 30.

[145] М о л о д ы х И. Ф. Пути сообщения Якутии // Якутия. С. 576.

комиссии АН СССР 1929—1930 гг. под руководством Ю. Д. Чирихина; Якутская северо-восточная экспедиция Якутского горного округа 1929 г. во главе с К. Я. Пятковским и З. А. Вакаром; несколько экспедиций Наркомвода, работавших в регионе на рубеже 20—30-х гг. под руководством И. Ф. Молодых (и прежде всего Партия по исследованию р. Колымы 1928—1930 гг.); изыскания С. К. Старка, Д. Н. Казанли; Первая Колымская геологоразведочная экспедиция под руководством Ю. А. Билибина 1928—1929 гг.; Вторая Колымская геологоразведочная экспедиция во главе с В. А. Цареградским и др.

Исследования ученых на Северо-Востоке, затруднявшиеся бездорожьем, чрезвычайно низкими температурами зимой и отсутствием картографических сведений, имели важное значение. Следует, по нашему мнению, сконцентрировать внимание на результатах, полученных некоторыми из экспедиций, в силу их научной и народнохозяйственной важности.

В 1926 г. Геолком ВСНХ СССР организовал Индигирскую экспедицию во главе с С. В. Обручевым. Ее целью была проверка сведений некоего бывшего белого офицера Николаева о том, что в районе р. Чебыгалах — левого притока Индигирки — им было обнаружено месторождение платины, запасы которой, по его оценкам, предположительно равнялись 1,5 т[146].

С большими трудностями добравшись до указанного Николаевым места, экспедиция не обнаружила следов платины, но ее участники сделали географическое открытие, перевернувшее представление о рельефе земной поверхности Северо-Востока. Была открыта значительная горная система на месте, где карта показывала низменность. С. В. Обручев списал этот хребет, названный им в честь русского геолога И. Д. Черского, как горный массив "...в 1000 км длиной, 300 км шириной и до 3000 м вышиною, по площади больше Кавказа и выше всех гор Северной Сибири"[147]

Задачей Колымского геоморфологического отряда Якутской комиссии АН СССР 1929—1930 гг. под руководством С. В. Обручева было "исследование реки Колымы и ее притоков Коркодона и Омолона" с целью выявления геоморфологии и металлогении этого района.

Результаты деятельности отряда, отправившегося из Ленинграда в 1929 г., оказались значительными. Всего за два года было пройдено (начиная от Якутска и заканчивая Нижнеколымском) свыше 6 тыс. км (на быках 400 км, верхом 605 км, на лодках 3424 км и на оленях 1614 км), из них рабочих маршрутов — 4700 км, определено 17 астрономиче-

---

[146] Обручев С. В. Неведомые горы... С. 8.

[147] Там же. С. 134.

ских и 29 магнитных пунктов; собрано 2500 кг геологических коллекций и снято свыше 2500 фотографий[148].

Однако наиболее важные открытия были сделаны Колымским геоморфологическим отрядом в области металлогении Приколымья. Работами на двух геологопоисковых маршрутах — северном (от р. Берелех до р. Таскан), вблизи большей части горных цепей хребта Черского, и южном (от Оротука до р. Таскан), по р. Колыме, выявлено содержание золота в количестве, "указывающем на благонадежность россыпи"[149].

Проанализировав собранные полевые материалы и сопоставив их с результатами, полученными в 1926 г., С. В. Обручев пришел к выводу, что хребет Черского является золотоносным. "Площадь нового золотоносного района равна 700 км длины и от 150 до 250 км ширины. Повидимому, количество золота возрастает по направлению к юго-востоку и наиболее благонадежным является район Колымы"[150].

Помимо определения морфологических особенностей геологического строения территории Северо-Востока и выявления запасов полезных ископаемых важным направлением исследовательской работы в регионе становилось определение и уточнение транспортных возможностей Северо-Востока, и прежде всего гидрографической сети. Целями изысканий было изучение судоходно-сплавных свойств рек бассейнов Колымы, Индигирки и Алазеи и решение вопросов обеспечения стабильных связей районов с центральными областями Советского Союза. Исследователи также изучали различные комбинации выходов с речных путей на побережье Охотского моря в качестве южных и восточных вариантов возможного, дополнительного к Северному морскому пути, направления снабжения Колымско-Индигирского района[151].

Наиболее значительные результаты были получены Партией по исследованию р. Колымы 1929—1930 гг. под руководством И. Ф. Молодых. Задачи этой партии не ограничивались изучением транспортных возможностей р. Колымы. Параллельно она занималась определением современного экономического состояния края, его природных ресурсов, сложившихся транспортных связей, а также уточнением ближайших задач хозяйственного строительства и схемы транспортного освоения.

Для достижения поставленных целей И. Ф. Молодых разделил экспедицию на две группы, с тем чтобы одновременно изучить два возможных варианта транспортных подходов к Колыме. Часть партии отправилась из Владивостока в устье р. Колымы, откуда начала свою работу, продвигаясь вверх по реке. Второй отряд прибыл в бухту Нагаева, про-

---

[148] Обручев С. В. Колымско-Индигирский край... С. 12.

[149] Там же. С. 57.

[150] Там же.

[151] Молодых И. Ф., Герасимов А. С., Ксенофонтов Г. В. Описание карты района рек Колымы и Индигирки. — Иркутск, 1935. — С. 5.

шел Ольско-Сеймчанской тропой в верховья р. Колымы при впадении в нее р. Бохапчи, откуда следовал вниз по течению[152].

Протяженность сухопутных маршрутов, на которых выполнялась топографическая съемка местности, за время работы партии составила 9164 км. Всего же, преодолевая бездорожье, участники экспедиции прошли 16 087 км[153]. Топографические, геодезические и другие работы партии позволили существенно уточнить карту района, так как ее участники обнаружили полное несоответствие картографических данных реальному положению отдельных районов. "Например, Охотско-Колымский водораздел оказался на 70—80 км южнее, река Колыма в районе устья Буюнды на 250 км восточнее и на 90—100 км южнее, чем на картах"[154].

Уточнение этих обстоятельств имело важное научное и практическое значение. Позднее И. Ф. Молодых предложил создать целую транспортную сеть, призванную обеспечить этот огромный край всем необходимым. Основой этой системы он считал развитие речного судоходства на рр. Индигирке и Колыме, связанных между собой морской каботажной линией, соединяющей их устья. Базой этого судоходства должен был стать Среднеколымск, удобный для зимнего отстоя судов и судоремонта. В пользу Среднеколымска говорило и то, что неподалеку от него находилось Зырянское угольное месторождение — перспективный источник топлива[155].

В качестве внешних выходов этой транспортной сети ученый считал возможным использовать морскую каботажную линию Владивосток — устье р. Колымы — Среднеколымск, а также автодороги от Охотского побережья до рр. Лены и Колымы[156].

Улучшение снабжения Северо-Востока И. Ф. Молодых считал необходимым в силу экономических перспектив, которые открывались перед северо-восточными территориями СССР. Одним из доказательств для ученого в данном случае служили сведения о прибыли, которую принесла Аляска Соединенным Штатам Америки с момента ее продажи Россией и до 1913 г. Так, сумма, уплаченная России, расходы Государственного комитета США и расходы на содержание почт и телеграфа за это время составили 41 560 167 дол., а добыча природных ископаемых и

---

[152] Родин Е. Д. Из истории освоения Северо-Востока... // Колыма. — 1958. — № 5. — С. 44.

[153] Молодых И. Ф., Герасимов А. С., Ксенофонтов Г. В. Описание карты района рек Колымы и Индигирки. — С. 10.

[154] Там же. С. 8.

[155] См.: Родин Е. Д. Из истории освоения Северо-Востока... // Колыма. — 1958. — № 5. — С. 44.

[156] Молодых И. Ф. Водные пути Восточной Сибири и ближайшие задачи развития их. — Иркутск, 1926. — С. 70—71.

биологических ресурсов на Аляске вместе с доходами Государственного комитета США принесла в американский государственный бюджет 525 685 327 дол. Исследователь писал: "Климатические и естественные условия Аляски подходят к таковым в Восточной Сибири, и потому пример Аляски для нас в высшей мере поучителен"[157]

Значительные успехи золотодобывающей промышленности на Аляске и открытие месторождений золота в верховьях р. Колымы, по мысли И. Ф. Молодых, делали актуальной проблему организации снабжения Верхнеколымского золотоносного района. Кратчайшим путем доставки сюда всех необходимых грузов могла стать автодорога от побережья Охотского моря через Охотско-Колымский водораздел. Партия по исследованию р. Колымы провела на этом направлении в общей сложности пять рабочих маршрутов протяженностью около 3 тыс. км[158]. В отчете экспедиции отмечалось, что трасса к верховьям р. Колымы должна была соответствовать следующим условиям: 1) бухта Нагаева становилась опорным пунктом дороги; 2) пунктом примыкания к р. Колыме был намечен район устья р. Бохапчи в силу удовлетворительного дорожного профиля и благоприятной пристани. Требование выхода именно в район устья р. Бохапчи обусловливалось необходимостью избежать взводного судоходства по верхнему течению Колымы в целях перевозки массовых грузов для снабжения золотопромышленных районов и стремлением сократить маршрут. Одновременно верхнее течение р. Колымы представляло наибольший интерес по промышленным перспективам; 3) нагаевская дорога должна быть оборудована для круглогодичного движения[159].

Выбор именно Нагаевской бухты в качестве "морских ворот" Колымы был неслучаен. В "Лоции Охотского моря" особо подчеркивалось, что она может быть названа лучшей бухтой Охотского моря[160].

И. Ф. Молодых и его коллеги считали, что для доставки грузов в бухту Нагаева необходимо строительство порта на юго-западном побережье Охотского моря, в бухте Эйкан. Это привело бы к сокращению морского

---

[157] Там же. С. 71—72.

[158] Родин Е. Д. Из истории освоения Северо-Востока... // Колыма. — 1958. — № 5. — С. 44.

[159] Молодых И. Ф. Пути связи и снабжения Колымско-Индигирского края. — Иркутск, 1931. — С. 239. Необходимость создания автодороги в верховья Колымы признавалась и Комиссией по изучению естественных, производительных и этнических сил Якутской АССР при Академии наук СССР. В ее материалах отмечалось: "Только дорожное строительство может положить начало к разрешению проблемы развития этого района, но едва ли приходится рассчитывать, что в ближайшие пять лет государственное строительство подъездных путей можно будет осуществить в восточном секторе". См.: Полезные ископаемые и транспортная проблема Якутии. — Л.: Изд-во АН СССР, 1930. — С. 8—9.

[160] Лоция Охотского моря. — Л.: Изд. Гидрограф. упр. РККФ, 1938. — С. 272.

пути до бухты Нагаева на 2500 км (по сравнению с доставкой от Владивостока) и железнодорожных перевозок на 1500 км. Исследователи акцентировали внимание также на том, что морские перевозки от Эйкана до Нагаева могли бы осуществляться всего одним — двумя судами[161].

Однако против исключительного значения нагаевской дороги в снабжении Приколымья горячо выступил С. В. Обручев, считая, что "это заключение крайне одностороннее. В настоящее время, до проведения автодороги, снабжение всего края может, конечно, базироваться только на северных рейсах", через устье Колымы[162]

Работа исследователей на Северо-Востоке во второй половине 20-х гг. была одним из направлений государственной политики развития края. Она позволила уточнить географию региона, определить систему транспортных путей и перспективы дальнейшего развития Колымы. Важнейшие геологические открытия, сделанные в 1928—1931 гг. именно в районе Верхней Колымы, определили экономическую специализацию Северо-Востока.

Отметим, что горное производство включает последовательный цикл операций: 1) поисково-разведочные работы. Поиски новых месторождений полезных ископаемых или продолжение изучения обследованных, ранее известных месторождений, с составлением соответствующих карт; 2) детальную промышленную разведку ранее обнаруженных месторождений, намечаемых к промышленной эксплуатации, с целью выявления запасов данной площади на определенную глубину, методический отбор проб полезного ископаемого, его технологическое исследование и выяснение промышленного значения месторождения; 3) опытную добычу, обычно проводимую с промышленной разведкой; 4) промышленную добычу; 5) первичную обработку добытого рудоминерального сырья с целью придания ему вида и формы, в которых оно может быть использовано непосредственно или как сырье для последующей металлургической, химической и т. п. переработки в различных производствах[163]. Таким образом, важнейшим элементом, развития горной промышленности в том или ином районе становятся геоло-

---

[161] Молодых И. Ф., Миротворцев К. Н., Хлудов П. А., Чертовских Е. П. Транспортная проблема Восточной Сибири. — М.: Совет. Азия, 1930. — С. 37.

[162] Отмечая, что единственной прогрессивно развивающейся отраслью экономики Северо-Востока может быть только горнодобывающая промышленность, С. В. Обручев считал, что и строительство автодороги, и развитие золотодобычи на Колыме должно в значительной степени снабжаться через северное направление. Обручев С. В. Колымско-Индигирский край... С. 59.

[163] См.: Сводный план научно-исследовательских работ НТУ на 1928/29 г. — М.: Изд-во НТУ ВСНХ СССР, 1929. — Вып. 3. — С. 3.

гопоисковые и геологоразведочные работы, позволяющие выяснить наличие и промышленные запасы минерального сырья.

Исследования на территории Северо-Востока на рубеже 20—30-х гг. явились частью общего геологического изучения территории СССР, вызванного прежде всего проводимой политикой форсированной индустриализации. Бурно развивающейся отечественной тяжелой промышленности в значительных масштабах требовалось сырье. Одновременно разработка месторождений драгоценных металлов могла дать необходимые средства для покупки за рубежом технологий и промышленного оборудования. Правительство Советского Союза уделяло особое внимание развитию геологопоисковых и геологоразведочных работ на территории страны. Поэтому в отчетных документах Геолкома (с 1930 г. — Главного геологоразведочного управления) ВСНХ СССР, анализирующих итоги работы геологических подразделений страны за 1928/29 г., констатировалось, что в целом по стране капиталовложения в геологоразведочные работы были выше запланированного уровня на 30%. Вместо намеченных по пятилетнему плану 17 048 000 руб. затраты составили 22 462 222 руб., превысив затраты 1927/28 г. (10 435 268 руб.) на 115% (табл. 1)[164].

Таблица 1

Распределение затрат Геолкома при ВСНХ СССР по целевому назначению

	1927—1928 гг.		1928—1929 гг.	
	руб.	%	руб.	%
Полевые работы	6 783 631	65	13 392 051	59,6
Оборудование	738 753	7,6	4 442 052	19,8
Камеральная обработка	1 289 662	12,3	2 344 755	10,4
Административные расходы	1 385 884	13,4	1 580 815	7,13
Строительство	—	—	413 028	1,8
Издательство	187 337	1,7	220 129	0,97
Прочие	—	—	69 392	0,30
Всего	10 435 268	100	22 462 222	100

[164] Отчет о деятельности б. Геологического комитета (реорганизованного постановлением СНК СССР от 2/1 1930 г. в Главное геологоразведочное управление) за 1928—1929 операционный год. — М.: Геолог. изд-во ГГРУ, 1931. — С. 7, 9. Заметим здесь, что Дальневосточный край, в состав которого в конце 20-х гг. входили территории Колымы и Чукотки, являлся одним из самых бурно развивающихся промышленных регионов СССР. Темпы капитального строительства на Дальнем Востоке превышали средние по стране. Так, Г А. Унпелев отмечал, что за период первой пятилетки капиталовложения в развитие промышленности выросли в целом по СССР в 4,6 раза против периода 1923/24—1926/27 гг., а по Дальневосточному краю за тот же период — в 12,4 раза. См.: Унпелев Г. А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока... С. 256—257.

Из табл. 1 следует, что наибольшее увеличение ассигнований пришлось на обеспечение геологических партий необходимым оборудованием (более чем в 5,5 раза от уровня 1927/28 г.), на камеральную обработку полевых материалов и полевые работы (почти в 2 раза). При этом произошло и увеличение числа полевых партий — с 628 до 938[165] Таким образом, можно констатировать, что создание промышленной базы советской экономики в рамках форсированной индустриализации привело к значительному увеличению масштабов геологопоисковых и геологоразведочных работ на территории всей страны.

Доказательством целенаправленного характера этой финансовой политики является одно из решений правительства СССР, принятое в конце 20-х гг. Оно обязывало Государственную плановую комиссию и ВСНХ СССР увеличить ассигнования на Геологический комитет не менее чем на 100 млн руб. против расчета плана, "исходя из необходимости в кратчайший срок преодолеть крайнюю отсталость в геологоразведочных работах и развернуть их в масштабе, соответствующем задачам хозяйственного строительства"[166].

В ситуации общей интенсификации геологоразведочных работ по всей территории СССР акционерное общество "Союззолото" и Геолком ВСНХ СССР заключили генеральный договор, по условиям которого подразделения Геолкома на средства Союззолота должны были провести геологические исследования в Сибири, Казахстане, Якутии, Бурят-Монголии и на Дальнем Востоке. Было запланировано направить в эти районы 19 геологических и 13 топографических и геодезических партий. Две экспедиции — геологическая и топографическая — планировались непосредственно в верховья р. Колымы с целью проверки заявок о закреплении открытых золотоносных площадей за артелью Ф. Р. Поликарпова, поданных еще в 1927 г. в управление Якутского горного округа и в Охотско-Колымский горный округ[167].

Из этих двух экспедиций была сформирована Первая Колымская геологоразведочная экспедиция, руководство которой поручалось молодому геологу Ю. А. Билибину. В состав экспедиции вошли только что закончивший горный институт В. А. Цареградский, геодезист-астроном Д. Н. Казанли, заведующий хозяйством экспедиции Н. П. Корнеев. Двух прорабов — смотрителей разведки — С. Д. Раковского и Э. П. Бертина, четырнадцать рабочих и переводчика-каюра Билибин пригласил с Алдана.

---

[165] Отчет о деятельности б. Геологического комитета... С. 9.

[166] Цит. по: Материалы к пятилетнему плану Геологического комитета 1928/29 — 1932/33 гг. — Л.: Изд-во Геол. ком., 1929. — С. 11.

[167] См.: Н а в а с а р д о в А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта ... // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 94.

Геолком ВСНХ СССР не мог дать экспедиции письменного задания, поскольку его руководители не представляли себе ни условий работы, ни конкретных целей экспедиции. Поэтому Ю. А. Билибину пришлось самому ставить задание, которое предусматривало: 1) осмотр участков старателей, работавших в районе; 2) осмотр и проверку заявки на золото Ф. Р. Поликарпова; 3) поиск и разведку новых золотоносных площадей; 4) выяснение экономического значения и перспектив района; 5) определение общего геологического строения района и, по возможности, генезиса золота[168].

4 июля 1928 г. экспедиция высадилась вблизи пос. Ола на побережье Тауйской губы Охотского моря, и, преодолев серьезные трудности, связанные с нехваткой транспорта и противодействием старателей и местного населения, первый отряд партии во главе с Билибиным в сентябре 1928 г. достиг района р. Среднекан — правого притока р. Колымы, где старатели уже разрабатывали золотоносные площади.

Вся территория Верхнеколымского приискового района переходила в ведение Союззолота на арендных условиях, с 1 августа она становилась закрытой для въезда новых старателей. 9 октября 1928 г. приисковая администрация Союззолота формально вступила в свои права и предписала всем старателям, находившимся на Среднекане, сдавать все намытое золото в приисковую контору по цене 1 руб. 13 коп. за грамм и вести золотодобычу только в местах, указанных руководителем КГРЭ Ю. А. Билибиным[169].

Зимой 1928—1929 гг. металлодобыча концентрировалась в районе р. Среднекан, а геологи в это время провели разведку прилегающих территорий — левого берега Среднекана и устья ключа Безымянного. В целом с октября 1928 г. по январь 1929 г. старателями и членами экспедиции Ю. А. Билибина было добыто 11,8 кг химически чистого золота[170]. Вскрыша торфов и промывка песков велись ямным способом[171].

---

[168] В р о н с к и й Б. И., Т у п и ц ы н Н. В. Юрий Александрович Билибин // Время. События. Люди. Исторические очерки об освоении Колымы и Чукотки. 1928—1940 гг. — Магадан: Кн. изд-во, 1968. — С. 19.

[169] Там же. С. 162. В октябре 1928 г. на Среднекане находилось 35 старателей, частично работавших здесь и ранее, частично прибывших с приисковой администрацией Союззолота. См.: Б и л и б и н Ю. А. К истории колымских приисков // Избр. тр.: В 3 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 3. — С. 198.

[170] Н а в а с а р д о в А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта ... // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 95.

[171] Наносные отложения, перекрывающие пласт песков и не содержащие золота или содержащие его в незначительном количестве, носят название торфóв. Если мощность слоя торфов невелика, добыча золота производится открытым способом, если же слой торфов более 10 м, то золотодобыча осуществляется подземным способом. Пласт осадков, содержащих золото, называется песками. Этот термин очень старый, он унаследован от того времени, когда золото добы-

Тяжелые условия работы, низкие температуры, недостаток инструментов и материалов усугублялись острой нехваткой продовольствия, постепенно переросшей в настоящий голод. С. Д. Раковский записал в своем дневнике 25 декабря 1928 г.: "Все съедено, вывариваем лошадиные кости и кипятим чай из мха. Морозы снова усиливаются. 58 градусов. Часто пуржит"[172]. Олений транспорт с продовольствием пришел на прииск только в конце декабря.

1929 г. стал переломным в судьбе Верхнеколымского золотоносного района. Для решения основной проблемы (снабжения прииска) у населения скупались олени, лошади и т. д. К осени в распоряжении администрации находилось 150 лошадей, 200 оленей[173]. Поэтому уже к концу лета в район Среднекана было доставлено в общей сложности около 200 т различных грузов: 3000 пудов муки, 240 пудов жиров, 240 пудов сахара, 300 пудов крупы и т. д.[174]

Одновременно Верхне-Колымская приисковая контора организовала наем старателей для ведения золотодобычи. На 15 августа здесь работало 13 старательских артелей. На продовольственном снабжении администрации в это время состояло 108 человек, из которых 65 были старателями, а 43 человека — сотрудниками приисковой конторы[175].

В полевой сезон 1929 г. Ю. А. Билибин выделил из состава экспедиции несколько геологопоисковых отрядов, которые по его замыслу должны были провести работы на близлежащих притоках р. Колымы. Отряд Э. П. Бертина обследовал верховья Среднекана, группа В. А. Цареградского, сплавляясь по р. Буюнде, проводила ее геологическую съемку, С. Д. Раковский исследовал р. Утиную, сам Билибин вместе с Д. Н. Казанли занялся разведкой рр. Малтана и Бохапчи[176]. Исследования проводились старательским методом шлихового опробования речных наносов, совмещенным с геологической съемкой, что позволяло выяснить распространение золотоносности. Это явилось основой разработанного позже Билибиным геологостатистического метода геологоразведки.

валось только в речных песках. Содержание золота измеряется в граммах, заключенных в 1 куб. м песков. Оно может колебаться от долей грамма до нескольких килограммов. Но чаще содержание золота на 1 куб. м составляет от 1 до 50 г. Чем выше содержание, тем выгоднее добыча золота из россыпи. См.: Фирсов Л. В. Рассказы о золоте. — Магадан: Кн. изд-во, 1957. — С. 65, 68.

[172] Цит. по: Иванченко А. С. Золотой материк. С. 157.

[173] Обручев С. В. Колымско-Индигирский край... С. 59.

[174] Молодых И. Ф. К материалам по вопросу снабжения Верхне-Колымского приискового района Союззолота. — Иркутск, 1930. — С. 20.

[175] Навасардов А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта... // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 97.

[176] Билибин Ю. А. К истории колымских приисков. Т. 3. С. 199.

Первые шурфы, отработанные на левой террасе р. Среднекан в марте 1929 г., показали богатое содержание драгоценного металла. В июле в верховьях р. Утиной С. Д. Раковским были взяты пробы, показавшие 2 г золота на 1 куб. м породы. Была открыта новая богатая промышленная россыпь золота[177]

Все это позволило довести золотодобычу в 1929 г. до 89 кг химически чистого металла[178]. Верхне-Колымская приисковая контора в это время вела горные работы на трех приисках: "Среднеканский" — на руч. Безымянном, "Борискин" — на левом берегу р. Среднекан и "Юбилейный" — на р. Утиной. Эти прииски разрабатывали наиболее богатые россыпи золота со средним содержанием металла в породе от 30,6 на прииске "Юбилейном" до 130,1 г/куб. м на прииске "Борискин". В целом на всех приисках в течение промывочного сезона 1929 г. среднее содержание золота составило 60,42 г/куб. м породы. Ю. А. Билибин отмечал позже: "В результате работ экспедиции я вынес от Колымы впечатление как о новой грандиозной металлогенической, в частности золотоносной, провинции. Промышленные перспективы ее я оценивал самым оптимистическим образом"[179].

На основании результатов, полученных Первой Колымской геологоразведочной экспедицией Ю. А. Билибина, в 1930 г. на базе Верхне-Колымской приисковой конторы было образовано Главное приисковое управление Союззолота, включавшее две приисковые конторы на рр. Среднекан и Утиная. В их составе работало уже пять приисков: "Среднеканский", "Борискин", "Первомайский" (Среднеканская контора), "Юбилейный" и "Холодный" (Утинская контора). В общей сложности они добыли в 1930 г. 274,5 кг химически чистого золота[180].

Для продолжения геологоразведочных работ на Колыме в 1930 г. Институт цветных металлов ВСНХ СССР направляет туда новую экспедицию, которую возглавил В. А. Цареградский. Важнейшей целью ее работы была проверка предположения Ю. А. Билибина о полосе золотоносности, проходящей через верховья р. Колымы. В соответствии с этой задачей были распределены поисковые партии. Тасканская рекогносцировочная партия направлялась на северо-запад от Утиной, по простиранию золотоносности, для обследования междуречья Дебина и Таскана. Аналогично Гербинская партия направлялась к юго-востоку от Среднекана. Между Утиной и Среднеканом располагались две партии:

---

[177] Раковский С. Д. Богатства недр — на службу Родине // Дальстрой. К 25-летию. С. 17.

[178] Навасардов А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта ... // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 98.

[179] Билибин Ю. А. К истории колымских приисков. Т. 3. С. 202.

[180] Навасардов А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта ... // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 99.

Колымская — для обследования притоков р. Колымы между Утиной и Среднеканом и Оротуканская — для обследования р. Оротукан, непосредственно к югу от Утиной и Среднекана. Пятая партия направлялась на р. Бохапчу выше порогов, где в 1929 г. была обнаружена слабая золотоносность и предполагалось наличие другой золотоносной полосы[181].

Отметим, что, когда составлялась программа финансирования полевых геологических работ в СССР в целом на первую пятилетку и имелись весьма отрывочные сведения о наличии золота на Колыме, именно с 1930 г. предполагалось направлять сюда геологоразведочные партии. На их деятельность планировалось затратить с 1930 по 1933 г. в общей сложности 700 тыс. руб.[182] Об исключительной важности работ в этом районе говорит то, что эта сумма составила 11,6% от суммы, выделенной на поиски и разведку золота и платины в ЯАССР, и 3,8% от общей суммы ассигнований на эти цели по СССР в течение всей первой пятилетки[183].

Результаты работы Второй Колымской геологоразведочной экспедиции В. А. Цареградского позволили уточнить границы предполагаемой золотоносной полосы. Район бассейна р. Бохапчи оказался ее южной границей, а открытие золотоносности бассейнов рр. Оротукан и Дебин свидетельствовало о распространении месторождений этого металла на левый берег Колымы — в северо-западном направлении[184]. Поисковая партия Ф. Рабинович на р. Бохапче обнаружила присутствие олова[185].

Исследования Первой и Второй Колымских геологоразведочных экспедиций по золоту позволили Билибину сделать заключение о наличии значительной золотоносной зоны в Колымском районе. Она простиралась от нижнего течения Среднекана на запад через правые притоки Оротукана, Утинку, Бючаннах, Ат-Урях на протяжении 150 км, и далее на северо-запад на расстоянии еще 60 км был расположен золотоносный участок верхнего течения р. Дебин[186]. Сопоставление полученных данных с выявленной золотоносностью на северо-западе (хребет Черского, С. В. Обручев) и с особенностями геологического строения в восточном направлении от р. Среднекан дало возможность ученому предположить, что "общее протяжение главной золотоносной зоны будет около 1250 км"[187]

---

[181] Билибин Ю. А. К истории колымских приисков. Т. 3. С. 202.

[182] Материалы к пятилетнему плану Геологического комитета 1928/29—1932/33 гг. С. 403.

[183] Там же. С. 330—331.

[184] Цареградский В. А. По экрану памяти. Воспоминания о Второй Колымской экспедиции 1930—1931 гг. — Магадан: Кн. изд-во, 1980. — С. 165.

[185] Там же. С. 108.

[186] Билибин Ю. А. О перспективах золотоносности Колымского района. Т. 3. С. 208.

[187] Там же. С. 209.

Характеризуя только Среднеканское месторождение, Билибин отмечал, что если принять длину его равной 5 км, а среднее содержание золота уменьшить в 10 раз, то и тогда эта дайка (кварцевая жила, содержащая золото — *А. Ш.*) будет крупнейшим месторождением золота в СССР. При соответствующем прогрессивном увеличении масштабов геологоразведочных работ он считал возможным довести к 1938 г. добычу россыпного золота на Колыме до такого объема, который вчетверо превышал бы весь объем золотодобычи в СССР в 1930 г.[188]

Одновременно с экспедицией Цареградского в 1930 г. начало работу геологоразведочное бюро Главного приискового управления (ГПУ) Союззолота во главе с М. П. Шумиловым. Это была первая постоянная геологическая служба на Северо-Востоке. Основной его задачей стала разведка запасов уже известных россыпей золота для обеспечения нарастания металлодобычи.

1930 г. ознаменовался еще двумя важными событиями на Колыме. Дорожные партии Союззолота начали изыскания по направлению намеченной И. Ф. Молодых автодороги от Охотского побережья в верховья р. Колымы[189]. Протяженность будущей трассы должна была составить около 350—400 км. По проекту бухта Нагаева являлась основанием дороги, которая далее должна была следовать через Становой хребет к Колыме в район впадения в нее р. Бохапчи.

Одновременно В. А. Цареградский в среднем течении р. Хасын, левого притока р. Армань, впадающей в Охотское море, в 75 км от бухты Нагаева открыл месторождение угля (оно эксплуатировалось вплоть до 1950 г. и служило энергетической базой г. Магадана)[190].

Основные направления работы ГПУ на 1931 г. были намечены весной этого года. В Объяснительной записке к промфинплану на 1931 г. были впервые произведены промышленные подсчеты запасов золота на уже известных площадях. Подсчеты основывались на двух возможных вариантах: 1) для хозяйских мускульных разработок — содержание золота 10 г/куб. м при соотношении пласта к торфам 1:2; 2) для старательских мускульных разработок — содержание золота 6 г/куб. м при том же соотношении пласта к торфам[191]. Колымское ГПУ получило задание добыть в 1931 г. 1800 кг химически чистого золота и 200 кг скупить у старателей. Для выполнения указанного объема горных работ предполагалось привлечь 1251 рабочего и служащего, 910 старателей и 509 прочих.

---

[188] См.: Вронский Б. И. На Золотой Колыме. С. 23.

[189] См.: Обручев С. В. Колымско-Индигирский край... С. 59.

[190] См.: Цареградский В. А. По экрану памяти... С. 151; Жук В. Г., Русаков В. П. Угольная промышленность Магаданской области // Колыма. — 1967. — № 11. — С. 59.

[191] Навасардов А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта... // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 101.

В соответствии с этими планами в навигацию 1931 г. в пос. Ола и Нагаево, как отмечал Б. И. Мухачев, приехало около 3 тыс. рабочих, завербованных Союззолотом, но на прииски из-за бездорожья смогло попасть только 300 чел.[192] Общее количество приисковых рабочих на 1 августа 1931 г. составляло 125 человек, а к 1 октября оно увеличилось до 397.

Бездорожье явилось основной проблемой, от решения которой зависело выполнение плановых заданий по золоту. Поэтому в промфинплане говорилось: "...ответственной задачей текущего года будут являться: форсированные изыскания и не менее форсированное строительство временной дороги, с таким расчетом, чтобы дорога была окончена не позднее первых чисел октября месяца"[193]. Без решения проблемы снабжения приисков выполнение программы золотодобычи было бы невозможным. Однако строительство дороги так и не было начато из-за нехватки рабочей силы.

Все производственные операции: вскрышные работы и промывка песков — осуществлялись исключительно мускульным трудом рабочих; основными инструментами были лом, лопата, кайло. С 1930 г. здесь стал применяться простейший промывочный прибор — бутара[194].

Все эти условия определили невыполнение программы золотодобычи 1931 г. Вместо планируемых 2000 кг было добыто лишь 153 кг химически чистого металла[195]. (Хотя среднее содержание золота в горных породах было значительно выше, чем в 1929 г. — от 27,6 г/куб. м на прииске "Юбилейном" в мае—сентябре до 196,4 г/куб. м на прииске "Паромном" в августе—декабре). Причиной срыва стало отсутствие системы снабжения приискового района инструментами, материалами и, что самое важное, продовольствием. Его нехватка при большом скоплении рабочих на приисках вызвала голод, подобный по своим масштабам голоду в декабре 1928 г. Вследствие голода, сопровождавшегося жесточайшей цингой, началось массовое бегство рабочих из приискового района, извлечение металла было прекращено[196].

Геологопоисковые и геологоразведочные работы в Верхнеколымском районе в 1931 г. вели экспедиция В. А. Цареградского и партии геологоразведочного бюро Колымского главного приискового управления под руководством П. М. Шумилова. Весной этого года на Колыму прибыли геологи вновь организованного подразделения Главного геологоразведочного управления СССР — Охотско-Колымской базы ГГРУ, техничес-

---

[192] См.: Время. События. Люди... С. 7.

[193] Цит. по: Н а в а с а р д о в А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта... // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 101—102.

[194] М а ц у е в Л. П. Развитие техники на промывке песков // Дальстрой. К 25-летию. С. 61.

[195] См.: Н а в а с а р д о в А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта... // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 103.

[196] Подробнее см.: В р о н с к и й Б. И. На Золотой Колыме... С. 37, 55—56.

ким руководителем которой был назначен Ю. А. Билибин[197] По свидетельству историка Н. В. Козлова, в 1931 г. в колымскую тайгу отправились партии Охотско-Колымской базы, которыми руководили Е. Т. Шаталов, Л. А. Снятков, А. П. Васьковский, Б. И. Вронский, П. И. Скорняков и др. Их полевые изыскания позволили расширить представления о металлогении (в частности, о золотоносности) исследуемого региона[198].

Расширение объемов геологоразведочных работ привело к объединению этих трех геологических организаций в одну, получившую название Геологического сектора ГПУ. Его возглавил Ю. А. Билибин. При секторе было создано и бюро дальних разведок, руководство которым поручалось С. Д. Раковскому. Задачи бюро включали обеспечение производственных подразделений Колымского главного приискового управления разведанными золотоносными площадями[199]

Выявление новых золотоносных площадей в течение 1931 г. стало основанием для увеличения планов добычи металла на 1932 г.: предполагалось добыть 5750 кг и скупить 258 кг химически чистого золота[200].

Геологопоисковые и геологоразведочные изыскания в верховьях Колымы в 1928—1931 гг. позволили выявить наличие огромной по простиранию и по общей площади золотоносной провинции[201]. Начатое Верхне-Колымской конторой, а затем Главным приисковым управлением Союззолота извлечение металла существенно тормозилось отсутствием отлаженной транспортной сети и, вследствие этого, системы снабжения приисков инструментами, материалами и продовольствием.

Таким образом, на рубеже 20—30-х гг. XX столетия определились конкретные направления политики советского режима в отношении северо-восточных окраин СССР. С одной стороны, актуальной становилась необходимость укрепления позиций советской власти в крае, который из-за чрезвычайной отдаленности слабо контролировался правительством и одновременно занимал важное политико-географическое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где внешнеполитическая активность России была традиционно высокой. С другой — откры-

---

[197] См.: Раковский С. Д. Богатства недр — на службу Родине // Дальстрой. К 25-летию. С. 19.

[198] См.: Галченко И. И. Геологи идут на Север. С. 222.

[199] См.: Раковский С. Д. Богатства недр — на службу Родине // Дальстрой. К 25-летию. С. 19.

[200] См.: Навасардов А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта... // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 104.

[201] Позднее выяснилось, что россыпное золото не составляет основного содержания этой провинции. Наибольшее количество золота содержится здесь именно в рудных месторождениях. См.: Фирсов Л. В. Главнейшие структурно-морфологические типы золоторудных месторождений Яно-Колымского пояса. — Магадан, 1957. Впервые предположение о наличии здесь золоторудных месторождений была высказано Ю. А. Билибиным. См.: Билибин Ю. А. О перспективах золотоносности Колымского района. Т. 3. С. 211.

тие богатейших месторождений полезных ископаемых на Северо-Востоке (и прежде всего — золота) давало возможность пополнения валютных запасов страны, что было необходимым в условиях форсированной индустриализации Советского Союза, в широчайших масштабах закупавшего за рубежом промышленное оборудование и технологии.

Комплексное решение всех проблем становилось возможным только при насыщении этой территории трудоспособным населением, с началом промышленного строительства, формированием устойчивой системы транспортной связи между Северо-Востоком и экономически развитыми районами страны и т. п. Максимально быстрое развертывание обозначенных процессов требовало создания специализированного государственного института для освоения региона, которым и стал трест "Дальстрой"

Глава 2

ДАЛЬСТРОЙ КАК ИНСТРУМЕНТ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА СССР

§ 1. ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУР ДАЛЬСТРОЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СССР В 1931–1941 гг.

На рубеже 20—30-х гг. XX столетия произошло коренное изменение сущности государственной политики по отношению к окраинным северным и северо-восточным территориям Советского Союза.

Дореволюционный период их колонизации характеризовался лишь политическим включением в состав российского государства и хищническим использованием биологических ресурсов — экологически неоправданной широкомасштабной добычей пушных и морских животных. Пришлое население оказалось здесь весьма немногочисленным, ибо естественные природные условия не способствовали оседанию крестьян-земледельцев, составлявших основную массу переселенцев из центральной России. Процесс индустриальной модернизации, начавшийся в стране после отмены крепостного права, затронул прежде всего ее центральные районы. Завершение строительства трансконтинентальной железной дороги в конце XIX в. способствовало интеграции Сибири в систему всероссийского рынка. Однако здесь необходимо отметить две важные особенности. Во-первых, Сибирь выступала на отечественном рынке исключительно в качестве поставщика сырья, в основном сельскохозяйственного. Во-вторых, в экономических отношениях с центральной Россией участвовали прежде всего сибирские территории, непосредственно тяготеющие к железной дороге. Остальные районы — Север и Северо-Восток Сибири, большая часть Дальнего Востока — либо совсем оставались в стороне, либо принимали в этом минимальное участие, являясь не только экономически неразвитыми, но и малоизученными.

Исследования, проводившиеся здесь в течение 20-х гг. и ставшие важной частью политики, направленной на всеобъемлющую помощь

коренным малочисленным народам Севера и интегрирование их промыслового хозяйства в структуру экономики СССР, позволили выявить, в частности, и наличие богатых, а часто и уникальных по промышленным запасам месторождений топливного и минерального сырья: нефти, угля, цветных металлов, золота и т. д. Это определило экономическое будущее северных территорий, которые должны были стать промышленными районами. Их экономическая специализация отныне обусловливалась исключительно развитием добывающих отраслей, утилизировавших минеральные и топливные природные ресурсы[202].

Рубеж 20—30-х гг. ознаменовался и существенным усилением роли государства в политической, экономической и духовной жизни страны, возвращением его к имперским методам функционирования. Во многом это объясняется политикой индустриализации, основным "двигателем" которой в России традиционно выступало именно государство. Форсированный характер индустриализации в условиях тоталитарного политического режима изменил сущность государственного механизма и его роль в системе общественных отношений.

Перечисленные факторы предопределили специфику форм и методов политики интенсивной колонизации северных и северо-восточных окраинных территорий СССР именно на рубеже 20—30-х гг.

Победа концепции форсированной индустриализации в конце 20-х гг. поставила советское руководство перед необходимостью решения ряда важных проблем, среди которых особого внимания заслуживали создание собственной топливно-сырьевой базы и накопление средств на техническое вооружение создаваемой индустрии.

Для решения этих актуальных задач в годы первой пятилетки создаются и начинают действовать специфические организации, которые С. В. Славин определяет как интегральные комбинаты. Их характерными чертами являлись: 1) выделение государством территории, на которую распространяется деятельность данного комбината. Эта территория определяется не административными границами (области, района), а характером поставленных перед комбинатом задач; 2) включение в состав комбината всех отраслей хозяйства и всех видов производства, необходимых для решения основной задачи комбината и общего подъема производительных сил данной территории; 3) подчинение всех предприятий, входящих в комбинат, единому руководству (управ-

---

[202] Впоследствии в советской экономической литературе подобная исключительно узкая производственная специализация была обоснована как "требование закона планомерного и пропорционального развития общественного хозяйства в масштабах страны" См., например: Ахназаров Э. Б. О некоторых особенностях развития народного хозяйства Магаданской области // История и культура народов Севера Дальнего Востока. С. 160.

лению), объединяющему все материально-технические и финансовые средства, а также людские силы[203].

В числе интегральных комбинатов С. В. Славин называет такие организации, как Норильскстрой, Воркутакомбинат, Ухтакомбинат, Дальстрой и др.[204]

Сущностные характеристики подобных государственных органов в целом описаны и магаданским исследователем А. Н. Пилясовым, который ввел для их обозначения дефиницию "суперорганизация". С его точки зрения, суперорганизация — это монопольная структура, созданная высшей исполнительной властью государства, под ее патронажем и непосредственным руководством для освоения обширных (новых) пространств в целях использования уникальных ресурсов в национальных интересах, решения геополитических задач. Неотъемлемыми атрибутами суперорганизации являются: жесткая внутренняя вертикальная иерархия, делегированные государством огромные властные полномочия, автономная система жизнеобеспечения (территориально-отраслевой каркас освоения), система производства и накопления региональной информации и планирования[205].

В данном случае речь идет о создании колонизационных механизмов, носивших всеобъемлющий характер и призванных любой ценой обеспечить достижение цели индустриализации советского государства.

Основным специализированным государственным институтом, осуществившим колонизацию Северо-Востока в 30—50-е гг. XX в., стал Дальстрой.

Для создания индустриальной базы советской экономики технологически отсталая страна СССР была вынуждена прибегнуть к широкому импорту промышленного оборудования. Особое значение при этом имела добыча золота, важнейшего источника государственных доходов. Политбюро ЦК ВКП(б) 10 августа 1931 г. рассмотрело вопросы увеличения добычи золота и платины в СССР и рекомендовало заместителю наркома тяжелой промышленности начальнику Главзолота А. П. Серебровскому представить конкретные предложения по решению этой проблемы[206]. Именно поэтому Верхнеколымский район, где были обнаружены значительные запасы золота, стал объектом пристального внимания советского руководства. Спустя десять дней — 20 августа — По-

---

[203] Славин С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. — М.: Экономиздат, 1961. — С. 46—47.

[204] Там же. С. 47. Л. Л. Рыбаковский относит сюда и строительство Комсомольска-на-Амуре. См.: Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. — М.: Наука, 1990. — С. 82.

[205] Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). — Магадан, 1996. — С. 71.

[206] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 847, л. 3.

литбюро ЦК заслушало сообщение наркомтяжпрома СССР Г. К. Орджоникидзе о добыче золота на Колыме и назначило комиссию в составе Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышева и Я. Э. Рудзутака, получившую задание "разрешить вопрос от имени Политбюро"[207] Уже 10 октября Политбюро вновь занимается проблемами увеличения золотодобычи на Северо-Востоке[208] и, наконец, 11 ноября 1931 г. принимает постановление "О Колыме", сохранившееся в "особой папке" как постановление Центрального Комитета партии, подписанное секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным.

В целях форсирования золотодобычи в верховьях р. Колымы названный документ предписывал образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б), контроль за деятельностью которого был возложен на заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоду[209].

Определяя приоритетные направления деятельности новой организации, постановление указывало прежде всего на то, что колымский трест обязан форсировать работы по постройке дороги от бухты Нагаева до приисков, одновременно проводя изыскания по трассе Якутск — Колыма[210]. Планировавшееся интенсивное дорожное строительство должно было способствовать решению важнейшей задачи треста: "всемерно форсируя разведку по Колымским приискам, использовать все возможности, способы и средства для немедленной и максимальной добычи золота в нынешнем и последующих годах, одновременно подготовляя базу для развертывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов"[211]. Программа золотодобычи на Колыме, определенная советским руководством на ближайшее время, была весьма напряженной: к концу 1931 г. — 2 т, в 1932 г. — 10 т, в 1933 г. — 25 т[212].

На организационные расходы, заготовку, приобретение и переброску на Колыму оборудования и имущества треста в распоряжение Г. Г. Ягоды из резервного фонда СНК СССР выделялось 20 млн руб.[213]

Решение центрального партийного органа в соответствии со сложившейся практикой партийно-государственного руководства предопределило принятие Советом Труда и Обороны 13 ноября 1931 г. постановления № 516 "Об организации государственного треста по дорожному и

---

[207] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 843, л. 1.

[208] Докладчиком по этому вопросу был И. В. Сталин. После обсуждения была образована комиссия Политбюро во главе с В. М. Молотовым (Г. К. Орджоникидзе, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин), в чьи задачи вошло составление конкретного постановления Политбюро. Там же. Д. 853, л. 5.

[209] Там же. Оп. 162, д. 11, л. 57.

[210] Там же. Л. 58.

[211] Там же. Л. 59.

[212] Там же. Л. 57.

[213] Там же. Л. 62.

промышленному строительству в районе Верхней Колымы "Дальстрой", в котором говорилось: "1. Организовать в непосредственном ведении Совета Труда и Обороны Государственный трест, именуемый сокращенно "Дальстрой". 2. На Дальстрой возлагается: а. Разработка недр с добычей и отработкой всех полезных ископаемых края и б. Колонизация района разработок и организация всевозможных предприятий и работ в интересах успешного выполнения первой задачи"[214].

Новая организация для решения поставленных задач получила в свое ведение все находившиеся здесь предприятия и уставный капитал, составляющий колоссальную для того времени сумму — 20 млн руб.

Цитируемое постановление — документ исключительной важности. И не только потому, что оно ознаменовало наступление нового периода в истории Северо-Востока. Особая значимость этого документа заключается в том, что он положил начало созданию чрезвычайного механизма интенсивной колонизации региона. Именно это, по нашему мнению, убедительно прослеживается в пунктах постановления: "9. Снабжение треста всем необходимым для осуществления возложенных на него задач производится по заявкам треста соответствующим учреждениям и организациям Союза СССР *вне всякой очереди* (здесь и далее курсив наш. — *А. Ш.*) — впредь до специального постановления СТО об ином порядке снабжения. 10. Трест имеет право сноситься непосредственно со всеми местными учреждениями и организациями, причем возбуждаемые трестом вопросы подлежат рассмотрению в этих учреждениях и организациях *в первую очередь*. 11. Никакие учреждения и лица без особого постановления СТО не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность треста"[215].

Этим же документом вновь созданный трест был освобожден "от каких бы то ни было местных налогов и сборов"[216]. Причем в дальнейшем происходило увеличение финансовых льгот, предоставляемых Дальстрою. Так, сохранившиеся в архивах документальные материалы позволяют судить о том, что 10 декабря 1931 г. СНК СССР освободил Дальстрой вообще от всяких налогов и сборов[217] С 1 июля 1932 г. Наркомфин признал возможным освободить от налога с оборота и бюджетных наценок товары, продаваемые Дальстрою[218]. Постановлением Нарком-

---

[214] ГАРФ, ф. Р-5674, оп. 1, д. 47, л. 129. В целях оптимизации работы различных наркоматов и ведомств по организации нового треста СТО специальным постановлением № 522 разрешил 16 ноября 1931 г. Дальстрою открыть свое представительство в Москве. Там же. Л. 153.

[215] Там же. Л. 130.

[216] Там же.

[217] Там же. Д. 64, л. 100.

[218] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 1, л. 9.

фина СССР № 413 от 17 октября 1932 г. тресту было разрешено в виде особого исключения получать в свое распоряжение средства от продажи вина, папирос, парфюмерии и шелковых тканей по повышенным (сверхнормативным и коммерческим) ценам. Средства, получаемые таким образом, предполагалось обращать на нужды колонизации Колымского края[219].

20 июня 1933 г. Особое бюро гостреста "Дальстрой" получило для руководства к действию текст постановления СНК СССР № 210/36/с, которое возлагало на Дальстрой обязанности по взиманию на этой территории государственных и местных налогов и сборов, по реализации займов и по взиманию всех других доходных поступлений в государственный и местный бюджеты, предусмотренных специальным законодательством для районов Крайнего Севера. Полученные денежные средства трест имел право оставлять в своем распоряжении[220]. В развитие этого постановления 2 июля 1933 г. СНК предоставил в распоряжение Дальстроя весь чистый доход от реализации госзаймов и право использования в порядке ссуды всех свободных средств гострудсберкасс, находящихся в этом районе[221].

Через пять лет после создания треста правительство СССР (Постановление № 1938-395 сс от 15 ноября 1936 г.) разрешило Дальстрою использовать исключительно на свои внутренние цели перепоступление средств против фактической себестоимости золота[222].

Для обеспечения деятельности столь привилегированной организации территория, на которой намечались работы, была выделена в административную единицу с особым управлением[223]. При этом границы нового административного образования постоянно расширялись с ростом масштабов деятельности треста.

В 1932—1935 гг. в сферу деятельности Дальстроя входили побережье Охотского моря от устья р. Тауй до с. Гижига, верховья р. Тауй и районы, находящиеся между границами Корякского, Чукотского национальных округов и Якутской АССР. Таким образом, эта территория охватывала все районы верхнего и среднего течения р. Колымы с ее правыми и левыми притоками и имела общую площадь около 400—450 тыс. кв. км[224].

---

[219] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 1, л. 16.

[220] Там же. Л. 38.

[221] Там же. Л. 41.

[222] Там же. Л. 232.

[223] Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.). С. 161.

[224] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О Колыме" от 26 октября 1932 г. (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 905, л. 53) и Постановление СНК СССР № 1358/398 с от 28 октября 1932 г. "О Колыме" (ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 1, л. 147 об.)

Постановлением № 1160-200 сс от 29 июня 1936 г. Совет Народных Комиссаров Союза ССР обязал Дальстрой к 1940 г. охватить деятельностью бассейн р. Колымы и всех ее притоков и бассейн р. Индигирки между устьями рр. Эльга и Мома, а также бассейны притоков Индигирки — Неры и Момы. С включением этих новых районов площадь Дальстроя увеличилась к 1937 г. до 700 тыс. кв. км[225].

В конце 30-х гг. территория, колонизируемая Дальстроем, вновь была увеличена за счет передачи ему с 1 января 1939 г. Чаунского и Чукотского районов Чукотского национального округа, а затем и бассейна р. Анадырь в 1940 г.[226]

Наконец, постановлением Совета Народных Комиссаров от 29 марта 1941 г. № 746-312 сс в район деятельности Дальстроя включено побережье Охотского моря от Пенжинской губы на северо-востоке до Удской губы на юго-западе и по Якутской АССР — полностью бассейн р. Яны. Теперь площадь территории Дальстроя увеличилась до 2 266 000 кв. км (10% всей площади СССР по состоянию на 1940 г.)[227]

Поскольку территория Дальстроя выделялась в самостоятельную административную единицу с особым управлением, решилась и судьба Охотско-Эвенского национального округа и входящих в него национальных районов. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 октября 1932 г. центр Охотско-Эвенского округа переносился в г. Охотск с передачей всего недвижимого имущества Дальстрою[228]. Для руководства существовавшими на этой территории Ольским, Среднеканским и Северо-Эвенским районами, в которые входило 15 сельских советов, а затем и городской Совет г. Магадана, несколько позже был образован специальный административно-гражданский отдел (АГО) Дальстроя[229].

---

[225] Там же. Л. 183. Отметим здесь, что цитируемое постановление СНК, среди всего прочего, обязало Наркомат путей сообщения не распространять на грузы Дальстроя никаких конвенционных запрещений и ввести ежемесячный учет перевозки этих грузов отдельной графой, выделив их отдельно в нормах НКВД.

[226] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 6.

[227] Там же. Постепенный рост территории Дальстроя привел в дальнейшем к тому, что в 1953 г. она достигла 3 млн кв. км, т. е. более 1/7 части всей территории СССР.

[228] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 905, л. 53. 28 сентября 1934 г. Президиум Далькрайисполкома принял решение о ликвидации Охотско-Эвенского национального округа. Впоследствии, с расширением территории деятельности Дальстроя, была серьезно ограничена сфера компетенции органов управления Чукотского и Корякского национальных округов. Более того, в Конституции СССР 1936 г. понятие "национальный район" вообще отсутствовало. Таким образом, интересы развития коренных народов Северо-Востока оказались принесенными в жертву целям форсированной индустриализации.

[229] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 5.

Деятельность этих Советов, подчиненных АГО Дальстроя, как отмечал И. П. Чистяков, сводилась в основном к руководству несколькими маломощными колхозами. В городе роль Совета была принижена, а в таких промышленных районах, как Ягоднинский, Сусуманский, Тенькинский, в которые входили 235 населенных пунктов, где проживали десятки тысяч человек, Советов вообще не было. Все дела решали начальники предприятий и коменданты поселков[230].

Вполне естественным стало и то, что особым решением Совета Труда и Обороны от 9 сентября 1932 г. в безвозмездную эксплуатацию треста "по его усмотрению" были переданы все лесонасаждения в районе деятельности Дальстроя, а весной 1933 г. и воды северного побережья Охотского моря[231].

Не вызывает сомнения, что такие исключительные льготы, предоставляемые Дальстрою, определялись чрезвычайной необходимостью быстрого и прямого пополнения золотого запаса Советского Союза. Однако предполагаемые масштабы работы треста неизбежно породили проблему его обеспечения достаточным количеством рабочей силы.

В силу производственных задач Дальстроя, диктуемых форсированным характером индустриализации СССР, актуальным становилось максимально быстрое формирование трудовых ресурсов в регионе. Постепенное наращивание численности населения вследствие поощряемой государством переселенческой политики потребовало бы значительных дополнительных капиталовложений на создание социально-бытового комплекса (в условиях Северо-Востока строительство 1 кв. м жилой площади обходится в 2—3 раза дороже, чем в Москве)[232].

Учитывая все это и основываясь на уже накопленном советской властью опыте, руководство страны решает, что основной рабочей силой на Колыме станут заключенные, принудительно направляемые на Северо-Восток. Надо отметить, что метод штрафной колонизации отдаленных районов широко применялся правительством царской России со времени начала русского продвижения в Сибирь. Среди прочих выделим особо пример подобного "освоения" острова Сахалин. В числе причин, позволивших царскому режиму осуществить на Сахалине такую модель колонизации, Л. Л. Рыбаковский называет следующие: а) географическое положение острова затрудняет побеги; б) ссылка на Сахалин могла стать безвозвратной; в) на острове был простор для труда ссыльных; г) заселение острова укрепляло обладание им; д) можно было с выгодой эксплуатировать угольные месторождения[233].

---

[230] Чистяков И. П. Десятилетие местных Советов // Десять лет Магаданской области. — Магадан: Кн. изд-во, 1963. — С. 427.

[231] См.: ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 1, л. 15, 35.

[232] Славин С. В. Северо-Восток Советского Союза как новый формирующийся экономический район. — М., 1958. — С. 9.

[233] Рыбаковский Л. Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. — М.: Наука, 1969. — С. 20.

В Советской России к концу 20-х гг. практика использования принудительного труда заключенных получила широкое распространение, тем более что количество осужденных за различные виды уголовно наказуемых деяний постоянно увеличивалось.

Статистические данные позволяют утверждать, что в СССР за период 1923—1927 гг. включительно осуждению подверглось 4 030 999 чел.[234] Наибольшее количество осужденных понесли наказание за преступления против порядка управления (массовые беспорядки и бандитизм, сопротивление власти и неисполнение ее требований и т. д.) — 2 100 233 чел.[235] Далее, в порядке убывания, следуют осужденные за преступления против личности — 906 706 чел.[236], лица, совершившие имущественные преступления — 763 965 чел.[237], 193 007 чел. — совершившие служебные преступления[238]. При этом число совершивших государственные преступления — участников вооруженных восстаний и контрреволюционных организаций, уличенных в государственной измене и шпионаже, контрреволюционной агитации и пропаганде и т. д., составило всего 7359 чел.[239]

Основная масса осужденных совершили свои преступления в сельской местности, что отчасти объясняется проживанием в деревне подавляющей части населения страны. Волгоградский исследователь С. П. Синельников, изучая документальные материалы о причинах голода в Царицынской губернии в 1920—1923 гг., пришел к выводу, что в 1921 г.

---

[234] Подсчитано по: Статистика осужденных в СССР. 1923—1924. — М., 1927. — С. 14, 94; Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926, 1927 гг. — М., 1930. — С. 9. Важно отметить, что возрастание количества осужденных в 20-е гг. отнюдь не означало автоматического роста числа заключенных в ИТЛ. Так, М. Джекобсон и М. Б. Смирнов приходят к выводу о том, что в середине 1927 г. число заключенных в СССР составляло около 200 тыс. чел. См.: Джекобсон М., Смирнов М. Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917—1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 17. Причиной подобного положения явилась неспособность властей обеспечить заключенных достаточными объемами работ. Лагеря становились тяжелым бременем для бюджета страны. В 30-е гг., напротив, в процессе развертывания индустриального строительства количество заключенных, находившихся в ИТЛ, имело постоянную тенденцию роста. См., например: ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 1155, л. 1а.

[235] Подсчитано по: Статистика осужденных в СССР. 1923—1924. С. 10, 90; Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926, 1927 гг. С. 9.

[236] Подсчитано по: Статистика осужденных в СССР. 1923—1924. С. 12, 92; Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926, 1927 гг. С. 9.

[237] Там же.

[238] Подсчитано по: Статистика осужденных в СССР. 1923-1924. С. 14, 94; Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926, 1927 гг. С. 9.

[239] Подсчитано по: Статистика осужденных в СССР. 1923—1924. С. 8, 88; Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926, 1927 гг. С. 9.

крестьяне голодали прежде всего из-за продразверстки, в 1922 г. — из-за объемов изымаемого продналога, а в 1923 г. — по причине рекордных изъятий хлеба и других продуктов даже в условиях урожайного 1922 года[240]. Как вполне справедливо отмечал П. Сорокин, "продналог оказался не легче, а тяжелее разверстки"[241].

Понятным становится и то, что именно в сельской местности в 1923 г. было совершено 77,7% преступлений против порядка управления (в 1924 г. этот показатель составил 82%)[242]. В дальнейшем именно эта группа преступлений имела наибольшие показатели роста.

Коллективизация сельского хозяйства привела к появлению значительного числа высланных из мест постоянного проживания крестьян — ссыльнопоселенцев. Установлено, что лишь за два первых месяца 1931 г. только с Украины было выслано 300 тыс. крестьян за сопротивление политике насильственной коллективизации[243].

Таким образом, важнейшей причиной постепенного увеличения количества заключенных в СССР являлась внутренняя политика советского государства, весьма часто пренебрегавшего интересами своего народа, а следовательно, и провоцировавшего правовые нарушения со стороны населения. По справедливому замечанию В. П. Попова, каждому этапу строительства новой власти соответствовал новый этап террора, представлявшего по сути планомерное истребление различных социальных слоев и групп; крестьяне, рабочие, мещане, купцы, интеллигенция, военные, священнослужители в силу внутренней социальной организованности рассматривались как главные враги нового режима[244].

Лица, отбывающие различные виды наказания, стали в Советской России весьма представительной частью населения. Поэтому при проведении форсированной индустриализации, потребовавшей, в частности, увеличения добычи минерального и биологического сырья в отдаленных районах страны, правительство СССР прибегло к колонизации этих территорий, организовав там принудительные поселения с использованием подневольного труда "спецконтингентов". О том, что это была целенаправленная политика, свидетельствует докладная записка заместителя председателя ВСНХ СССР Г. Л. Пятакова от 10 ноября 1925 г.

---

[240] Синельников С. П. Причинно-следственные связи между голодом и налогом (макроанализ на примере Царицынской губернии) // Тоталитаризм и личность. — Пермь, 1994. — С. 68.

[241] Сорокин П. Современное состояние России // Нов. мир. — 1992. — № 4. — С. 195.

[242] Статистика осужденных в СССР. 1923—1924. С. 10, 90.

[243] Алексеева Л. История инакомыслия в России. — М., 1993. — С. 12.

[244] Попов В. П. Государственный террор в Советской России. 1923—1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечеств. архивы. — 1992. — № 2. — С. 29—30.

на имя Ф. Э. Дзержинского, исполнявшего в то время обязанности председателя этого правительственного органа. В ней отмечалось: "При выяснении некоторых промышленных географических вопросов я пришел к заключению о необходимости организации в некоторых местах принудительных поселений в целях создания мало-мальски элементарных культурных условий работы. Вероятно, с точки зрения разгрузки мест заключения эти соображения также имеют некоторый интерес"[245]. В соответствии с резолюцией Ф. Э. Дзержинского сотрудники центрального аппарата ОГПУ должны были "формально обосновать такое нововведение (каторжные поселения).

Европейский Север СССР стал регионом, на территории которого отрабатывалась в широких масштабах модель использования принудительного труда заключенных в целях увеличения темпов развития советской экономики. Здесь прежде всего надо отметить Соловецкие лагеря особого назначения.

С 1929 г. началась разработка месторождений полезных ископаемых в районах Ухты, Воркуты, Печоры. Здесь стали разведывать запасы и добывать нефть, уголь, асфальты, природный газ, редкоземельные металлы. Лишь за 1930—1933 гг. объем строительства увеличился в пять раз[246].

В начале 30-х гг., в период развертывания индустриального строительства, изменяются побудительные мотивы со стороны политического режима в осуществлении антикрестьянского террора и крестьянской ссылки. Новосибирские исследователи В. П. Данилов и С. А. Красильников указывают, что в перечне основных целей конфискация отодвигалась на задний план, зато все большее значение приобретала задача обеспечения экономики таким ресурсом, как принудительно используемая крестьянская "рабсила"[247]

Широкое распространение принудительного труда заключенных в процессе колонизации отдаленных регионов страны предопределило метод формирования производственного населения в верховьях р. Колымы. 16 марта 1932 г. ОГПУ получило от Политбюро ЦК ВКП(б) задание: немедленно по открытии навигации перебросить на Колыму 5 000

---

[245] Докладная записка заместителя председателя ВСНХ СССР Г. Л. Пятакова председателю ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинскому об организации поселений заключенных в перспективных экономических районах // Совет. архивы. — 1991. — № 4. — С. 72. В числе подобных мест Г. Л. Пятаков назвал Курейское месторождение графита, Норильское месторождение полиметаллических руд, о. Сахалин, Киргизскую степь и район Нерчинска.

[246] Морозов Н. А., Рогачев М. Б. Гулаг в Коми АССР (20—50-е годы) // Отечеств. история. — 1995. — № 2. — С. 184.

[247] См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — Новосибирск: Экор, 1993. — С. 4—5.

вполне снаряженных заключенных, а в дальнейшем — еще 20 000 подневольных рабочих[248].

В соответствии с этим 1 апреля 1932 г. заместитель председателя ОГПУ СССР Г. Ягода подписал приказ № 287/с "Об организации Северо-Восточного лагеря ОГПУ", который, в частности, предписывал: "1). Организовать Северо-Восточный лагерь ОГПУ с расположением его в Среднекане... 4). В 1932 г., в сроки и в количествах, определяемых Дальстроем и сообщаемых ГУЛАГу заранее (не менее чем за один месяц), выделить для вновь формируемого Севвостлага 16 000 вполне здоровых заключенных с соответствующим количеством административно-хозяйственного лагерного персонала и охраны из заключенных. Укомплектование производить за счет контингентов Дальлага ОГПУ. 5). Необходимых Севвостлагу заключенных специалистов выделить тоже из Дальлага ОГПУ. 6). Направляемые в Севвостлаг ОГПУ заключенные должны быть соответствующим образом одеты, снабжены на весь путь следования предметами довольствия и хозяйственного обихода, а также с ними должны быть направлены их личные дела и все другие необходимые документы. 7). Все расходы как по перевозке аппарата и заключенных в Севвостлаг, так и по дальнейшему их содержанию и обслуживанию на месте, также по обратной перевозке освобождаемых заключенных относятся на средства Дальстроя"[249].

С этого момента начался процесс накапливания на Колыме трудовых ресурсов, принудительно направляемых сюда для эксплуатации золотых месторождений. Уже в ноябре 1932 г. Г. Ягода предписал "определить на 1933 год контингент Севвостлага для работ по Дальстрою в 40 000 единиц" [250].

Динамика постепенного наращивания трудоспособного населения на территории деятельности гостреста в 1932—1937 гг. представлена в табл. 2.

Таблица 2

Численность работников Дальстроя на Колыме в 1932—1937 гг.
(без Приморского управления) чел.[251]

Численность	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Всего	13053	30782	35995	50301	73150	92258
В том числе:						
вольнонаемных	3125	3392	3691	5700	10447	12000
заключенных	9928	27390	32304	44601	62703	80258

[248] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 12, л. 8. В 1932 г., несмотря на создание Севвостлага, численность заключенных на Колыме не достигла указанного числа.
[249] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 1, л. 8.
[250] Там же. Л. 20.
[251] Там же. Д. 6, л. 55. Данные на конец соответствующего года.

Из табл. 2 видно, что заключенные на Колыме в указанный период ежегодно составляли не менее 76% всех работников Дальстроя (минимум в 1932 г. — 76%, максимум в 1934 г. — 89,7%). При этом ежегодный прирост численности "спецконтингентов" примерно совпадает с темпами прироста общего количества работников. Если учесть, что показатели прироста численности вольнонаемного населения в большинстве случаев отстают от показателей общего прироста численности рабочей силы Дальстроя, то становится очевидным, что производственные кадры треста формировались преимущественно из подневольных работников.

Данные табл. 2 отражают и еще одну важную, на наш взгляд, тенденцию. В 1933 г. численность "спецконтингентов" Севвостлага так и не достигла планируемой (40 тыс. чел.). Однако установленные приказами НКВД СССР показатели для 1935—1936 гг. и 1936—1937 гг. (60 и 70 тыс. чел. соответственно)[252] весьма близки к реальным цифрам. При этом плановые показатели для 1937—1938 гг. (70 тыс. чел.)[253] оказались перевыполненными, так как уже в 1937 г. на Колыме работало более 80 тысяч заключенных. Важнейшей причиной такой динамики численности "спецконтингентов" Дальстроя является постепенное нарастание политики государственного террора во второй половине 30-х гг.

Для закрепления заключенных на территории региона с целью формирования постоянного населения, занятого в промышленном производстве, была применена следующая мера. Всем заключенным, отбывшим срок на Колыме не менее года, предоставлялось право колонизации. Для особо отличившихся в работе этот срок снижался до полугода. Трест брал на себя расходы по оплате проезда семьи колониста на Северо-Восток, выделял безвозвратные ссуды на обзаведение имуществом и т. д.[254] Однако привлечение вольнонаемных работников на предприятия Дальстроя становилось возможным исключительно при условии "отсутствия компрометирующих материалов". При наличии последних въезд на Колыму указанным лицам запрещался[255].

Специфические условия работы Дальстроя (отдаленность от центральных районов страны, суровость природных условий, экономическая отсталость Северо-Востока, привлечение в регион в качестве рабочей силы заключенных) определили и подбор руководящих работников треста. 14 ноября 1931 года Совет Труда и Обороны СССР в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 11.11.1931 г. принял решение о

---

[252] См.: Приказ НКВД СССР № 028 от 14.10.34 г. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1а, д. 5, л. 106; приказ НКВД СССР 0130 от 13.10.1935 г. Там же. Д. 7, л. 88.

[253] Приказ НКВД СССР № 00409 от 23.12.36 г. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1а, д. 9, л. 341.

[254] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 1, л. 3 об.

[255] Там же. Д. 34, л. 38.

назначении директором треста "Дальстрой" Эдуарда Петровича Берзина[256]. Ему к этому времени исполнилось 37 лет. Позади были участие в Первой мировой и гражданской войне, активное участие в подавлении левоэсеровского мятежа 1918 г. и разоблачении знаменитого "заговора Локкарта", десятилетний опыт работы в "спецотделе ВЧК—ОГПУ"[257] Однако, на наш взгляд, не только эти обстоятельства сыграли решающую роль при назначении Э. П. Берзина на Колыму.

Дело в том, что с 1926 по 1931 г. он руководил строительством Вишерского целлюлозно-бумажного комбината, который "при полном отсутствии транспортной связи с железной дорогой в предельно сжатые сроки... строился круглый год, зимой в тепляках, при 35 градусах мороза"[258]. Особенностью строительства на Вишере было широкое использование принудительного труда заключенных Вишерского отделения Соловецкого ИТЛ ОГПУ, в 1928—1929 гг. реорганизованного в самостоятельный Вишерский ИТЛ (Вишлаг, Вишерлаг)[259]. Эффективность такого метода, как казалось советскому руководству, была очевидной: за 18 месяцев в суровых климатических условиях буквально на пустом месте был построен промышленный гигант, который стал выпускать 50% всей бумаги высшего сорта, производимой в СССР.

Именно поэтому, на наш взгляд, Берзин, имевший богатый опыт организации широкомасштабных работ на необжитых территориях с использованием "спецконтингентов", и был назначен руководить Дальстроем — организацией, в которой предполагалось использовать подневольный труд заключенных.

Вместе с директором нового треста на Колыму прибыли и те, кто вместе с ним руководил Вишерским строительством. Среди них был и Р. И. Васьков, назначенный начальником Управления Севвостлага, на Вишере также руководивший Управлением лагерей[260] Сорокалетний руководитель УСВИТЛа с 1918 г. "работал непрерывно в органах ВЧК—ОГПУ, занимая последовательно должности: следователь ВЧК, уполномоченный ВЧК центрального и особого отдела, помощник начальника и начальник Управления лагерей", — писала газета УСВИТЛа "Верный путь" 7 ноября 1934 г.[261] Последнее относится именно к периоду работ на Северном Урале.

---

[256] ГАРФ, ф. Р-5674, оп. 1, д. 47, л. 133.

[257] Время. События. Люди... С. 8.

[258] Гехтман Б. Е. Эдуард Петрович Берзин // Краевед. зап. — 1989. — Вып. 16. — С. 72.

[259] См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960. С. 184—185.

[260] В ноябре 1934 г. Р. И. Васьков был сменен на этой должности капитаном государственной безопасности И. Г. Филипповым. ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 9, л. 173. Позже, в 1938 г., И. Г Филиппов был арестован и умер на следствии в Магадане.

[261] Цит. по: Козлов А. Г Из истории колымских лагерей (1932—1937 гг.) // Краевед. зап. — 1991. — Вып. 17. — С. 70.

Другой важной фигурой в управлении Дальстроем стал также работавший с Э. П. Берзиным на Вишере З. А. Алмазов. Член партии с 1919 г., работал ответсекретарем райкома РКП(б), заместителем заведующего Управлением Закавказской рабоче-крестьянской инспекции. "В 1923 г. — учеба в тифлисском вузе и работа начальником финансового контроля Кавказской армии. С 1925 г. — заместитель начальника отдела по ревизии РККА ОГПУ в Москве"[262]. З. А. Алмазов возглавил московское представительство Дальстроя и замещал Э. П. Берзина, когда тот отлучался с Колымы для решения вопросов, касавшихся деятельности треста.

Таким образом, на территории Северо-Востока разворачивали свою деятельность две организации, подчинявшиеся разным правительственным органам: государственный трест "Дальстрой", находившийся в ведении Совета Труда и Обороны, и Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь ОГПУ. Но решение задач, поставленных перед ними, потребовало осуществления мер, способных скоординировать их возможности и направления деятельности.

Первым шагом к слиянию двух независимых подразделений был уже цитировавшийся нами приказ заместителя председателя ОГПУ СССР Г. Ягоды, который, в частности, предписывал контроль и административное руководство Севвостлагом "возложить на Полномочное представительство ГПУ по ДВК", а в административном и хозяйственно-финансовом отношении Севвостлаг подчинить директору Дальстроя Э. П. Берзину"[263]. 16 марта 1932 г. Э. П. Берзин обратил внимание на это обстоятельство, когда специально отметил, что воинские части и исправительно-трудовые лагеря на Колыме "находятся, на основании специальных о том положений, в подчинении директора Дальстроя", который для непосредственного руководства ими имеет заместителя[264].

В дальнейшем процесс слияния продолжался, и его интенсивность зависела от увеличения объемов работ, выполнявшихся трестом. Уже 5 декабря 1932 г. директор Дальстроя подписал приказ, в котором отмечалось: "Опыт работы Дальстроя показал, что существующая ныне организация его и взаимоотношения с Севвостлагом не соответствуют территориальным и ряду других условий работы треста, поэтому в целях приведения в соответствие организационной структуры с требованиями развернувшейся работы, а также в целях наиболее рациональной организации управления хозорганами, обеспечивающей тесную организационную связь аппарата Дальстроя и Севвостлага, достижение наибольшей экономии путем ликвидации параллельных аппаратов и осуществления принципов единоначалия сверху донизу — объявляю: 1. Прилагаемую схему организации треста "Дальстрой" и Севвостлага

---

[262] Колымская правда. — 1934. — 13 сент.
[263] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 1, л. 8.
[264] Там же. Л. 71.

утвердить... 3. Начальник Севвостлага т. Васьков Р. И. является моим помощником по Дальстрою с возложением на него, помимо непосредственного руководства работой Севвостлага, также и руководства работой сектора труда и рационализации"[265].

Вскоре этот процесс получил логическое завершение. Начальник Севвостлага в "Объяснительной записке к заключительному балансу Управления Севвостлага ОГПУ на 31 декабря 1932 г." констатировал: "...хозяйство лагеря влилось в хозяйство Дальстроя..."[266]

Таким образом, уже к 1933 г. был завершен первоначальный период слияния всех подразделений на территории деятельности Дальстроя: производственных структур собственно треста и лагерных пунктов Севвостлага, в которых содержались подневольные рабочие. Возглавил эту интегрированную систему (суперорганизацию) директор треста "Дальстрой", получивший в октябре 1932 г. и исключительные полномочия по руководству районом Дальстроя и парторганизацией в указанном районе как уполномоченный Крайисполкома и Дальграйкома ВКП(б)[267].

Описанная суперорганизация становилась на Северо-Востоке СССР микромоделью советского государства в колонизационном варианте, воспроизводившей все сущностные черты его политического строя и структуры экономики. Это подтверждается и дальнейшим процессом структурирования административно-управленческих органов Дальстроя.

13 января 1935 г. особым приказом уполномоченного НКВД СССР по Дальстрою № 08 при Севвостлаге было организовано отделение Далькрайсуда, в состав которого вошли: председатель — начальник Отдела НКВД по ДС П. Н. Куцерубов, члены суда — начальник лагеря И. Г. Филиппов и начальник Политотдела Орлов. В соответствии с этим Дальстрой получил и собственную систему судебных органов[268]. Их функционирование основывалось на принципах, изложенных в совместном

---

[265] ГАМО. ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 2, л. 171.

[266] Цит. по: К о з л о в А. Г. Из истории колымских лагерей (конец 1937—1938 гг.) // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С 119.

[267] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 26.10.1932 г. "О Колыме" предписывало: "Установить, что административные функции по руководству районом Дальстроя осуществляются т. Берзиным как уполномоченным Крайисполкома, руководство парторганизацией осуществляется т. Берзиным как уполномоченным ДВкрайкома ВКП(б)". РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 905, л. 53. Учитывая что Э. П. Берзин являлся и уполномоченным ОГПУ СССР, можно согласиться с мнением К. Б. Николаева, считающего, что на территории Дальстроя личная власть директора была неограниченной. См.: Н и к о л а е в К. Б. Тяжелый металл, или Как родился, жил и умирал Дальстрой // На Севере Дальнем. — 1989. — № 2. — С. 57.

[268] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 14, л. 16.

постановлении ЦИК и СНК Союза ССР № 11-1430-224 с от 9 июля 1935 г.: "рассмотрение всех уголовных и гражданских дел, возникающих в районе деятельности Дальстроя, возложить на специально организованное Отделение Дальне-Восточного Краевого суда..." Цитируемое постановление также предлагало Отделению Далькрайсуда установить упрощенный порядок производства судебных дел[269].

Деятельность организованного в 1931 г. производственного и административно-политического механизма была секретной, что подтверждается многочисленными документами, акцентирующими внимание именно на этом. Так, например, приказ № 119 по государственному тресту "Дальстрой" от 15 апреля 1935 г., подписанный заместителем директора З. А. Алмазовым, гласил: "Напоминая лишний раз, что деятельность Гостреста "Дальстрой" является засекреченной, предупреждаю всех ответработников, что впредь за всякое разглашение секретных и не подлежащих разглашению сведений виновных, невзирая на занимаемое ими положение, буду привлекать к самой строгой ответственности, вплоть до снятия с работы и предания суду"[270]. Документальные фонды сохранили и приказ заместителя наркома внутренних дел СССР комдива Чернышова от 29 мая 1939 г., ужесточавший требования к пересылке сведений от руководства Дальстроя в Москву посредством фельдъегерской связи НКВД[271].

1937—1938 гг. стали особым периодом в истории Дальстроя, который в это время приобретает темную славу страшной политической каторги. Северо-Восток, несмотря на свою чрезвычайную отдаленность от центральных районов страны, вошел в полосу "большого террора" одновременно с "материком". Рубежом в этом смысле для Колымы стал 1937 г. Историк-архивист В. В. Цаплин отмечает, что если в начале 1937 г. в подразделениях Дальстроя лагерников с бытовыми статьями (наиболее трудоспособная часть лагеря) состояло 48% от всего состава, то уже в начале 1938 г. этот процент снизился до 12%[272]. Следовательно, именно в течение этого времени на Северо-Востоке произошло зна-

---

[269] Там же. Д. 1, л. 125.

[270] Там же. Д. 15, л. 6.

[271] Там же. Д. 34, л. 35.

[272] Цаплин В. В. Архивные данные о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. — 1991. — № 4—5. — С. 160. Очевидно, что эти данные нуждаются в уточнении, так как С. П. Сигачев, автор статьи "Северо-Восточный ИТЛ", приводит сведения о том, что из 106 325 заключенных УСВИТЛа на 01.10.38 г. за к/р преступления были осуждены 43 072 чел., а 11 682 чел. — как СОЭ и СВЭ. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 384. Расчеты, основанные на приведенных показателях, позволяют судить о том, что "контрреволюционеры" в начале октября 1938 г. составляли 40,5% от всех заключенных УСВИТЛа.

чительное изменение качественного состава "спецконтингентов" треста; преобладающей их частью стали политические заключенные[273].

Однако, если до 1937 г. Дальстрой опосредованно участвовал в осуществлении карательной политики советского режима, лишь получая все возраставшее количество осужденных в качестве рабочей силы, то 19 марта этого года и Колыма вступила в эпоху своего "большого террора". В этот день уполномоченный НКВД Советского Союза по Дальстрою Э. П. Берзин подписал приказ № 006, в котором говорилось: "Секретно-политическим отделом УНКВД по ДС был вскрыт и агентурно разработан контрреволюционный троцкистский центр на Колыме во главе с политической тройкой. Следствие по данному делу было проведено в сжатые сроки и с достаточной полнотой разоблачило активную контрреволюционную вредительскую и диверсионную работу троцкистов на Колыме"[274]. Речь идет о двух следственных делах, разработанных Секретно-политическим отделом УНКВД по Дальстрою, — № 451 и № 98. В марте 1937 г. в Магадане начался судебный процесс над участниками этой "троцкистской организации", которые в сентябре — октябре того же года были расстреляны[275].

Предвестником нового витка "большого террора" на Колыме и коренных изменений в положении самого Дальстроя стал приезд в Магадан в начале декабря 1937 г. нового руководства треста, которое должно было заменить большинство руководителей первого состава, выезжавших в отпуск. 3 декабря 1937 г. Э. П. Берзин подписал приказ: "Сего числа убываю в командировку и отпуск. На время моего отсутствия временно исполняющим должность директора гостреста "Дальстрой" назначаю моего заместителя старшего майора государственной безопасности т. Павлова"[276]. Вместе с К. А. Павловым в Магадан прибыли новый начальник УСВИТЛа НКВД полковник С. Н. Гаранин, прокурор Дальстроя Л. П. Метелев, начальник политчасти треста Ю. М. Гаупштейн, заместитель руководителя треста комбриг А. А. Ходырев. Не-

---

[273] Данные специальной отчетности позволяют утверждать, что несколько позже, в 1940 г., при 13% колымских заключенных от числа всех заключенных того периода "троцкистов" здесь было 2,2% от всех учтенных, а "белогвардейцев" — 11,5%. См.: Сопротивление в ГУЛАГе... С. 201—203. Эти данные косвенно свидетельствуют, что именно Колыма, наряду с Норильском и Воркутой, была местом, где концентрировались наиболее "опасные политические преступники".

[274] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 25, л. 18.

[275] Подробнее о подготовке органами НКВД этих дел см.: Хотелось бы всех поименно назвать... С. 109—150; Байтальский М. Троцкисты на Колыме // Минувшее: Историч. альманах. 2. — М.: Прогресс; Феникс, 1990. — С. 345—357. См. также: Шаламов В. Т. Колымские рассказы. — М.: Совет. Россия, 1992. — С. 36 и др.

[276] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 26, л. 137.

сколько позже приступил к исполнению своих обязанностей и начальник УНКВД по Дальстрою В. М. Сперанский.

Приезд нового руководства ознаменовал коренное изменение положения дел на Северо-Востоке, начавшееся с уничтожения первого состава руководителей Дальстроя, обвиненных в создании на Колыме "троцкистской повстанческой организации" 19 декабря на ст. Александрово в 100 км от Москвы был арестован Э. П. Берзин, в Магадане и в центральных районах страны арестованы почти все бывшие руководители управлений Дальстроя. В разное время они были расстреляны или умерли на следствии[277] Сейчас можно с уверенностью утверждать, что так называемое "берзинское дело" было частью процесса смены советской командно-административной элиты, осуществленной в 1937—1938 гг.[278]

Окончательное оформление тоталитарного характера советского режима в этот период отразилось и на статусе Дальстроя. Развитие обозначенных политических процессов как в стране в целом, так и на Севе-

---

[277] А. Г. Козлов пишет: "Находясь в плену ложной идеи "перековки", Э. П. Берзин и его единомышленники могли "смягчить" лагерный режим в Дальстрое и УСВИТЛе, но не могли изменить саму лагерную систему, являвшуюся частью сталинского казарменного социализма. Противоречия с этой системой должны были привести и привели их к гибели". См.: Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей (1932—1937 гг.) // Краевед. зап. — 1991. — Вып. 17. — С. 89. Т. Смолина считает, что причиной уничтожения Э. П. Берзина и его сотрудников стала книга британского дипломата Локкарта, в разоблачении которого участвовал Берзин в 1918 г., доказывающая, что имел место не "заговор послов", а заговор латышских стрелков: "Эта книга, переведенная на русский язык, была прочитана Сталиным и сыграла черную роль в судьбе не только Берзина". См.: Смолина Т. Последние дни Эдуарда Берзина // Колыма. — 1988. — № 6. — С. 33. Заметим, что до сих пор наблюдаются попытки "объективно" и с положительной стороны оценить роль российских политических деятелей, ставших жертвами сталинщины, — Н. И. Бухарина, Л. Д. Троцкого, Э. П. Берзина и др. Между тем, как показывает пример Дальстроя, тоталитарный характер режима складывался при непосредственном участии деятелей такого рода и был обоснован системой имперских и иных утопий, амбиций и претензий. Другими словами, "Сталин лишь узурпировал должность импровизатора, инструмент был настроен до него" См.: Орешин Б., Рубцов А. Сталинизм: идеология и сознание // Осмыслить культ Сталина. — М.: Прогресс, 1989. — С. 604.

[278] Следователи центрального аппарата НКВД выбили у Э. П. Берзина признание о его якобы участии в "заговоре", участниками которого "были" Г. И. Бокий, Я. Э. Рудзутак, Г. Г. Ягода, также уничтоженные в это время. См.: Смолина Т. 13 томов из прошлого. Дело из архивов Омского УКГБ // Магадан. комсомолец. — 1990. — 17 июня. Заметим, что арестованный позже Н. И. Ежов на следствии "признался" в целенаправленном срыве поставок необходимых материалов и оборудования на Колыму и в руководстве вредительством на предприятиях Дальстроя. См.: Показания Ежова // Воля. Журнал узников тоталитарных систем. — 1994. — № 2—3. — С. 93—94.

ро-Востоке в частности, привело к тому, что 4 марта 1938 г. СНК СССР постановил: "Передать в ведение Наркомвнудела СССР государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы (Дальстрой), преобразовав этот трест в Главное Управление Строительства Дальнего Севера (Дальстрой)"[279]. Верно, на наш взгляд, оценивает это событие магаданский историк А. С. Навасардов, когда пишет: "Начиная с 1938 года своеобразная туника лицемерия сброшена, Дальстрой введен в состав НКВД. Этот акт хорошо вписался в картину тех лет"[280].

Широкомасштабная репрессивная политика советского государства нашла свое отражение и в общем численном составе работников Дальстроя, и в их правовом положении (табл. 3).

Таблица 3

Численность рабочей силы Дальстроя на Колыме в 1938—1941 гг.
(без Приморского управления), чел. [281]

Численность	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Всего	113 430	189 826	216 422	210 674
В том числе:				
вольнонаемных	19 452	26 351	39 743	62 373
заключенных	93 978	163 475	176 685	148 301

Как видно из данных табл. 3, заключенные и в этот период составляют не менее 70% всех работников (минимум в 1941 г. — 70,4%, максимум в 1939 г. — 86,1%). Если с 1937 по 1938 г. численность заключенных на Колыме выросла лишь на 14,6%, что говорит о постепенном ее росте, то в 1939 г. подневольных рабочих здесь было на 42,5% больше, чем год назад. Столь резкое увеличение общей численности "спецконтингентов" может быть объяснено только тем, что на Колыму стали прибывать жертвы массовых репрессий из центральных районов страны.

Важным, по нашему мнению, является факт возрастания численности вольнонаемного состава работников Дальстроя (прирост — 36,3%) на фоне общего снижения количества рабочей силы на 6,7% и числа заключенных на 16% в 1940—1941гг.[282] Это может быть объяснено сокращением масштабов поставки осужденных граждан СССР на Колыму и Чукотку в полувоенном 1941 г. Нельзя не учитывать и репрессии против заключенных Дальстроя, а также высокий уровень смертности

---

279 ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 22, л. 246.

280 Навасардов А. С. Из истории строительства Колымской трассы (1928—1940 гг.) // Краевед. зап. — 1991. — Вып. 17. — С. 25.

281 ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 6, л. 55. Данные указаны на конец соответствующего года.

282 Там же.

"спецконтингентов" вследствие резкого увеличения производственных норм.

Тем не менее согласно отчетным документам Дальстроя за 1939—1942 гг. план завоза на Колыму вольнонаемных специалистов в этот период хронически не выполнялся[283] Так, в 1939 г. он был выполнен на 85%, в 1940 г. — на 92%, в 1941 г. его выполнение составило 44,2%, а в 1942 г. — 22,1%[284]. Вполне очевидно, что данные 1942 г. и отчасти 1941 г. отражают специфику военного времени, но в целом они весьма показательны. По всей видимости, это могло быть вызвано зависимостью возможности приезда специалиста на Колыму от степени его политической благонадежности. Подобные бюрократические процедуры существенно затрудняли процесс насыщения территории Северо-Востока квалифицированным трудоспособным населением.

В феврале 1939 г. произошла окончательная интеграция производственных подразделений Дальстроя с подразделениями УСВИТЛа. В соответствии с распоряжениями центрального аппарата НКВД (приказ № 00672 от 10 ноября 1938 г.) структура лагерных подразделений на Колыме была изменена. С 16 февраля 1939 г. в систему УСВИТЛа входили отдельные лагеря, заключенные которых использовались на работах в конкретных производственных подразделениях Дальстроя[285]. В состав УСВИТЛа вошли Севлаг, Заплаг, Юглаг, ЮЗлаг, Транслаг, Владлаг, Дорлаг, Стройлаг, а также ряд отделений и отдельных лагерных пунктов.

Однако уже в августе 1939 г. структура УСВИТЛа вновь претерпела изменения: СВИТЛ опять становился лагерем, включавшим Северное отделение Севвостлага НКВД, Западное, Южное, Юго-Западное, Транспортное, Дорожное, Геологоразведочное, Владивостокское отделения и ряд отдельных лагерных пунктов[286] Причиной реорганизации, возможно, послужила необходимость создания наиболее адекватной системы взаимоотношений лагерных и производственных подразделений Дальстроя в условиях его подчинения НКВД.

Этот процесс был завершен летом 1940 г., когда наиболее удобной схемой было признано подчинение УСВИТЛу отдельных лагерей со сво-

---

[283] О том, что эта тенденция была устойчивой и ранее, свидетельствуют следующие данные: на 1937—1938 гг. количество вольнонаемных работников Дальстроя должно было составлять 35 тыс. чел. Приказ НКВД СССР № 00409 от 23.12.1936 г. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 1а, д. 9, л. 341. Однако, как видно из табл. 3, в 1938 г. на Колыме работало лишь 19,5 тыс. вольнонаемных специалистов.

[284] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 161, л. 63.

[285] Там же. Д. 135, л. 12.

[286] Там же. Л. 63.

ей внутренней структурой. Вновь образовывались Заплаг, Севлаг, ЮЗлаг, Юглаг, Теньлаг, Дорлаг[287]

Одновременно в феврале 1941 г. "в целях повышения ответственности руководителей управлений и предприятий Дальстроя за состояние лагподразделений" были введены специальные должности заместителей начальников управлений по лагерю, "обладающих в полной мере административными правами заместителей начальников этих управлений и предприятий"[288].

Следует обратить внимание и на то, что в конце 30-х гг. окончательно сложилась и система партийных органов Дальстроя, которые последовательно находились в подчинении Объединенного бюро ВКП(б) треста (с 7 марта 1932 г.), затем Политотдела Дальстроя (с 29 ноября 1933 г.) и, наконец, Политуправления Главного управления строительства Дальнего Севера (ГУСДС) НКВД СССР (с 3 мая 1939 г.), подчинявшегося одновременно и ЦК ВКП(б), и Наркомату внутренних дел Советского Союза[289]. После реорганизации структура партийных органов Дальстроя включала политотделы при отраслевых управлениях, подчиненные непосредственно Политуправлению. Специфика подобной системы четко видна на примере передачи партийных органов и коммунистов Чаунского района Чукотского национального округа Политуправлению Дальстроя. Созданному политотделу Чаун-Чукотского горнопромышленного управления (Чукотский "филиал" Дальстроя) Чаунский райком ВКП(б) передал шесть первичных парторганизаций и снял с учета состоявших в них коммунистов[290].

Расширявшиеся масштабы производственной деятельности Дальстроя требовали создания устойчивой системы снабжения. В связи с этим 22 февраля 1939 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия приказал организовать в составе ГУСДС НКВД два Всесоюзных государственных треста — "Дальстройснаб НКВД" и "Колымснаб НКВД" для снабжения продовольственными и промышленными товарами, техническими материалами и оборудованием управлений строительства Дальнего Севера и населения районов деятельности Дальстроя НКВД СССР[291].

---

[287] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 150, л. 68. Реорганизация была проведена приказом начальника ГУСДС НКВД И. Ф. Никишова № 052 от 19 июня 1940 г., изданным во исполнение распоряжения НКВД СССР № 198 от 11 июня 1940 г. Однако формальный статус этих подразделений пока не до конца ясен. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 120.

[288] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 161, л. 45.

[289] См.: Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.). С. 168—169, 175—176, 216.

[290] См.: История Чукотки с древнейших времен до наших дней. С. 237.

[291] Приказ НКВД СССР № 037 от 22.02.1939 г. был издан в соответствии с постановлением Экономического совета при СНК СССР № 80-40/сс от 02.02.1939 г. ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 38, л. 387.

Таким образом, в начале 40-х гг. формирование интегрированной системы Дальстроя было закончено.

Заметим, что в 1939 г. произошли изменения и в руководящем составе ГУСДС НКВД: 10 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) освободило К. А. Павлова от обязанностей начальника Дальстроя по болезни. Новым руководителем Главного управления строительства Дальнего Севера был назначен И. Ф. Никишов, до этого исполнявший обязанности начальника Управления НКВД по Хабаровскому краю. Его заместителем стал С. Е. Егоров — заместитель начальника ГУЛАГа НКВД СССР[292].

Чрезвычайный характер Дальстроя как суперорганизации, решающей на Северо-Востоке масштабные геополитические и экономические задачи, был окончательно закреплен в 1939—1940 гг., когда после вмешательства высших руководителей страны здесь потерпела неудачу попытка создать обычную для СССР систему территориальных советских и партийных органов.

По ходатайству Хабаровского крайкома партии и крайисполкома Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 14 июля 1939 г. создал в составе Хабаровского края Колымский округ с центром в Магадане, одновременно преобразованном в город[293]. Однако уже 13 августа в Магадан пришла телеграмма Генерального секретаря ЦК партии И. В. Сталина, осуждавшая создание Колымского округа и соответствующих окружных советских и партийных органов[294]. Отстранение Дальстроя от руководства гражданской и политической жизнью Северо-Востока и превращение его в обычное производственное управление Сталин назвал схематичным и нежизненным. Он подчеркнул: "Дальстрой — комбинат особого типа, работающий в специфических условиях, и эта специфика требует особых условий работы, особой дисциплины, особого режима"[295]. В результате вмешательства И. В. Сталина Колымский округ был упразднен и вплоть до создания в декабре 1953 г. Магаданской области со всеми соответствующими органами управления Дальстрой оставался полноправным хозяином огромной территории Северо-Востока СССР.

В экономико-географической и исторической литературе большое внимание уделяется проблеме периодизации процессов промышленного освоения территории. Так, экономист Э. Б. Ахназаров указывал, что первый этап формирования и развития общественного хозяйства реги-

---

[292] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1015, л. 9. К. А. Павлов после работы на Колыме занимал должность заместителя начальника Управления горнометаллургической промышленности ГУЛАГа НКВД, а 19.08.1940 г. был назначен заместителем начальника ГУЛАГа и начальником Управления по строительству заводов и горнорудных предприятий черной металлургии. В это время он имел звание комиссара госбезопасности II ранга. ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 58, л. 105 об.

[293] Советская Колыма. — 1939. — 18 июля.

[294] Колыма. — 1940. — № 2. — С. 11.

[295] Советская Колыма. — 1940. — 23 февр.

она ограничивается хронологическими рамками 1932—1942 гг. По его мнению, в этот период первоначальное освоение природных ресурсов края в промышленном масштабе характеризовалось преимущественным применением ручного труда и крайне низким техническим уровнем горных предприятий. При этом обслуживающие отрасли (топливно-энергетическая, транспорт, машиностроение и металлообработка, промышленность строительных материалов и строительная индустрия и т. п.) находились в зачаточном состоянии, они обслуживали горнодобывающую промышленность лишь в той степени, в какой не удавалось удовлетворить ее нужды с помощью внешних межобластных и межрайонных связей[296].

Б. И. Мухачев в основу определения хронологических границ первоначального периода освоения края положил формальные организационные характеристики суперорганизации. С 1931 до 1937 г. — это государственный трест, с 1938 г. — территориально-отраслевое управление НКВД СССР[297]

Работа сотрудника Магаданского областного краеведческого музея А. С. Навасардова, посвященная истории строительства Колымской трассы, хронологически завершается 1940 годом, когда, по мнению исследователя, была создана основа системы автотранспортных магистралей на Колыме, хотя нижняя временнáя граница исследования — 1928 г., начальный период активного изучения маршрута будущей дороги[298].

А. Н. Пилясов, в свою очередь, выделяет в качестве первого периода существования суперорганизации "Дальстрой" 1932—1937 гг. По мнению этого ученого, "на первом этапе развития трест "Дальстрой" представлял собой приречное таежное хозяйство, которое занималось добычей россыпного золота, ловлей рыбы, заготовкой дров и лесоматериалов, кирпичным, пекарным, мельничным производством, пошивом одежды, транспортным животноводством"[299]. Один из критериев пери-

---

[296] А х н а з а р о в Э. Б. О некоторых особенностях развития народного хозяйства Магаданской области // История и культура народов Севера Дальнего Востока. С. 161.

[297] См.: М у х а ч е в Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928—1937 годы) // Краевед. зап. — 1970. — Вып. 8. — С. 69—79.

[298] Н а в а с а р д о в А. С. Из истории строительства Колымской трассы (1928—1940 гг.) // Там же. — 1991. — Вып. 18. — С. 14—25.

[299] П и л я с о в А. Н. Трест "Дальстрой" как суперорганизация // Колыма. — 1993. — № 8. — С. 35. К. Б. Николаев, оспоривший эту периодизацию, отметил отсутствие ее четких критериев и предположил, что выдвигаемая А. Н. Пилясовым периодизация определяется сменой первого лица в Дальстрое. См.: Н и к о л а е в К. Б. К вопросу изучения истории Дальстроя // Исторические аспекты Северо-Востока России... С. 34.

одизации здесь вполне очевиден — преодоление монометаллической специализации треста, начавшего и добычу олова именно в 1937 г.

Научный сотрудник СВКНИИ ДВО РАН К. Б. Николаев предложил ограничить рамки первого этапа истории Дальстроя 1932—1940 гг. Критериями в данном случае выступают динамика роста золотодобычи и численности заключенных, достигшие максимума именно к 1940 г.[300]

По нашему мнению, первый период истории промышленного освоения территории Северо-Востока в XX столетии (а следовательно, первый период истории Дальстроя) может быть ограничен временными рамками 1932—1941 гг.[301] Событиями, определяющими хронологические рамки периода, являются: начало деятельности Государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы (1932 г.) и начало Великой Отечественной войны (1941 г.). К концу этого периода окончательно складывается внутренняя структура Дальстроя, определяется его статус в составе государственных подразделений СССР. Помимо этих политических аспектов периодизации, надо учесть еще и аспекты социально-экономические. К 1941 г. оформились основные направления производственной деятельности суперорганизации, сложилась структура производительного населения на Колыме и Чукотке. Именно с середины 1941 г., по нашему мнению, начинается новый период истории Дальстроя. Резкое сокращение поставок необходимых материалов и подневольной рабочей силы с "материка", вызванное войной, обусловило новые качественные изменения в его деятельности.

Представляется необходимым подразделить период 1932—1941 гг. на два этапа. Первый (1932—1937 гг.) — время существования государственного треста "Дальстрой". Для этого этапа характерно: 1) сосредоточение усилий треста на дорожном строительстве; металлодобыча становится приоритетной лишь к концу этого периода; господство исключительно ручного мускульного труда в производстве; 2) постепенное оформление организационных форм освоения (лагерно-производственных структур), завершившееся к 1937 г.; 3) создание "толчкового" транспортно-производственного каркаса колонизации; 4) относительно мягкий режим содержания "спецконтингентов", господство политики "перековки" в лагерной практике администрации Дальстроя.

---

300 Там же.

301 Хронологические границы предлагаемой нами периодизации совпадают с периодизацией освоения золотоносных россыпей Северо-Востока. См.: Шаповалов В. С., Мамаев Ю. А., Полеванов В. П., Федоров С. Г. Периодизация освоения золотоносных россыпей Северо-Востока // Колыма. — 1982. — № 12. — С. 3. Констатация этого факта весьма важна, если учесть, что в 1932—1941 гг. Дальстрой осваивал прежде всего россыпные месторождения золота.

Второй этап (1938—1941 гг.) начинается с преобразования Дальстроя в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР и имеет следующие характеристики: 1) концентрация производственных усилий на извлечении минеральных ресурсов (включая рудные месторождения); расширение ассортимента добываемых природных ископаемых (начало эксплуатации месторождений олова, особенно активной с 1939 г., после включения территории Чукотки в состав региона деятельности Дальстроя; организация угледобычи на месторождениях Охотско-Колымского района и т. д.), широкое применение техники в горном производстве и дорожном строительстве; 2) значительное расширение территории деятельности Дальстроя, связанное с необходимостью создания дорожной сети и организации металлодобычи в Тенькинском, Омсукчанском, Чаун-Чукотском районах, что стало возможным только благодаря сложившейся модели освоения и сформированному к этому времени "толчковому" каркасу колонизации; 3) кардинальное изменение политики администрации Дальстроя по отношению к заключенным в сторону ужесточения требований к их трудовому использованию; репрессии против "спецконтингентов"; превращение Колымы во всесоюзную политическую каторгу.

Таким образом, можно констатировать, что начало 30-х гг. XX столетия ознаменовалось созданием в СССР нескольких многопрофильных суперорганизаций — специфических колонизационных механизмов, призванных любой ценой обеспечить решение задач индустриализации Советского Союза. К указанным (С. В. Славин) чертам этих механизмов необходимо, по нашему мнению, добавить следующие: а) максимально возможная скорость в достижении целей, что было вызвано форсированным характером проводимой индустриализации; б) чрезвычайный характер структуры этих суперорганизаций, что обеспечивалось широкими объемами предоставленных им правительством льгот и спецификой управления территорией их действия; в) использование принудительного труда заключенных как средства достижения поставленных целей, так как в условиях сжатых временных сроков и напряженных плановых заданий первых пятилеток, а также в ситуации острой нехватки техники (горнодобывающей, строительной, транспортной и т. д.) и средств труд заключенных становился единственным способом получения всего необходимого в условиях отдаленных и экономически неразвитых территорий страны; г) секретность действий этих организаций, что было вызвано штрафным характером освоения месторождений стратегического минерального сырья и биологических ресурсов.

Обобщающие задачи этих колонизационных механизмов можно разделить, по нашему мнению, на две важнейшие составляющие: экономические: а) промышленное строительство на определенной территории (собственно освоение); б) унификация и полная контролируемость эко-

номической жизни отдаленных регионов; политические, заключавшиеся в распространении на относительно неконтролируемые в силу своей отдаленности территории политической системы и практики, характерной для центральных районов страны. Комплексное достижение этих целей позволяло решить и проблемы геополитического характера — окончательно закрепить колонизируемые регионы в составе государства, сделать бесспорным обладание ими.

Количество этих суперорганизаций (Воркутакомбинат, Ухтакомбинат, Норильскстрой и т. д.) и районы их деятельности (почти весь Север Советского Союза), а также общие для них характерные черты позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что в течение 20—30-х гг. XX столетия было возобновлено проведение традиционной колонизационной политики в отдаленных регионах страны в формах, модифицированных приобретавшим тоталитарный характер советским политическим режимом.

Трест "Дальстрой" был создан в 1931 г. для освоения месторождений золота в верховьях р. Колымы, разведанных в конце 20-х гг. В течение предвоенного десятилетия происходило постепенное расширение района его деятельности и структурирование системы его подразделений. Поэтому 1931—1941 гг. могут быть признаны периодом первоначального промышленного освоения Северо-Востока СССР.

§ 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТ ТРЕСТА "ДАЛЬСТРОЙ" В 1932–1937 гг.

Решая задачу расширения масштабов золотодобычи в районах Приколымья, Дальстрой в начале своей деятельности столкнулся с комплексом проблем, связанных с уровнем экономического развития региона. В промышленном освоении природных ресурсов Северо-Востока не было заранее разработанного плана. Его и не могло быть, в силу того что изученность ресурсов была ничтожно мала. Поэтому выбор приоритетных направлений колонизационной практики определялся руководством треста прямо на месте, в начале форсированного освоения.

Интенсификация добычи золота на Колыме становилась возможной лишь при условии создания здесь производственной и социальной инфраструктуры. Именно этим и характеризуется начальный период работ на территории Северо-Востока, хронологически охватывающий период с 1932 по 1937 г.

Важнейшим компонентом производственной структуры, ориентированной на добычу золота, неизбежно становились сети транспортных магистралей, от создания которых зависело снабжение приискового района необходимыми материалами и продовольствием. Поэтому

вплоть до 1936 г. основной задачей Дальстроя, центральным направлением его деятельности было создание системы связи приисков с транзитными пунктами на морском побережье.

При этом учитывалось, что снабжение района золотодобычи можно было осуществить двумя путями, намеченными еще в период первоначального изучения Северо-Востока. Первый заключался в строительстве перевалочного порта в бухте Нагаева и дороги от него к приискам (проект И. Ф. Молодых). Этот вариант обеспечивал связь порта с Владивостоком бóльшую часть года и круглогодичную связь с приисками. Но для его осуществления были необходимы значительные капиталовложения и длительный период строительства. Второй возможный вариант заключался в развитии морского каботажного плавания по маршруту Владивосток — Берингов пролив — устье р. Колымы. Строительство порта в устье р. Колымы и развитие речного судоходства обеспечивало бы снабжение золотодобывающих предприятий (проект С. В. Обручева). Однако осуществление этого варианта затруднялось нестабильными условиями ледового плавания и удлинением маршрута следования грузов примерно на 5 тыс. км. Выбор того или иного варианта мог быть осуществлен только на практике, и 1932 г. ознаменовался началом работ на обоих направлениях.

В июле 1932 г. из Владивостока к устью р. Колымы впервые вышла группа морских судов с общим грузом около 11 тыс. т. Для их дальнейшей транспортировки 22 декабря было организовано Колымское речное управление Дальстроя и начато строительство морского порта в бухте Амбарчик (устье р. Колымы)[302]. Уже в июне 1933 г. на Среднекан прибыли первые пароходы с грузами из Амбарчика[303].

Заметим, что в дальнейшем эксплуатация северного направления продолжалась, однако оно не смогло составить конкуренцию южному варианту по причине сложных природных условий района и оставалось лишь вспомогательным. Свидетельством этому являются данные о распределении грузопотоков, направленных в верховья р. Колымы. До 1936 г. по рекам на прииски было доставлено около 25% общего объема грузов, завезенных в устье р. Колымы, а перевозки этих грузов в общей массе речных перевозок на Колыме составили всего 15,5 %[304].

Первые попытки установить транспортную связь между бухтой Нагаева, куда руководство треста прибыло на пароходе "Сахалин" 4 февраля 1932 г., и приисковым районом в верховьях Колымы были предприняты уже в конце зимы этого года, когда на приисках свирепствовал

---

[302] Историческая хроника Магаданской области... С. 86.

[303] Навасардов А. С. Из истории развития транспорта на Колыме... // Краевед. зап. — 1988. — Вып. 15. — С. 66.

[304] Родин Е. Д. Роль транспорта в промышленном освоении Колымы // Колыма. — 1959. — № 2. — С. 40.

голод. Единственным способом направить туда продовольствие стало использование оленьего транспорта, которым с 16 февраля по 20 марта было перевезено на прииски 81,6 т грузов[305]. 27 февраля из бухты Нагаева в приисковый район направилась тракторная колонна, которая, преодолев в чрезвычайных условиях 260 км, доставила на прииски все необходимое[306].

Начатые к тому времени работы по дорожному изысканию в направлении будущей трассы, вся наличная рабочая сила, имевшееся оборудование, запас инструментов и материалов с 17 февраля 1932 г. были переданы специально созданному в структуре Дальстроя сектору строительных работ[307] На это подразделение возлагались задачи проектирования и осуществления строительных работ, а также организация предприятий по заготовке строительных материалов и деталей[308].

Весной 1932 г. Дальстрой начал проектно-изыскательские и строительные работы по созданию автодорожной сети, опорным пунктом которой, в соответствии с проектом И. Ф. Молодых, становилась бухта Нагаева. Изыскатели трассы будущей дороги работали очень напряженно и уже 30 марта дошли до Элекчана, отбыв затем на сплавной пункт Хета для проведения дальнейших исследований[309].

Работа проектировщиков и дорожников значительно затруднялась тем, что опыта подобного строительства в районах Крайнего Севера в то время не существовало[310]. Вместе с тем документальные материалы Дальстроя указывают на чрезвычайную сложность строительства дорог, "в процессе которого преодолены значительные трудности, вытекающие из почвенно-климатических условий Колымы и рельефа местности — горы, вечная мерзлота, топи, болота и наледи"[311].

Чтобы ускорить завоз грузов на прииски и организацию золотодобычи, дороги строили в два этапа. Земляное полотно сначала отсыпали не на полные ширину и высоту, а делали автопроезд шириной 4—5 м с высотой насыпи 0,5—0,7 м и открывали автодвижение. Затем, в процессе временной эксплуатации, производилась достройка дороги и сдача ее в постоянную эксплуатацию[312].

---

[305] Кузаков К. Г Ожившая тундра (социализм и судьбы народов Севера Дальнего Востока). — Владивосток, 1973. — С. 110.

[306] См.: Время. События. Люди... С. 120—133.

[307] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 1, л. 29.

[308] Там же. Л. 80.

[309] Там же. Л. 141.

[310] Лукин И. И. Они были первопроходцами // Колыма. — 1985. — № 6. — С. 7.

[311] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 26.

[312] Николов Т. С., Дементьев В. А. Автомобильные дороги Колымы и Чукотки// Колыма.— 1978. — № 7—8. — С. 90.

В мае 1932 г. маршрут будущего строительства от бухты Нагаева до Элекчана, где находилась сплавная база снабжения бывшего приискового управления Союззолота, был разделен на два участка: 1) Нагаево — 104 км и 2) 104 км — 182 км. Дорожно-строительные работы предполагалось вести в две очереди: первая — рубка просеки, корчевка и проведение водоотводных работ, вторая — насыпка земляного полотна дороги и сооружение временных мостов. Временной разрыв между работами первой и второй очереди был вызван необходимостью оттаивания земли. Работы предполагалось начать 10 июня сразу на всех участках и закончить к 8—10 августа[313] Выполнению столь напряженных заданий должна была способствовать передача в ведение исключительно строительного сектора механических мастерских в Магадане и электроустановок в Магадане и Нагаево[314]. В этих же целях с 23 июня 1932 г. руководство Дальстроя предписало все дорожно-строительные работы проводить непрерывно[315].

Одновременно весной и летом 1932 г. развернулось строительство дорог между уже действовавшими приисками и от каждого из них до снабженческой базы на Элекчане. На дорогах от Элекчана строились зимовья, конюшни с запасом кормов, обходы наледей и временные мосты. Протяженность конных дорог, построенных в 1932 г., составила в общей сложности 1060 км[316].

20 августа 1932 г. первые автомобили прошли по построенному 6-километровому участку трассы от пос. Нагаево до р. Магаданки. При создании трассы было раскорчевано 115 га леса, разработано 10 тыс. куб. м торфов и выполнен объем земляных работ 20 тыс. куб. м[317]

Постепенное расширение строительных работ на территории деятельности Дальстроя, усложнение стоящих перед строителями задач привели к созданию в структуре треста специализированного Управления капитального и дорожного строительства[318]. Наряду с этим для более эффективного руководства прокладкой полотна трассы создавались дорожно-строительные районы № 1 и № 2[319]. Обозначенные подразделения согласно приказу руководства Дальстроя от 21 мая 1933 г. в течение строительного сезона этого года должны были решить пробле-

---

313 См.: Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.). С. 170.

314 ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 1, л. 169.

315 Там же. Л. 179.

316 Родин Е. Д. Роль транспорта в промышленном освоении Колымы // Колыма. — 1959. — № 2. — С. 39.

317 Колымская правда. — 1934. — 7 нояб.

318 ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 3, л. 55. Приказ директора Дальстроя № 27 от 20 января 1933 г.

319 Там же. Л. 80.

му устройства постоянной дороги для автотранспорта от пос. Нагаево до Элекчана[320].

На строительных работах Дальстроя, в том числе и дорожных, в это время было занято большинство работников треста — заключенных и вольнонаемных. Отчетные документы свидетельствуют: в 1933 г. из 30 728 дальстроевцев в горной отрасли было задействовано лишь 1 350 чел. (или 4,4% всех работающих)[321]. Вполне очевидно, что все остальные были заняты строительством. Только на прокладке полотна Колымской трассы, по данным магаданского исследователя А. С. Навасардова, в это время работало около 11 тыс. рабочих и инженерно-технических работников[322].

При прокладке дорожного полотна в направлении Нагаево — Элекчан в 1933 г. был выполнен значительный объем работ: вынуто и заменено породой 249 тыс. куб. м торфов, отсыпано в полотно 1500 тыс. куб. м земли, проложено 228 труб, возведено 5500 кв. м гражданских построек и проложено в общей сложности 462 км дорог, включая необходимые подъездные пути[323]. 21 октября 1933 г. на Элекчан пришла первая колонна грузовых машин с грузами для приисков, несмотря на то что в течение этого строительного сезона дорожники были вынуждены преодолеть три перевала и множество топей и болот.

1934 г. должен был стать решающим в организации транспортной связи приисковых районов с побережьем Охотского моря. Это настоятельно диктовалось интересами развития форсированной золотодобычи — основной производственной задачи Дальстроя. Поэтому в ноябре 1933 г. была проведена еще одна структурная реорганизация подразделений треста: 15 ноября в целях обеспечения наиболее быстрого и всестороннего развертывания дорожного строительства и приближения руководства к месту производства работ первый и второй дорожно-строительные участки были выведены из состава УКДС и преобразованы в самостоятельное Управление дорожного строительства (УДС)[324]. В Положении об Управлении дорожного строительства государственного треста "Дальстрой" формулировались задачи, решение которых возлагалось на работников УДС: 1) техническое изыскание дорог; 2) проектирование дорожных сооружений; 3) строительство основной дорожной магистрали и подъездных путей к промышленным и населенным пунктам в районах деятельности Дальстроя. В качестве основной рабочей

[320] Там же. Л. 243.

[321] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 6, л. 55.

[322] Навасардов А. С. Из истории развития транспорта на Колыме... // Краевед. зап. — 1988. — Вып. 15. — С. 68.

[323] Колымская правда. — 1934. — 7 нояб.

[324] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 5, л. 251.

силы УДС предписывалось использовать заключенных 1-го отделения Севвостлага ОГПУ[325]

19 февраля 1934 г. была определена "линейная организация строительства". Она предусматривала выполнение работ дорожно-строительными участками, входящими в структуру УДС. Каждый участок должен был производить полное строительство дороги, а также возводить жилые помещения, искусственные сооружения и т. п. Участки подразделялись на более мелкие производственные подразделения — дистанции и командировки[326].

На дорожное строительство направлялись специально освобождаемые от работы на других участках инженерно-технические кадры. С 1 января 1934 г. в распоряжение УДС был откомандирован весь техперсонал Нагаево-Магаданского дорожного узла[327] Необходимостью резкой интенсификации строительства Колымской трассы была обусловлена и передача в исключительное пользование УДС всей сети телефонной связи треста на всем ее протяжении[328], а также введение с 16 марта 10-часового рабочего дня на всех открытых работах[329].

16 апреля 1934 г. в "Колымской правде" был опубликован приказ руководства Дальстроя, определяющий плановые задания на новый строительный сезон. К 31 июля предписывалось обеспечить бесперебойное грузовое движение от Элекчана до зимовья Стрелка (350-й км проектируемой автодороги), к 1 сентября — провести дорогу от Стрелки до Таежного (400-й км), а к 1 октября трасса должна была подойти к Колыме в районе устья ее притока Дебин (465-й км)[330].

Однако, несмотря на все предпринятые меры, план дорожного строительства в 1934 г. не был выполнен. Документы делопроизводства Дальстроя позволяют определить причины срыва выполнения поставленных перед УДС задач. Очевидно, этому воспрепятствовало отсутствие строительно-дорожной техники и чрезвычайно большой объем земляных работ, выполнявшихся вручную. Уже в конце июня 1934 г. Э. П. Берзин констатировал, что "начавшийся летний сезон отмечен: 1) невыполнением УДС норм выработки земляных работ; 2) слабым чекистским обслуживанием УДС; 3) ненадежностью всей лагерной работы на дороге"[331] Для исправления положения на начальника Управления Севвостлага Р. И. Васькова было возложено наблюдение за УДС, а с 29 августа 1934 г. он был назначен по совместительству временно испол-

---

325 ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 5, л. 253.
326 Там же. Д. 7, л. 128.
327 Там же. Д. 5, л. 362.
328 Там же. Д. 8, л. 97.
329 Там же. Д. 7, л. 206.
330 Колымская правда. — 1934. — 16 апр.
331 ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 8, л. 231.

няющим обязанности начальника Управления дорожного строительства[332].

По мнению руководства треста, излишне громоздкой оказалась действовавшая структура дорожных подразделений, в которой участки были признаны ненужным промежуточным звеном между управлением и дистанциями[333].

При этом заместитель директора Дальстроя З. А. Алмазов отмечал, что в течение 1934 г. отдельные начальники дистанций превышали установленные нормы расходования материалов и продуктов, не предоставляли отчетным работникам права контроля за расходованием выделяемых фондов[334]. Именно поэтому он специально обращал внимание на факты крупных хищений и растрат материальных ценностей УДС[335].

Отсыпка полотна дороги в 1934 г. закончилась с наступлением холодов в районе зимовья Оротукан (407-й км трассы). В соответствии с планом строительства государственного треста "Дальстрой" в 1935 г. предусматривалось довести полотно дороги до р. Колымы и обеспечить возможность проезда до некоторых уже действовавших и вновь открывавшихся приисковых районов. Так, дорожно-строительные работы по прокладке полотна трассы до прииска "Пятилетка" (424 км) должны были быть закончены к 1 июня, до Спорного (441 км) — 15 июня, до стана Утиный (464 км) — 15 июля, до р. Колымы (463 км) — 15 августа, до ключа Рыбного (497 км) — 15 августа, до Хатыннаха (531 км) — 20 сентября[336]. Кроме этого, предполагалось строительство паромной переправы через р. Колыму, поскольку дорожники в этом сезоне должны были перейти на ее левый берег. Одновременно дорожно-строительным подразделениям предписывалось закончить отсыпку земляного полотна и создание искусственных сооружений на участках основной магистрали: Магадан — Атка — к 10 июля, Атка — Стрелка — не позднее 15 июля. Общий срок окончания работ здесь устанавливался 1 августа[337].

В отчете о деятельности Дальстроя за 1935 г. отмечалось, что дорожникам удалось почти полностью выдержать все сроки строительства, установленные планом[338].

Одной из важнейших причин, обеспечивших успешное выполнение планов дорожного строительства в 1935 г., можно назвать прибытие в летнюю навигацию этого года на Колыму новых больших этапов заключенных, направленных в основном на строительство дороги. Если списочный состав работников Дальстроя в период с 1934 по 1935 г. увели-

---

[332] Там же. Д. 9, л. 72.
[333] Там же. Д. 11, л. 138.
[334] Там же. Л. 138.
[335] Там же. Л. 123.
[336] Там же. Д. 455, л. 28.
[337] Там же. Д. 12, л. 108.
[338] Там же. Д. 455, л. 28.

чился почти на 30%, то число занятых на горных работах в 1935 г. составило 22,2% от числа работающих, т. е. возросло по сравнению с 1934 г. лишь на 7%[339]. Вполне очевидно, что основная масса прибывших на Колыму в 1935 г. работников была направлена на прокладку трассы.

Другой причиной, способствовавшей выполнению плановых заданий по дорожному строительству, стало резкое увеличение дневных норм выработки на каждого рабочего. Если в 1933 г. были установлены нормы на укладке земли в полотно дороги 1,65 куб. м, а на раскорчевке леса и кустарника — 140 кв. м, то в 1935 г. они составили соответственно 3,06 куб. м и 178 кв. м[340]. Необходимость подобных мер диктовалась острой нехваткой дорожно-строительной техники. Так, предполагалось использование грейдеров для снятия 174 га растительного слоя, фактически же весь этот объем работ был выполнен вручную. Экскаваторы по плану земляных работ должны были переработать 189 тыс. куб. м породы, реально около 80% этих работ было произведено мускульным трудом рабочих. Такая же картина сложилась при укладке полотна дороги, когда техника использовалась лишь на строительстве 192,2 км из запланированных 385[341].

А. С. Навасардов справедливо отмечает, что успеху дорожного строительства в 1935 г. способствовало и широкое развертывание ударничества, а с осени 1935 г. — стахановского движения среди заключенных Севвостлага[342]. Исповедовавшее утопические идеи "перековки" заключенных трудом руководство Дальстроя посредством целой сети партийно-политических и культурно-воспитательных подразделений стимулировало рост стахановского движения и ударничества. Как и во всей стране, подобная политика администрации под идеологическим прикрытием ("новый, социалистический характер труда") преследовала цель интенсификации производственной деятельности работников в условиях отсутствия необходимой технической и технологической базы.

Отметим, что строительство трассы в 1935 г. не обошлось без применения экстраординарных мер со стороны администрации треста. 11 апреля 1935 г. в приказе по Дальстрою отмечалось: "...инженерно-технический состав Дорожного строительства в большинстве своем в Дальстрое отработал положенные договором сроки и с открытием навигации имеет право выехать по месту постоянного жительства" Это грозило серьезными последствиями для инженерного и технического обеспечения дорожных работ. Поэтому упомянутый приказ предписывал начальнику УДС задержать всех работников дороги до окончания строительного сезона (15 октября)[343].

---

339 ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 6, л. 55.

340 Эпштейн Л. Итоги пяти лет // Колыма. — 1936. — № 4. — С. 36.

341 ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 455, л. 28 об.

342 Навасардов А. С. Из истории строительства Колымской трассы (1928—1940 гг.) // Краевед. зап. — 1991. — Вып. 17. — С. 21.

343 ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 12, л. 12.

Предпринятый комплекс мер позволил в 1935 г. выполнить плановые задания по дорожному строительству в Охотско-Колымском районе. С 1 ноября на основании акта специально созданной комиссии дорога от Магадана до Атки протяженностью 208 км была передана в полную эксплуатацию Управлению автотранспорта Дальстроя[344]. В этот же день Э. П. Берзин отметил в приказе № 380: "Дорожное строительство продвинулось за Колыму, уже дан проезд автомобилей до Хатыннаха"[345]

Документы треста за 1935 г. позволяют конкретизировать сведения, приводимые Р. Конквестом в книге "Большой террор". Ученый пишет, что после убийства С. М. Кирова (декабрь 1934 г.) взятые под стражу руководители ленинградского Управления НКВД И. В. Запорожец и Ф. Д. Медведь оказались на Колыме[346]. И действительно, 29 апреля заместителем начальника УДС Дальстроя был назначен И. В. Запорожец[347] Несколько месяцев спустя (13 ноября) он возглавил это важное направление освоения Северо-Востока, заняв пост начальника Управления дорожного строительства[348].

В 1932—1935 гг. трест "Дальстрой" создавал единую систему транспортных коммуникаций, отдавая приоритет автодорожному строительству. За это время была построена магистральная трасса Магадан — Дебин (до 465-го км), при этом ее отрезок Магадан — Атка (до 200-го км) был сдан в полную эксплуатацию; две дороги облегченного типа: Спорный — приисковый район на р. Утинка (от 442-го до 463-го км) и Спорный — приисковый район Хатыннах (от 442-го до 575-го км). С наступлением зимы в 1935 г. дорога Спорный — Хатыннах была переоборудована под зимник. За этот период на развитие транспорта было затрачено 50,1% всей суммы капиталовложений, из которых на первом месте стояло автодорожное хозяйство[349]. Это ярко видно из приводимых начальником планово-финансового отдела треста данных о направлении ассигнований в различные отрасли хозяйства Дальстроя. Так, в 1932 г. на автодорожное хозяйство было направлено 30,8%, а на золотодобычу 20,3% ассигнований; в 1934 г. — соответственно 32,7 и 21,2%; в 1935 г. — 36,6 и 23%. С 1936 г. доля капиталовложений в добычу золота увеличилась, составив 31,4%, тогда как ассигнования в дорожное строительство сократились до 23,4%[350].

---

[344] Там же. Д. 13, л. 134.
[345] Там же. Д. 14, л. 120.
[346] См.: Конквест Р. Большой террор. С. 92.
[347] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 12, л. 42.
[348] Там же. Д. 14, л. 174. Подробнее см.: Козлов А. Г. Последняя стройка Ивана Запорожца // Колыма. — 1992. — № 2. — С. 35—39. Работа на Колыме Ф. Медведя освещается этим же автором: Козлов А. Г. Без преувеличений и вымысла // Там же. — 1991. — № 3. — С. 34—37.
[349] Эпштейн Л. Итоги пяти лет // Там же. — 1936. — № 4. — С. 30.
[350] Там же.

Вполне очевидно, что увеличение удельного веса капиталовложений в добычу металла связано с тем, что, подойдя в 1935 г. к р. Колыме, дорожно-строительные структуры Дальстроя решили проблему снабжения золотодобывающих предприятий; стало возможным наращивание объемов золотодобычи[351].

В 1936—1937 гг. строительство автодороги было перенесено на левый берег р. Колымы, что, как справедливо отмечает А. С. Навасардов, создало определенные трудности, вызванные отдаленностью от баз снабжения, сезонностью переправы и строительством моста через р. Колыму[352].

Дальнейшее дорожное строительство и развитие золотодобычи на левом берегу р. Колымы становилось возможным лишь при условии строительства моста, который мог бы обеспечивать круглогодичное движение автотранспорта. С августа 1935 г. связь между берегами Колымы обеспечивалась паромной переправой, действовавшей только в короткий летний сезон. Для ее строительства УДС было специально выделено 500 рабочих, 40 вагонеток углового железа, 150 лошадей[353].

В период с 1932 по 1935 г. серьезные опытно-экспериментальные работы проводились специально созданной при УДС научно-исследовательской группой инженеров. Были изучены закономерности просадок земельного полотна дороги, принципы промораживания котлованов для мостовых опор и т. д. Разработанные инженерами рекомендации активно использовались при проведении строительных работ и особенно при создании значительных мостовых сооружений.

10 января 1936 г. в составе УДС Дальстроя был организован специализированный строительный участок для создания мостового перехода через р. Колыму[354], руководство которого активно использовало результаты исследовательской работы инженеров треста. В 1937 г. было зако-

---

[351] 22 марта 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение за перевыполнение производственной программы 1934 г. и успехи в освоении новых районов наградить ряд работников Дальстроя. Орденом Ленина были награждены Э. П. Берзин, З. А. Алмазов, А. Н. Пемов. Трое работников треста, в том числе начальник планово-финансового сектора Л. М. Эпштейн, были награждены орденом Красной Звезды. Восемь дальстроевцев стали кавалерами ордена Трудового Красного Знамени, двадцать три были награждены Почетными грамотами ЦИК Союза СССР. С девяти работников треста были сняты судимости, и они были восстановлены в гражданских правах, пятеро заключенных УСВИТЛа были досрочно освобождены. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 961, л. 40—42. Следуя за решением Политбюро ЦК ВКП(б), ЦИК СССР принял соответствующее постановление, которое было опубликовано в газете "Правда" 23 марта.

[352] Навасардов А. С. Из истории строительства Колымской трассы (1928—1940 гг.) // Краевед. зап. — 1991. — Вып. 17. — С. 22.

[353] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 13, л. 2.

[354] Там же. Д. 17, л. 27.

нчено строительство большого арочного моста через р. Колыму с дощатыми арками-пролетами по 52 м, а в 1939 г. — моста через р. Берелех с фермами Лангера с пролетами по 44 м. По конструкции и размерам эти мосты являлись выдающимися мостовыми сооружениями не только для Колымы, но и для СССР[355].

5 мая 1937 г. было открыто движение автотранспорта по мосту через р. Колыму. Инженер-дорожник К. И. Станкевич писал в газете "Советская Колыма": "Строительство Колымского моста длилось 11 месяцев. Однако началом стройки можно считать и укладку первого кубометра бетона. Тогда это сложное сооружение воздвигнуто всего за 8 месяцев"[356]

Отметим, что в строительно-дорожный сезон, когда было начато строительство Колымского моста, в распоряжение дорожников, основную массу которых составляли заключенные, поступила строительная техника. Однако использование ее, насколько об этом позволяет судить отчет о деятельности Дальстроя за 1936 г., было невелико. Так, экскаваторы использовались только в течение 4 месяцев, с июня по октябрь. Использование грейдеров также было незначительным. Из двух имевшихся компрессоров работал только один, так как другой из-за отсутствия запчастей находился в консервации. Камнедробилки и бетономешалки в течение всего 1936 г. не нашли применения[357]

Данные, характеризующие динамику роста численности рабочей силы на Колыме в 1935—1937 гг., а также направления ее производственного использования, наглядно демонстрируют условия интенсивного дорожного строительства. Общее количество работников Дальстроя за указанный период выросло на 45,2% (с 50 301 чел. в 1935 г. до 92 258 чел. в 1937 г.). Прирост общей численности работавших в регионе в эти годы был относительно стабильным и составлял ежегодно 20—30%. Основная часть дальстроевцев (74—77%) продолжала работать над созданием транспортной, производственной и социальной инфраструктуры. Тем не менее весьма показательно, что в 1935—1937 гг. прирост численности занятых в горной промышленности впервые превзошел прирост общей численности работников треста, составив 53,2%.

Если с 1935 по 1936 г. общее количество дальстроевцев выросло на 31,2%, то численность занятых в горной отрасли за этот же период увеличилась на 41%. Мы вправе сделать вывод, что приоритет деятельности Дальстроя теперь отдавался горной промышленности, что стало возможным вследствие создания сети автодорог к концу 1935 г. Прирост общей численности трудоспособного контингента треста между 1936—

---

[355] Николов Т. С., Дементьев В. А. Автомобильные дороги Колымы и Чукотки // Колыма. — 1978. — № 7—8. — С. 90.

[356] Советская Колыма. — 1937. — 8 июня.

[357] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 476, л. 82—83.

1937 гг. оказался равным росту количества занятых на горных работах (20,6%)[358]. Это может означать, что в данный период все прибывающие на Колыму работники направлялись на основное производство — золотодобычу. Следовательно, перенесение приоритетов в горную отрасль на Северо-Востоке стало в 1937 г. уже окончательно оформившимся процессом, в основе которого лежало форсированное дорожное строительство на Колыме в 1932—1937 гг. (табл. 4).

Таблица 4

Дорожное строительство на Колыме в 1932 — 1937 гг., км[359]

Годы	Классные дороги		Дороги облегченного типа			Итого
	Закончено строительство	Близко к окончанию	Близко к окончанию	Закончено строительство	Не закончено строительство	
1932	—	—	—	—	30	30
1933	—	87	—	—	79	166
1934	91	190	—	—	36	317
1935	134	164	—	—	11	309
1936	194	128	—	—	177	499
1937	106	25	—	—	116	247

Форсирование дорожно-строительных и горнодобывающих работ на Северо-Востоке СССР в анализируемый период находилось в тесной связи с созданием входной базы освоения — строительством порта и города в бухте Нагаева.

Уже в 1932 г. стало очевидным, что порт в бухте Нагаева должен был перерабатывать огромное количество грузов, потребляемых Дальстроем. Тем не менее в течение 1932 г. разгрузка пароходов производилась на рейде бухты, где грузы перегружали в маломерные морские суда — кунгасы, а затем доставляли к берегу. Зимой суда разгружали прямо на лед, а грузы перевозили на берег гужевым или автомобильным транспортом. Подобная схема перевалки грузов не удовлетворяла растущих потребностей Дальстроя в необходимых ресурсах. Поэтому 9 января 1933 г. распоряжением дирекции треста организуется строительная контора "Строительство порта бухты Нагаева"[360], руководителем которой стал заключенный инженер П. П. Будзко.

Задачи строителей подразделялись на два основных этапа: создание единой причальной линии, которая соответствовала бы требованиям, предъявляемым к разгрузке крупнотоннажных морских судов, и оборудование специальной территории, необходимой для складирования

---

[358] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 6, л. 55.

[359] Там же. Л. 39.

[360] Историческая хроника Магаданской области... С. 88.

прибывающих грузов. Последний комплекс работ предусматривал широкомасштабную отсыпку горной массы.

Проект, разработанный главным инженером УДС В. Д. Мордухай-Болтовским, предусматривал строительство деревянно-каменных ряжей размером 24×12×14 м для сооружения причальной линии. При этом скальные породы, взрываемые для очистки территории будущих складов, предполагалось использовать для заполнения ряжей из лиственницы. Ряжи должны были соединяться с берегом специально насыпанной дамбой[361].

В 1933 г. на сооружении порта было отсыпано 93 тыс. куб. м породы, в 1934 г. объем этих работ составил 82 тыс. куб. м. В течение этого времени было подготовлено 9500 бревен для строительства порта[362]. В 1934—1935 гг. построены и сданы в эксплуатацию второй, третий и четвертый ряжи.

Основную массу строителей порта в бухте Нагаева и будущего города Магадана составляли заключенные. Документы делопроизводства треста свидетельствуют, что только в течение 1933 г. в Нагаево-Магаданский строительный район внутренними перебросками рабочей силы Дальстроя поступило 442 человека вольнонаемных и 7117 человек "организованной рабсилы". В течение этого же времени отсюда в другие подразделения треста убыло 615 человек вольнонаемного состава работников треста и 6637 заключенных[363].

Уже 6 декабря 1933 г. к первому построенному ряжу пришвартовался пароход "Уэлен", что знаменовало собой начало регулярной работы морского порта в бухте Нагаева[364].

Постановление СНК СССР № 1160-203 сс от 29 июня 1936 г. "По Дальстрою" предписывало: "Считать Нагаево (Охотское море) торговым портом 3-го разряда, возложить административное управление указанным портом на Дирекцию гостреста "Дальстрой". Обязать НКВод СССР включить порт Нагаево в списки портов СССР"[365].

Процитированный документ явился признанием исключительной роли Нагаевского порта в колонизации Северо-Востока СССР, его важного значения в обеспечении интенсивного промышленного развития этого огромного региона (табл. 5).

---

[361] См.: Волков Г., Смолина Т. Магадан: самое трудное десятилетие. 1929—1939 // На Севере Дальнем. — 1989. — № 1. — С. 210.

[362] Навасардов А. С. Из истории развития транспорта на Колыме... // Краевед. зап. — 1988. — Вып. 15. — С. 64.

[363] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 3771, л. 106.

[364] Волков Г., Смолина Т. Магадан: самое трудное десятилетие... // На Севере Дальнем. — 1989. — № 1. — С. 210.

[365] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 1, л. 131.

Таблица 5

Работа порта Нагаево в 1932—1937 гг., тыс. т[366]

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Завоз грузов из центральных районов	47	81,4	84,2	130,9	198,4	254
Местный каботаж	—	8,2	12,7	24,7	33,4	58,9

Приведенные данные ярко отражают именно пионерный характер деятельности Дальстроя в 1932—1937 гг., когда, концентрируя усилия своих подразделений на наиболее приоритетных направлениях колонизации (дорожное строительство и развитие золотодобычи), трест уделял мало внимания развитию местных отраслей промышленности, обслуживающих основное производство. Именно эта особенность иллюстрируется сведениями о преобладании завоза грузов из центральных районов страны над местными каботажными грузопотоками. Обращает на себя внимание и тот факт, что разрыв между видами морских перевозок постепенно сокращается: если в 1933 г. из центра страны было доставлено почти в десять раз больше грузов, чем местными морскими линиями, то в 1937 г. эта разница составила чуть более четырех раз. Увеличение доли местных морских перевозок в общем объеме переработки грузов портом Нагаева может быть объяснено постепенным развитием возможностей Дальстроя в самообеспечении необходимыми материалами и т. п.

Строительство морского порта, развитие грузоперевозок треста привели к необходимости формирования собственной морской системы транспортной связи Дальстроя. В 1934 г. началось сооружение судоремонтного завода в бухте Нагаева, который в 1936 г. стал выпускать морские моторные катера и сухогрузные баржи[367]. В 1935 г. Дальстрой приобрел в Голландии три крупных океанских парохода — "Ягода", "Джурма", "Кулу" По водоизмещению и техоснащенности эти суда могли считаться наиболее крупными и быстроходными в гражданском флоте Тихоокеанского бассейна[368].

Одновременно с портом создавался и будущий город Магадан — административный центр Дальстроя и опорный пункт его деятельности.

Постановление ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г. прямо указывало на необходимость создания в приисковом районе "промышленного культурного" города. При этом администрации Дальстроя предписывалось весьма серьезно подойти к вопросу его планировки, с тем чтобы уже в 1931—1932 гг. приступить к постройке домов, бань, школ, столовых и т. д.

---

[366] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 30 а.

[367] Навасардов А. С. Из истории развития транспорта на Колыме... // Краевед. зап. — 1988. — Вып. 15. — С. 65.

[368] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 455, л. 38.

Выбор места для строительства города предстояло определить директору треста Э. П. Берзину[369].

Основным строительным материалом были дерево, глина и (с 1934 г.) кирпич. Возводились в основном двухэтажные дома, и к 1935 г. в Магадане имелось 167 домов общей жилой площадью 17 092 кв. м[370]. "Колымская правда" писала 7 ноября 1934 г.: "1933 год — год развернутой ударной борьбы на всех участках строительства. За этот ударный год определилось настоящее лицо Дальстроя — поселок Магадан. Выстроены: гаражи автотранспортных машин, мастерские, кирпичный завод, лесопильный завод с тринадцатикилометровой узкоколейной дорогой для подвозки лесоматериалов. Вступила в эксплуатацию гордость колымского строительства — капитальная электростанция с тремя мощными электроагрегатами. Выстроены два клуба, два кино, звуковое кино, три магазина, пекарни, бани, прачечные, столовые и т. д. Разбиты теннисные и волейбольные площадки"[371].

Однако тяжелые климатические условия Нагаево-Магаданского района — частые туманы и холодные сырые бризы — побудили руководителей Дальстроя в 1935—1936 гг. рассмотреть возможность размещения административного центра в других районах Колымы с более благоприятным климатом.

В качестве возможных вариантов рассматривали район впадения в Колыму р. Таскан с расположенным напротив устья Таскана островом и широкую ровную площадку в долине р. Уптар, где возник небольшой поселок, расположенный на 47-м километре трассы[372].

21 сентября 1936 г. Э. П. Берзин подписал приказ, в котором "в соответствии с результатом изысканий и на основании личного осмотра" предписал начать строительство административного центра нового горнопромышленного района СССР на острове вблизи устья р. Таскан и на прилегающей к нему части левого берега р. Колымы. На материковой территории директор Дальстроя приказал расположить промышленные здания, а на острове — остальные сооружения и здания административного центра. Железнодорожный узел предполагалось разместить в прибрежной зоне на левом берегу р. Таскан[373].

---

[369] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 11, л. 61.

[370] Волков Г., Смолина Т. Магадан: самое трудное десятилетие... // На Севере Дальнем. — 1989. — № 1. — С. 215.

[371] Колымская правда. — 1934. — 7 нояб.

[372] Лукин И. И. К истории создания города Магадана // История и культура народов Севера Дальнего Востока. С. 143.

[373] Цит. по: Лукин И. И., Фаерштейн Р. И. Покорители вечной мерзлоты. Из истории строительства на Северо-Востоке // Колыма. — 1981. — № 6—7. — С. 20. Строительство не состоялось не только из-за волевого характера "градостроительного решения", но и вследствие сильнейшего паводка в августе 1939 г. См.: Лукин И. И. Первостроители. — Магадан: Кн. изд-во, 1986. — С. 44.

Однако строительство на Таскане, как и в долине р. Уптар, не было закончено. Дело в том, что к 1936 г. объем капитальных вложений только по Магадану составлял более 600 млн руб. Поэтому, несмотря на лучшие климатические и грунтовые условия района 47-го километра, руководство Дальстроя в начале 1937 г. отказалось от мысли передислоцировать Магадан[374].

Развитие автодорожной сети в Верхнеколымском районе, опиравшейся на Нагаевский морской порт, сопровождалось увеличением числа транспортных средств и расширением объемов автомобильных перевозок по сравнению с другими видами транспортных операций.

14 ноября 1931 г. Совет Труда и Обороны СССР постановил немедленно выделить Дальстрою из резерва правительства 25 грузовиков, в декабре того же года на Колыму должно было отправиться еще 75 грузовых автомобилей. Одновременно указывалось, что в ноябре тресту необходимо направить 10 тракторов типа "Коммунар", а в декабре — еще 20 "Коммунаров"[375]. По всей видимости, путь этой техники на Северо-Восток оказался достаточно долгим, ибо в начале 1932 г. автотракторный парк в колымском районе состоял из 10 полуторатонных грузовых автомобилей, четырех 60-сильных тракторов и шести 30-сильных "катерпиллеров", доставленных в бухту Нагаева в декабре 1931 г.[376]

Формирование парка транспортных средств Дальстроя постоянно находилось в поле зрения высших руководящих органов СССР. Так, в марте 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) распорядилось выделить колымскому тресту 180 автомобилей грузоподъемностью 2,5 т и 75 полуторатонных грузовиков[377]. В июле 1933 г. Политбюро вновь предписало выделить ОГПУ для Колымы 30 гусеничных тракторов Челябинского тракторного завода[378].

Подобная практика привела к тому, что к середине 1936 г. здесь действовало 717 автомобилей, 293 трактора и тягача. В Дальстрое широко использовался и гужевой транспорт, незаменимый в работе геологических партий и в снабжении вновь открывавшихся приисков. В распоряжении треста в этот период имелось 5300 лошадей, более 500 волов, 4500 ездовых оленей, 900 ездовых собак[379].

Постепенное развитие системы транспортных связей в регионе, и прежде всего строительство магистральной Колымской трассы и ее мест-

---

[374] Лукин И. И. К истории создания города Магадана // История и культура народов Севера Дальнего Востока. С. 144.

[375] ГАРФ, ф. Р-5674, оп. 1, д. 47, л. 132.

[376] См.: Александров А. Грузы пошли на Север // Дальстрой. К 25-летию. С. 188.

[377] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 12, л. 8.

[378] Там же. Оп. 3, д. 926, л. 15.

[379] Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928—1937 годы) // Краевед. зап. — 1970. — Вып. 8. — С. 76.

ных ответвлений, приводило к увеличению объемов грузоперевозок в направлении районов золотодобычи, а также к изменению удельного веса различных видов транспорта при перевозке рабочей силы, инструментов, материалов и продовольствия (табл. 6).

Таблица 6

Объемы и виды грузовых перевозок, выполненных в районе Верхней Колымы в 1932—1936 гг. [380]

Виды перевозок	1932 г.		1933 г.		1934 г.		1935 г.		1936 г.	
	т	%	т	%	т	%	т	%	т	%
Автотранспорт	—	—	12000	90	15596	83,2	27646	97,5	60780	97
Гужевой транспорт	536	47	881	6,6	1860	10	1050	2,5	1818	3
В том числе оленями	190	16	358	2,7	952	5,1	1050	2,5	1818	3
Сплавом	607	53	479	3,4	1259	6,8	—	—	—	—
Всего	1143	100	13360	100	18715	100	28696	100	62598	100

Таким образом, становится очевидной возрастающая роль автомобильного транспорта в снабжении золотодобывающих районов, что объясняется исключительно напряженным ритмом дорожного строительства в Охотско-Колымском районе. За период 1932—1933 гг. автотранспортные перевозки увеличились от нулевого показателя до 90% всех грузоперевозок и продолжали сохранять исключительное значение в последующие годы. Некоторое их снижение в 1934 г., на наш взгляд, может быть объяснено тем, что Дальстрой тогда активно занимался строительством межприисковых дорог, и поэтому несколько увеличивается объем массы грузов, перевезенных гужевым транспортом и путем сплава. Тем не менее начиная с 1935 г. перевозки сплавом прекращаются, а роль гужевого транспорта становится малозаметной. Этому способствовали успехи дорожного строительства, достигнутые в 1935 г., поскольку именно создание автодорожной сети в верховьях Колымы позволило широко использовать возможности автотранспорта.

В районы дорожного строительства и золотодобычи грузы поступали в основном через порт в бухте Нагаева. Заметим, однако, что в снабжении Дальстроя свою роль играл и северный вариант доставки грузов. Так, в 1935 г. колымским речным транспортом из устья Колымы в районы промышленного и транспортного строительства было доставлено 3000 т различных грузов, что значительно превышает показатели 1934 г. (895 т)[381].

Интенсивное дорожное строительство и расширение масштабов грузовых перевозок к приискам было вызвано расширением объемов геоло-

---

[380] Родин Е. Д. Роль транспорта в промышленном освоении Колымы // Колыма. — 1959. — № 2. — С. 39.

[381] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 14, л. 120.

горазведочных работ. Их форсирование становилось возможным по мере продвижения полотна дороги в направлении золотоносных районов.

К 1935 г. в Охотско-Колымском районе провели работы свыше 75 геологических партий, которые засняли около 100 000 кв. км площади. Всего же, включая среднее и нижнее течение Колымы, Верхнюю Индигирку, Омолоно-Гижигинский и другие районы, было заснято 530 000 кв. км. Была составлена первая геологическая карта края, геологи получили возможность установить важнейшие закономерности развития полезных ископаемых[382].

Среди крупнейших геологоразведочных экспедиций этого периода прежде всего надо назвать Верхне-Колымскую экспедицию 1933—1935 гг. во главе с В. А. Цареградским; Ороекскую экспедицию 1935 г. под руководством С. Д. Раковского; Омолонскую экспедицию С. В. Новикова и, наконец, Индигирскую экспедицию Дальстроя, начавшую свою работу в 1937 г. под руководством В. А. Цареградского.

Деятельность геологоразведочных партий, работавших в составе этих экспедиций, позволила выявить наличие промышленных месторождений золота в северо-западном направлении от верховьев Колымы в соответствии с прогнозами Ю. А. Билибина. Кроме этого, Омолонская экспедиция С. В. Новикова установила золотоносность среднего и нижнего течения Колымы, что позволило распространить полосу золотоносности, наличие которой предположил Билибин в 1929—1931 гг., на северо-восток от первоначального района деятельности Дальстроя.

В течение 1933—1937 гг. на геологоразведку территории, подлежащей освоению, было затрачено 21 млн 585 тыс. руб.[383] Однако деятельность геологических подразделений треста осложнялась некоторыми обстоятельствами, вызвавшими, в частности, конфликт Ю. А. Билибина с руководством Дальстроя.

В 1932 и 1933 г. плановые задания по добыче золота Дальстрой не выполнил[384]. Как утверждал Ю. А. Билибин, это было вызвано прежде всего отсутствием четкой организации геологоразведки, которую руководство треста ориентировало на работы исключительно в приисковом районе с центром в Среднекане. Он "настаивал, чтобы наряду с этим было организовано несколько отдаленных разведочных баз, которые бы широким фронтом вели разведочные работы на дальних участках, где

---

[382] См.: Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928—1937 годы) // Краевед. зап. — 1970. — Вып. 8. — С. 74—75.

[383] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 7.

[384] См.: Николаев К. Б. Тяжелый металл, или Как родился, жил и умирал Дальстрой // На Севере Дальнем. — 1989. — № 2. — С. 58.

полевые партии обнаружили золото"[385] Это позволяло не только обеспечивать трест разведанными запасами металла для их дальнейшей промышленной разработки, но и создавать основу для нормального освоения территории Северо-Востока.

Противоречия между Э. П. Берзиным и Ю. А. Билибиным относительно методов ведения геологоразведки и эксплуатации месторождений золота привели к тому, что в 1933 г. первооткрыватель "золотой Колымы" покинул Дальстрой[386]. Ю. А. Билибин в 1934 г. отмечал, что большинство геологических работ, выполненных к тому времени в Колымском крае, отличались низким качеством — стремление к большому перевыполнению даже ударных норм, всегда поддерживаемое администрацией, привело к тому, "что уже в настоящее время возникает необходимость переобследования некоторых, лишь недавно обследованных районов"[387].

Актуальность указанных Ю. А. Билибиным проблем стала очевидной почти сразу после его отъезда с Колымы. Поэтому в 1935 г. руководство Дальстроя организовало Омолонскую и Ороекскую экспедиции, а впоследствии и Индигирскую, которые занялись именно дальней геологоразведкой. С этой же целью в 1937 г. была создана База дальних разведок в тайге на месте нынешнего пос. Берелех[388]. Проведение работ этими подразделениями поддерживалось активными капиталовложениями. Ассигнования, выделяемые Дальстроем на геологоразведку, в 1932—1935 гг. увеличились в 5,5 раза[389].

Начиная с 1936 г. при проведении топографической съемки геологоразведочная служба Дальстроя стала использовать возможности авиаотряда треста, что свидетельствует о серьезном внимании к этому направлению работ. Только в 1936 г. один летный экипаж Д. Н. Тарасова

---

[385] Вронский Б. И. На Золотой Колыме... С. 106.

[386] По всей видимости, подобные противоречия по вопросам развития золотодобычи на Колыме были одной из причин того, что советское руководство регулярно направляло в район Дальстроя различные комиссии. Так, например, 5 июля 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло предложение ОГПУ о посылке на Колыму специальной комиссии в составе Д. Я. Одинцова (председатель), профессоров И. Ф. Григорьева и Н. И. Трушкова и инженера В. Н. Зверева для определения характера месторождений золота, способов их разработки, выбора типа предприятий и оборудования и определения необходимых затрат на строительство. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 948, л. 23.

[387] Билибин Ю. А. О перспективах золотоносности Колымского района. Т. 3. С. 212.

[388] Раковский С. Д. Богатства недр — на службу Родине // Дальстрой. К 25-летию. С. 24.

[389] Малагин А. П. Магаданский экономический район. — Магадан: Кн. изд-во, 1957. — С. 46.

провел аэросъемку 300 тыс. кв. км территории. Работа одного этого экипажа заменила труд пятидесяти топографических партий[390]

Вполне естественно, что интенсификация дорожного строительства и форсирование геологоразведочных работ отразились на основном направлении деятельности Дальстроя — постепенном развертывании золотодобычи в Верхнеколымском районе.

16 марта 1932 г. в составе гостреста "Дальстрой" был создан технический сектор, в задачи которого входило руководство горными предприятиями, доставшимися Дальстрою от Главного приискового управления Союззолота. Начальником этого подразделения был назначен Н. Ф. Улыбин, помощником по эксплуатации главного производства — инженер М. А. Эйдлин, помощником по геологоразведке — Ю. А. Билибин[391]. 5 декабря 1932 г. на основе технического сектора организуется Управление по добыче полезных ископаемых (УДПИ), в состав которого вошли три групповых приисковых управления — Среднеканское, Оротуканское и Утинское. Административный центр УДПИ располагался на Среднекане[392]. В дальнейшем была проведена еще одна реорганизация: 25 марта 1934 г. УДПИ было переименовано в Горное управление Дальстроя с расположением в пос. Оротукан[393]. Такие изменения вызывались прежде всего усложнением структуры развивавшейся горной промышленности — введением в состав действующих новых приисковых подразделений треста (табл. 7).

Таблица 7

Количество золотых приисков Дальстроя в 1932—1937 гг.[394]

Прииски	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Всего	10	12	11	13	16	17
Из них вновь открытые	6	2	3	4	5	2

Если прирост числа приисков происходил относительно равномерно, то рост количества добываемого металла определялся возможностями снабжения золотодобывающих предприятий необходимыми материалами и продовольствием, что зависело от прокладки полотна трассы к ним. Другой причиной, влиявшей на расширение объемов добываемого металла, являлось введение в эксплуатацию новых россыпей с богатым промышленным содержанием (табл. 8).

[390] Алтунин Е. В. Первый автограф в Колымском небе // Время. События. Люди... С. 326.

[391] Хроника золотодобывающей промышленности Магаданской области // Колыма. — 1991. — № 2. — С. 2.

[392] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 2, л. 171.

[393] Там же. Д. 8, л. 242.

[394] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 15.

Таблица 8

Динамика золотодобычи на приисках Дальстроя в 1932—1937 гг., кг[395]

Добыча	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Шлиховое золото	580	899	6489	16 133	36 583	56 051
Химически чистое золото	511	791	5515	14 458	33 360	51 515

Таким образом, за 1932—1937 гг. предприятия Дальстроя добыли в общей сложности 106 150 кг химически чистого золота. При этом, как видно, резкий скачок в добыче металла произошел в 1934 и 1935 г., когда ежегодно количество добываемого золота увеличивалось более чем в два раза. Несомненно, что причиной этого послужило подведение дорожного полотна к уже действующим приискам, а также начало промышленной эксплуатации новых золотоносных площадей. Так, в отчете о деятельности треста за 1935 г. сообщалось, что в этом году был введен в эксплуатацию новый район на левом берегу р. Колымы, давший в течение этого года 48,2% всей продукции при перевыполнении плана на 70% и росте выпуска продукции по сравнению с 1934 г. на 162,2%[396].

Удвоение количества добытого золота в 1936 г. также связано с перераспределением капиталовложений с автодорожного хозяйства Дальстроя на организацию золотодобычи, что стало возможным прежде всего по причине выполнения планов дорожного строительства в 1935 г.

Особого внимания заслуживает проблема себестоимости добываемого Дальстроем золота — основного показателя рентабельности его добычи. Себестоимость этого металла в значительной мере зависит от некоторых особенностей: климата районов, где добывается золото, сезонности работы ряда золотоизвлекающих агрегатов, сравнительной отдаленности участков добычи золота от магистральных путей сообщения[397].

Себестоимость колымского золота в силу именно природных условий его промышленной добычи должна была быть высокой. Однако, судя по документам Дальстроя, коммерческая себестоимость одного грамма металла, добытого в течение 1932—1937 гг., выражалась суммой 4 руб. 56,8 коп.[398] Это имело важное государственное значение, ибо себестоимость добываемого на Северо-Востоке золота была ниже мировой цены на этот металл[399]

---

[395] Там же. Д. 5, л. 14.

[396] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 455, л. 1.

[397] См., например: Соболевский Т. Ф. О некоторых особенностях образования себестоимости золота // Колыма. — 1959. — № 1. — С. 37.

[398] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 4.

[399] Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России... С. 80.

Одна из причин снижения себестоимости добываемого на Колыме металла состояла в том, что в целях форсирования максимальной добычи золота Дальстрой отрабатывал в первую очередь наиболее богатые месторождения, прежде всего россыпные, требующие сравнительно небольших капитальных затрат, значительно меньшего числа механизмов и электроэнергии по сравнению с рудными месторождениями[400] Другим важным фактором снижения себестоимости колымского золота являлось использование труда заключенных, материальные затраты на которых были значительно меньше, чем на работников, набранных в обычном порядке.

При этом следует заметить, что вовлечение значительного количества "спецконтингентов" в золотодобычу произошло лишь в 1934 г. Как отмечается в отчетных документах Дальстроя за 1932 г., все золотодобывающие работы этого года производились мускульным трудом вольных старателей[401]. Подобное положение сохранялось и в 1933 г.: "Опытная золотодобыча... могла производиться только мускульным трудом вольных старателей и лишь в ничтожных размерах хозяйственными работами с использованием труда организованных рабочих из заключенных"[402].

Именно 1934 г. стал периодом, когда впервые произошло резкое увеличение количества извлекаемого золота (см. табл. 8). Если учесть, что в 1934 г. на приисках Дальстроя не было механизированных производственных операций и все работы выполнялись вручную, то решающим фактором столь значительного роста золотодобычи могло быть только привлечение на горные работы дополнительных рабочих рук.

Наше предположение подтверждается материалами отчетных документов треста. Общая численность работников Дальстроя в 1933—1934 гг. выросла на 4,5% (30 782 чел. в 1933 г. и 35 995 — в 1934 г.). Между тем количество занятых в горной отрасли в этот период увеличилось на 76,1% (абсолютные показатели здесь: в 1933 г. — 1 350 чел., в 1934 г. — 5 638 чел.). И если в 1933 г. на горных работах было занято лишь 4,4% всех работников треста, то в 1934 г. их доля в общем количестве дальстроевцев составила уже 15,6%[403]. О переломном характере 1934 г. в истории золотодобычи на Колыме свидетельствует и то, что в это время Дальстрой становится крупнейшим золотодобывающим предприятием в СССР, превзойдя показатели Алданского золотопромышленного района[404].

---

[400] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 13.

[401] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 401, л. 37

[402] Там же. Д. 402, л. 76.

[403] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 6, л. 55.

[404] Дальний Восток. Экономико-географическая характеристика. — М.: Мысль, 1966. — С. 446.

Расширение добычи золота на Колыме в описываемый период происходило в условиях интенсификации его извлечения по всем золотопромышленным районам СССР. Документы Наркомата тяжелой промышленности свидетельствуют, что в 1933 г. по сравнению с 1932 г. добыча золота выросла на 42,4%[405]. В 1934 г. золотоплатиновая промышленность страны к 1 декабря досрочно выполнила годовой план. Прирост золотодобычи за этот год составил 143%[406]. В последнем цитируемом документе особо отмечалось: "1935 год ставит перед нами новые задачи: стране строящегося социализма нужно золото во все возрастающем количестве и при минимальной себестоимости, и мы должны его дать"[407].

"Золотая Колыма", обладавшая богатейшими россыпными месторождениями, соответствовала предъявляемым требованиям. Став главным поставщиком благородного металла в СССР, она постепенно вошла в число крупнейших золотодобывающих районов мира. В 1934 г., добыв 5 515 кг химически чистого золота, она обогнала все золотодобывающие страны Южной Америки, уступив лишь Колумбии и Чили, добывшим соответственно 10,7 и 7,4 т золота[408].

Геологоразведочные работы, выполненные к 1935 г., позволили существенно расширить знания о распространении и характеристиках месторождений благородного металла на Северо-Востоке. Перед трестом "Дальстрой" встали задачи расширения золотодобычи на новых золотоносных площадях, поэтому структура его горнодобывающей промышленности была вновь реорганизована.

Открытие и разведка к 1935 г. месторождения рудного золота на ключе Холодном (притоке р. Утинка) сделали актуальным вопрос о строительстве горнорудного комбината, что привело к образованию Управления горнопромышленного строительства (УГПС) 9 сентября 1935 г. В этот же день для организации хозяйства и производства, связанных с эксплуатацией россыпных месторождений, были образованы: 1) Южное горнопромышленное управление (ЮГПУ) в составе Оротуканского, Утинского и Среднеканского горнопромышленных районов с местопребыванием в пос. Оротукан (в состав ЮГПУ вошли прииски "Среднекан", "Борискин", "Пятилетка", "Терпеливый", "Таежный", "Разведчик", "Юбилейный", "Холодный"); 2) Северное горнопромышленное управление (СГПУ) в составе Хатыннахского, Ат-Уряхского и

---

[405] Директивное письмо трестам и предприятиям золотоплатиновой промышленности в развитие приказа наркома тяжелой промышленности тов. С. Орджоникидзе о подготовке к летним операциям и о перевыполнении программы по золотодобыче. — М.: Главзолото, 1934. — С. 5.

[406] Директивное письмо трестам и предприятиям золотоплатиновой промышленности на 1935 год. — М.: Главзолото, 1935. — С. 5.

[407] Там же. С. 7.

[408] Фирсов Л. В. Рассказы о золоте. С. 104.

Мылгинского горнопромышленных районов с местопребыванием в Хатыннахе (в состав СГПУ вошли прииски "Партизан", "Ат-Урях", им. 8 Марта, "Хатыннах", "Штурмовой")[409].

Создание горнопромышленных управлений в 1935 г. положило начало формированию производственно-территориальной структуры Дальстроя, просуществовавшей вплоть до его упразднения.

Предвестниками дальнейшего расширения производственной инфраструктуры треста стали активное дорожное строительство на левобережье р. Колымы и открытие в 1937 г. новых приисков западнее уже эксплуатировавшихся золотоносных площадей. Так, в августе 1937 г. был организован прииск "Мальдяк". Вслед за ним открываются прииски "Стахановец", "Линковый", "Топкий"

Высокие темпы прироста золотодобычи на Колыме нашли свое отражение в "Объяснительной записке к 3-летнему плану основного производства треста на 1937—1939 годы", составленной в 1936 г. и подписанной Э. П. Берзиным и начальником планово-финансового отдела Л. М. Эпштейном. В этом документе, в частности, отмечалось, что только за первые две декады августа 1936 г. Дальстрой добыл золота больше, чем трест "Якутзолото" (Алдан), являвшийся одним из наиболее крупных в СССР, добывал за год. Колыма вступила в ряд крупнейших мировых золотопромышленных районов. По количеству добытого золота она догнала в 1936 г. самый продуктивный золотоносный район США — Калифорнию, а по валовому приросту далеко обошла его. В Калифорнии в 1934 г. было добыто 23 т, в 1935 г. — 27,8 т; при этом ее дражная добыча составляла 29% всей добычи, в отличие от Колымы, где существовала лишь мускульная эксплуатация россыпей[410].

В основе расширения объемов добычи металла лежала эксплуатация труда заключенных "спецконтингентов" — основной массы работников золотодобывающей промышленности Северо-Востока СССР. Это утверждение основывается на данных о нормировании производственных сменных заданий на горных работах в течение 1933—1936 гг. Так, в 1933 г. сменная норма добычи горной породы вручную составила 0,86 куб. м, в 1935 г. она увеличилась до 2,1 куб. м, с начала промывочного сезона 1936 г. — 4,1 куб. м за смену[411]. Обобщающие сведения о горных работах, выполненных на золотодобывающих приисках треста в 1932—1937 гг., приведены в табл. 9.

---

[409] Хроника золотодобывающей промышленности Магаданской области // Колыма. — 1991. — № 3. — С. 2.

[410] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 535, л. 1.

[411] Эпштейн Л. Итоги пяти лет // Колыма. — 1936. — № 4. — С. 36.

Таблица 9

Горные работы на золотых приисках Дальстроя в 1932—1937 гг.,
тыс. куб. м[412]

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Вскрыто торфов всего	42	47	509	1641	3267	4689
В том числе экскаваторами	—	—	—	153	296	302
Перевалка торфов всего	—	—	—	—	264	541
В том числе экскаваторами	—	—	—	—	135	309
Добыча песков всего	19	24	386	663	1341	2113
В том числе подземными работами	—	—	—	17	30	42

Из данных табл. 9 следует, что при общем объеме вскрышных работ 10 195 тыс. куб. м в течение 1932—1937 гг. доля механизированных работ составила лишь 751 тыс. куб. м (или 7,3%). При этом с расширением масштабов золотодобычи начиная с 1935 г. происходит уменьшение доли механизации на вскрышных работах: в 1935 г. она составила 9,3%, в 1936 — 9%, в 1937 — 6,4%. Констатация этого факта особенно важна, если учесть, что сезон 1937 г. оказался самым напряженным в начальный период деятельности Дальстроя.

Производственный план треста на 1937 г. предусматривал удвоить добычу золота. Программа 1937 г. по физическому объему горных работ превосходила все показатели предыдущих лет. Объемы вскрышных работ в 1937 г. должны были составить по сравнению с 1936 г. 212,1%, промывки песков — 245,9%. Рост капиталовложений при этом планировался лишь на 60%, а увеличение количества рабочих — на 36%[413].

В преддверии выполнения столь напряженной производственной программы золотодобычи только на прииске "Штурмовой" было изготовлено свыше 5 тыс. деревянных тачек[414]. Этот прииск входил в состав Северного горнопромышленного управления, которое имело в 1936 г. всего один экскаватор марки "ДЕМАГ", работавший на прииске им. 8 Марта[415].

Сравнение плановых заданий Дальстроя по золотодобыче с фактическими результатами деятельности треста в 1937 г. позволяет нам утверждать, что поставленные задачи не были решены. Несмотря на значительный прирост количества добытого золота (по сравнению с

[412] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 16.

[413] Советская Колыма. — 1936. — 26 дек. Доклад Э. П. Берзина "О хозяйственных задачах Дальстроя в 1937 году и стахановском движении".

[414] Малагин А. П. Магаданский экономический район. С. 54.

[415] Муляр Л. М. Край вечной молодости // Колыма. — 1967. — № 11. — С. 50.

1936 г. прииски Дальстроя добыли химически чистого металла на 35,3% больше[416]), удвоения объемов извлечения золота не произошло. Оказались невыполненными и плановые задания по вскрыше торфов. Показатели 1937 г. значительно (на 30%) превысили итоги работы в 1936 г., но даже этот результат был гораздо ниже уровня, планируемого руководством треста[417] Одновременно общее количество рабочей силы на Колыме в 1937 г. возросло по отношению к 1936 г. на 20,8%[418], а не на 36%, как предполагалось.

На наш взгляд, столь завышенные плановые задания для Дальстроя были изначально невыполнимы, так как для их реализации требовался более высокий уровень механизации горных работ, развития производственной и социальной инфраструктуры. Кроме того, немаловажным стимулом в достижении высоких показателей служит заинтересованность работников в результатах труда, которой не могло быть у заключенных[419].

В то же время 1937 г. ознаменовался важным событием в производственной деятельности Дальстроя. В горной промышленности треста начинает развиваться новая отрасль — добыча олова из рудных месторождений. Именно в это время начали свою работу два оловянных прииска, добывших к концу года 40,7 т олова в концентрате[420]. Это были прииски "Таежник" и ставший печально знаменитым "Бутугычаг" Таким образом, описываемая нами суперорганизация существенно расширяла свой производственный ареал, постепенно преодолевая монометаллический характер горного производства и включая в перечень добываемых ресурсов новые виды минерального сырья.

Несмотря на то, что в период 1931—1938 гг. трест "Дальстрой" формально был особой хозяйственной структурой СТО СССР, он фактически являлся огромным лагерем, оформившимся островом "архипелага ГУЛАГ", занимавшимся промышленным строительством и извлечением минерального природного сырья с использованием принудительного труда завезенных на Колыму заключенных.

---

[416] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 14.

[417] Там же. Л. 16.

[418] Там же. Д. 6, л. 55.

[419] По всей видимости, здесь мы можем наблюдать весьма характерное для 30-х гг. явление гигантомании, наложившей свой отпечаток на весь период первых пятилеток. В условиях явно завышавшихся планов промышленного строительства в СССР, не соответствующих реальным экономическим возможностям страны, правительство прибегало к резкой интенсификации неквалифицированного ручного труда в массовых масштабах. Политико-идеологическим прикрытием такой экономической практики становилось искусственное разворачивание так называемого стахановского движения и ударничества.

[420] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 19.

В 1932 г. на всех предприятиях Дальстроя был установлен 8-часовой рабочий день, за исключением погрузочно-разгрузочных работ, работ на строительстве телеграфно-телефонной связи и в групповых управлениях на основном производстве, на которых в сезонный период был введен 10-часовой рабочий день. Работы проводились в одну смену[421] 15 мая 1933 г. директор треста Э. П. Берзин и начальник УСВИТЛа Р. И. Васьков издали совместный приказ, в котором указывалось, что руководители предприятий Дальстроя должны были производить нормирование труда на основании единых всесоюзных норм с соответствующими поправочными коэффициентами при строгом недопущении скидок на непрерывность и недостаточную квалификацию. В случае выполнения дневного производственного задания заключенные получали на руки 10% от своей выработки, если же подневольный рабочий перевыполнял задание, то его зарплата составляла 10% от установленной нормы и 90% от приработка[422].

В условиях форсированного характера золотодобычи Дальстрой проводил основную массу подготовительных работ зимой, до начала промывочного сезона. Важнейшей из них становилась вскрыша торфов, имевшая целью обнажение золотоносных песков и подготовку их к летней промывке. Поэтому руководство треста специально регламентировало режим и продолжительность рабочего дня в зимнее время. Так, зимой 1935—1936 гг. работы на открытом воздухе на строительстве, горных работах, лесозаготовках, погрузочно-разгрузочные и др. должны были производиться "при температуре до 20 градусов ниже нуля без перерыва на обогревание" При более низких температурах предусматривались перерывы. При температуре от 20 до 25 градусов ниже нуля — каждые два часа по 10—15 мин., при температуре от 26 до 30 градусов мороза — каждый час по 10—15 мин., при температуре ниже минус 31 градуса — каждый час по 15—25 мин. Работы вообще прекращались в районе Нагаево — Магадан и на дорожном строительстве до 204-го километра при температуре воздуха ниже 45 градусов мороза, а на дорожном строительстве от 204-го километра и на приисках при температуре ниже минус 55 градусов[423].

Этот щадящий характер режима работы может быть еще нагляднее продемонстрирован текстом приказа, подписанного Э. П. Берзиным 25 октября 1935 г., который предписывал ввиду сокращения продолжительности солнечного дня в течение зимнего периода установить для открытых работ (строительство, горные работы, лесозаготовки и т. д.) следующую продолжительность рабочего дня: ноябрь — 8 ч, декабрь — 7 ч,

[421] Там же. Ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 401, л. 63. Отчет о работе государственного треста "Дальстрой" за 1932 г.

[422] Там же. Д. 4, л. 233.

[423] Там же. Д. 14, л. 76—77.

с 1 по 15 января — 7 ч, с 16 января по 1 февраля — 8 ч. При этом установленные нормы выработки не изменялись, а нормы дневных заданий снижались пропорционально сокращению рабочего дня[424].

В период 1932—1937 гг. режим содержания и трудового использования "спецконтингентов" отличался относительной мягкостью, заключенные еще "перековывались", т. е. система социальных и хозяйственных отношений в регионе обеспечивалась утопическими представлениями об "исправительном", классовом характере труда. Именно идея "перековки", "исправления" преступника трудом лежала в основе широко организуемого администрацией треста и лагеря так называемого ударничества или стахановского движения среди заключенных. Кроме того, заключенные выполняли и ряд специфических лагерных обязанностей. Таких, например, как охрана лагерей. В уже цитировавшемся нами приказе об организации Севвостлага ОГПУ от 1 апреля 1932 г., регламентировавшем количество и условия формирования "спецконтингентов" УСВИТЛа, указывалось, что заключенные должны быть обеспечены соответствующим административно-хозяйственным персоналом лагеря и охраной из заключенных[425].

3 февраля 1936 г. уполномоченный НКВД СССР по Дальстрою Э. П. Берзин утвердил штаты военной охраны лагеря. При расчете поквартальной численности охраны оказывалось, что в первом квартале ее вольнонаемный состав должен был составлять 77,6% от всей численности военной охраны, во втором — 66,5%, в третьем и четвертом — по 56,7%. Здесь же специально оговаривалось, что "дальнейшее увеличение количества вольнонаемных стрелков охраны не допускается"[426]. Очевидно, оставшуюся часть военной охраны составляли заключенные.

Еще более интересен, на наш взгляд, приказ Э. П. Берзина от 27 апреля 1937 г., в котором говорилось: "Во исполнение директивы начальника УНКВД по ДВК — комиссара госбезопасности 1-го ранга тов. Дерибас об учете лучшей части заключенных из состава УСВИТЛ НКВД на случай формирования воинской части приказываю начальнику УСВИТЛ — капитану госбезопасности Филиппову приступить немедленно к предварительному учету лучшей части заключенных из состава УСВИТЛ НКВД в количестве 7000—8000 человек"[427] По всей видимости, процитированный приказ относится к числу документов, определявших мобилизационные планы советского правительства в условиях роста напряженности международных отношений вообще и на Дальнем Востоке в частности. Поэтому в случае возникновения военного конфликта, который мог бы затронуть территорию Северо-Востока,

---

[424] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 14, л. 101.
[425] Там же. Ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 1, л. 8.
[426] Там же. Д. 18, л. 6.
[427] Там же. Д. 25, л. 33.

именно заключенные (несомненно то, что речь идет преимущественно об уголовных преступниках) стали бы основной частью защитников этого региона Советского Союза.

Простое описание "перековки", на наш взгляд, позволит дать представление лишь о фасаде, о формальном содержании происходивших на Колыме событий. Следует признать, что за годы, предшествующие "большому террору", здесь были фактически созданы условия для крайнего произвола последующих лет. Известный писатель В. Т. Шаламов, долгое время находившийся за колючей проволокой колымских лагерей, так определял суть "перековки": "Речь шла о категориях питания, о той "шкале желудка", подгоняющей арестанта. Эти категории были открыты на Беломорканале, на "перековке" Слюнявый романтизм перековки имел реальное основание, жестокое и зловещее, в виде этой желудочной шкалы"[428].

Месячный норматив питания заключенного на Колыме в 1933 г. составлял: 24 кг хлеба, 2,7 кг крупы, 6,5 кг рыбы, 1,3 кг мяса, 300 г сахара, 200 г растительного масла, 800 г сухих овощей, 300 г фруктов, не менее одной банки мясных консервов[429]. Заметим, что речь в данном случае идет о средних нормах, так как в случае перевыполнения дневных производственных норм заключенный получал больший, "ударный паек", в случае невыполнения — меньший, "штрафной паек". Однако и этот "гуманный" норматив не выполнялся, о чем свидетельствует повсеместное распространение цинги среди заключенных и специальные меры, которые принимались администрацией для ее лечения. В отчете Дальстроя за 1932 г. отмечалось, что основным и самым опасным заболеванием была цинга. Она свирепствовала почти круглый год, а в весенний период все население Нагаево — Магадана на 80% было поражено цингой в той или другой степени[430]. Всего с июля по декабрь 1932 г. во Владивосток отправили 666 больных цингой и 105 — "по инвалидности"[431]. В первом квартале 1933 г. количество заболевших цингой составляло 7965 чел., во втором — 9856[432].

---

[428] Шаламов В. Т. Колымские рассказы. С. 380.

[429] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 402, л. 143.

[430] Там же. Д. 401, л. 74.

[431] Там же. Л. 91. Начальник Санитарного управления Дальстроя Я. Я. Пуллериц отмечал: "За навигационный период 1932 г. через Нагаевский порт было отправлено на материк свыше 1500 цинготных больных" См.: Козлов А. Г Из истории здравоохранения Колымы и Чукотки (1864—1941 гг.). — Магадан: Кн. изд-во, 1989. — С. 17.

[432] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 402, л. 168. В первом квартале 1933 г. потеря рабочих дней из-за этого заболевания в Дальстрое равнялась почти 16% от общего количества рабочих дней. Козлов А. Г. Из истории здравоохранения Колымы и Чукотки... С. 18.

Продовольственное снабжение заключенных явно не позволяло восстанавливать энергетические потери организма человека при тяжелом физическом труде в суровых природных условиях Севера. Сопоставление энергетической ценности продовольственной нормы и фактического потребления энергии на горных немеханизированных работах (особо высокая интенсивность труда) обнаруживает 20—40-процентный дефицит калорий[433]

Другой причиной высокого уровня заболеваемости среди колымских "спецконтингентов", судя по архивным документам, было нарушение санитарных правил содержания заключенных, ставшее в советской пенитенциарной системе обычным явлением. Как отмечалось в одном из приказов руководства Дальстроя, распространению среди заключенных различных заболеваний способствовало недоедание и некачественная пища, готовившаяся в перерезанных бочках и чугунных котлах. Обычным явлением было отсутствие у заключенных постельных принадлежностей, индивидуальных мисок и ложек. Администрацией треста были обнаружены случаи, когда заключенные принимали пищу из консервных банок или по несколько человек из одного бачка[434].

В августе 1935 г. группа заключенных была направлена на командировку "Алмазная" Управления дорожного строительства. "Когда этап кое-как прибыл к указанным пикетам, где должны быть освоены командировки, люди были вынуждены спать на голой земле... Хотя палатки и были выданы, но когда пришли на место, то почти не было никакого инструмента для сруба каркасов для палаток. При осмотре больных оказалось, что много больных кровавым поносом и цинготных. Медпомощи никакой не оказывалось ввиду отсутствия медикаментов. Появилась вшивость, баня отсутствует, белья совершенно нет..."[435] Эти обстоятельства вызвали неповиновение заключенных администрации командировки, расследованием которого специально занимался Отдел НКВД по Дальстрою.

Кроме неповиновения администрации, наиболее распространенной формой сопротивления заключенных становились побеги. С развитием деятельности Дальстроя и системы УСВИТЛа увеличивалось и число побегов, с которыми руководство треста активно боролось. Очевидно, что именно этим было вызвано создание в декабре 1936 г. Отдела по борьбе с побегами УСВИТЛ НКВД с количеством сотрудников — 97

---

[433] Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России... С. 74.

[434] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 9, л. 212.

[435] Там же. Ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 14, л. 73—74.

чел.[436] 10 и 11 января 1937 г. руководителем Дальстроя была утверждена дислокация внешних и внутренних оперзастав по борьбе с побегами. Теперь беглеца наряду с суровой колымской природой должны были задерживать 359 стрелков и 57 проводников со служебными собаками[437]

Отражением процессов, происходивших "на материке", становилось то, что на Колыму прибывало все возрастающее количество осужденных по 58-й статье УК РСФСР. Наплыв "врагов народа" обострял ситуацию, создавал некоторую лагерную перенаселенность, которую система ИТЛ не выдерживала. Обострились противоречия между заключенными[438]. Не случайно именно в эти годы контингенты уголовников и бытовиков квалифицировались как "социально близкие" и противопоставлялись администрацией "врагам народа". Бывший колымский заключенный К. Реев, прибывший в Магадан в 1936 г. и работавший затем некоторое время на строительстве Колымской трассы, вспоминал: "В результате карточной игры, грабежа и воровства работяга — мужичок из "58-й" — сидел не жрамши, а жулик жрал по три обеда. Администрация даже исподтишка поощряла это"[439].

В 30-е гг., когда дороги прокладывались по таежной целине, а приисковые поселки и лагерные подразделения при них только возникали, еще не было сплошных ограждений территории лагерей колючей проволокой. Но уже создавались специальные охраняемые зоны, так называемые РУРы ("роты усиленного режима" для штрафников), и другие специфические объекты ГУЛАГа. И если в 1935 г. "население" лагерей Колымы составляло лишь 6,1% всего количества лагерников в Советском Союзе, то уже на 1936 г. Дальстрою было выделено 15% всей колючей проволоки ГУЛАГа, что свидетельствует о массовом создании указанного типа лагерных подразделений на обширной территории деятельности Дальстроя[440].

Есть все основания считать, что кроме специальных подразделений УСВИТЛа, предназначенных для "саботажников", не выполнявших нормы производственных заданий, организовывались специальные лагпункты и командировки для содержания "наиболее опасных врагов народа"

---

[436] Там же. Д. 18, л. 65—68.

[437] Там же. Д. 25, л. 8—13.

[438] См.: Сандлер А., Этлис М. Современники ГУЛАГа. — Магадан: Кн. изд-во, 1991. — С. 143.

[439] Цит. по: Там же. С. 141.

[440] Весь НКВД получил 360, ГУЛАГ — 200, а Дальстрой — 30 т колючей проволоки, согласно плану ее распределения на 1936 г. ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 1, л. 195.

Сведения об одном из таких подразделений сохранились в архивных фондах. 1 августа 1936 г. уполномоченный НКВД СССР по Дальстрою Э. П. Берзин подписал приказ № 0020, в котором "в целях изоляции особо опасного элемента Севвостлага, предупреждения организованных контрреволюционных выступлений, лагерного бандитизма и групповых побегов" начальнику УСВИТЛ НКВД Филиппову предписывалось в месячный срок организовать спецкомандировку на 1500 человек. На командировке необходимо было установить режим, обеспечивающий полную изоляцию заключенных от остальной части лагеря и исключающий возможность побегов[441].

Подобная спецкомандировка была организована на прииске "Нерига" Южного горнопромышленного управления Дальстроя. Ее судьба такова. Приказом начальника Дальстроя НКВД СССР старшего майора госбезопасности К. А. Павлова от 10 апреля 1938 г. это специальное лагподразделение было расформировано и превращено в обычную командировку[442]. Но уже 11 октября 1938 года "Нерига" вновь преобразуется в Центральный штрафной изолятор отдельного лагерного пункта (ОЛП) ЮГПУ и Управления СВИТЛ. Штрафной изолятор "Нерига" стал первым из многих в соответствии с указанием: "Всем начальникам Управлений и ОЛПов организовать свои центральные ШИЗО ОЛПов УСВИТЛа"[443].

Таким образом, в 1932—1937 гг. государственный трест "Дальстрой", использовавший принудительный труд заключенных, осуществлял первоначальный этап освоения Северо-Востока СССР. В этот период сложилась общая структура суперорганизации, объединившей производственные и лагерные подразделения. Силами Дальстроя на территории Охотско-Колымского края была создана основа для дальнейшей колонизации региона. В 1937 г. здесь уже была развитая система автотранспортных сообщений, опиравшаяся на морской порт в бухте Нагаева, и подразделения горнодобывающей промышленности, постепенно наращивавшие объемы золотодобычи. Результаты геологоразведочных работ треста позволяли прогнозировать возрастание масштабов извлечения минерального сырья, преодоление его монометаллического характера. Но уже 1938 г. внес существенные коррективы в методы осуществления колонизационной политики на Крайнем Северо-Востоке СССР.

---

[441] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 18, л. 32.
[442] Там же. Д. 35, л. 84.
[443] Там же. Д. 36, л. 163.

§ 3. ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ДАЛЬНЕГО СЕВЕРА "ДАЛЬСТРОЙ" НКВД СССР В 1938–1941 гг.

Передача Дальстроя в ведение НКВД СССР (март 1938 г.) после уничтожения первого состава руководства этой суперорганизации привела к тому, что с этого времени бывший государственный трест уже формально стал важной составной частью колоссальной системы Наркомата внутренних дел, подразделения которого выполняли экономические задачи, используя труд подневольных "спецконтингентов". Среди производственно-территориальных управлений названного всесильного ведомства появилось новое — Главное управление строительства Дальнего Севера (ГУСДС) "Дальстрой" НКВД СССР[446]. Это решение советского руководства, явившееся одним из проявлений тоталитарной сущности политического режима, существенно изменило суть проводившейся на Северо-Востоке Советского Союза колонизационной политики.

Наибольшие изменения произошли в политике новой администрации Дальстроя по отношению к заключенным. Среди исследователей нет единого мнения в оценке лагерной практики руководства Дальстроя. Так, К. Б. Николаев утверждает, что карательная функция Дальстроя на протяжении всей его истории была такой же главной целью, как и "использование уникальных ресурсов"[447] Однако анализ деятельности руководящих органов Дальстроя позволяет считать более обоснованным мнение магаданского историка И. Д. Бацаева, который пишет: "Лагеря УСВИТЛа не имели функций уничтожения, но тяжелые условия, в которых находились з/к, и жестокая эксплуатация способствовали высокой смертности, особенно в Северном и Индигирском горнопромышленных управлениях"[448].

Несмотря на существование расхождений в оценке лагерной практики Дальстроя, исследователи едины в оценке событий 1938 г. в лагер-

---

[446] ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 22, л. 246. Постановление СНК СССР № 260 от 4 марта 1938 г. Часто Дальстрой описывается как составная часть ГУЛАГа НКВД. Однако в монографии "Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР" (1940 г.) прямо указывается: "Дальстрой — производственно-хозяйственная организация НКВД, не входящая в систему ГУЛАГа, но с ним связанная" См.: ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 28, л. 61. Этот же факт констатируется в: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР...С.117—120, где Дальстрой (ГУСДС) описывается как одно из Главных управлений, с 1938 г. входивших в структуру НКВД в качестве самостоятельного подразделения.

[447] См.: Николаев К. Б. К вопросу изучения истории Дальстроя // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. — Магадан, 1996. — С. 31.

[448] Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные) // Там же. С. 49.

ных подразделениях на Колыме, считая их особенно драматическим периодом, унесшим жизни многих тысяч заключенных. В это время Северо-Восток СССР пережил эпоху своего "большого террора", для которой было характерно не только резкое увеличение уровня смертности "спецконтингентов" вследствие ужесточения условий их труда и быта, но и уничтожение подневольных работников путем развязывания массовых репрессий против них. Об этом свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, а также воспоминания очевидцев колымских трагедий[449].

А. А. Эдельберг, бывший колымский заключенный, вспоминал позже, что положение заключенных на Колыме стало резко меняться буквально спустя несколько дней после того, как Дальстрой в декабре 1937 г. возглавил старший майор госбезопасности К. А. Павлов. С 18 декабря 1937 г. были отменены все лагерные льготы, введен 12-часовой рабочий день, восстановлены ночные работы и т. д. Результатом всех нововведений стало то, что "...за зиму 1937—1938 гг. наш Штурмовой из почти обычного поселка превратился в настоящий концентрационный лагерь"[450].

Свидетельство А. А. Эдельберга подтверждается архивными документами. В конце 1938 — начале 1939 гг. заместитель начальника Северного горнопромышленного управления по лагерю И. П. Шебанов направил письмо в адрес Хабаровского крайкома ВКП(б), в котором автор высказывал серьезную озабоченность методами руководства, применявшимися администрацией Дальстроя в 1938 г. По его описанию, с приездом на Колыму нового руководства во главе с Павловым под лозунгом "все на

---

[449] Многочисленные документы позволяют проследить исходные географические точки СССР, откуда заключенные начинали свою дорогу на Колыму. Так, например, 10 августа 1938 г. из ГУЛАГа НКВД начальнику ГУСДС Павлову и начальнику владивостокского пересыльного пункта Севвостлага Мейеру была направлена следующая шифротелеграмма: "С начала года по 20.07. во Владивосток фактически прибыло 32 500 з/к. Отправлено: из Казахстана в конце июня 1470 (человек — *А. Ш.*), Барнаула — 1 июля 505, Красноярска 8 июля 500, Украины 3 июля 1153, Омска 30 июля 450, Бамлага 950, Иркутска 3 июля 400, ДВК 1111, Новосибирска 9 августа 490, Москвы 22 июля 1100, Тулы 16 июля 376, Тбилиси 11 июля 150 и 29 июля 206. В последних четырех этапах следуют осужденные Особым совещанием НКВД..." Далее в этом документе упоминаются августовские этапы в Севвостлаг из Горького, Кирова, Свердловска, Башкирии, Челябинска и т. д. В заключение шифротелеграммы пом. нач. ГУЛАГа НКВД старший майор госбезопасности Леонюк констатировал, что 9 августа Севвостлагу были переадресованы этапы Бамлага в количестве 5000 чел. Всего, таким образом, на 10.08.1938 г. в пути на Колыму находилось 24 415 чел. ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 1138, л. 86.

[450] Цит. по: Сандлер А., Этлис М. Современники ГУЛАГа. — Магадан: Кн. изд-во, 1991. — С. 183.

горные работы, все на выполнение плана основного производства" на прииски стали в максимально возможных количествах перебрасываться заключенные и вольнонаемные работники Дальстроя. Одновременно почти все лошади были сняты с подсобных производств, с обслуживания лагерей, с транспортных перевозок и переброшены на вскрышу торфов[451]. Неподготовленность лагподразделений к приему значительного количества людей привела, по мнению Шебанова, к катастрофическим последствиям — распространению болезней среди заключенных и резкому повышению уровня смертности в лагерях. В качестве причин автор письма называл общее истощение рабочих и массовые случаи обморожения: "в иные дни на прииске умирало по 10—15 человек — прииски "Мальдяк" и "Нижний Ат-Урях"[452].

В июле 1938 г. на Колыму очередным этапом прибыл М. Б. Миндлин, который вскоре попал на прииск "Верхний Ат-Урях". Описывая свою лагерную жизнь, он заметил: "Я не помню, чтоб актировали день по морозам, даже при 57 градусах"[453].

Подобное положение заключенных в лагерных пунктах Дальстроя сохранялось вплоть до начала войны с Германией. Распространенным явлением стала вопиющая антисанитария, что вызывало увеличение количества нетрудоспособных заключенных. Так, в Чай-Урьинском лагере неработавшая часть заключенных достигала в 1941 г. 18,6% от списочного состава[454]. Такое же положение констатировалось документами делопроизводства Дальстроя и для населенных пунктов, где расселялись заключенные, освобождавшиеся из лагерей и оставленные для работы на Колыме[455]. В документации ГУСДС часто встречалась констатация следующего положения: "До сих пор имеет место факт, когда лагерные подразделения сами себя обеспечивают топливом, т. е., не имея никакого транспорта, лагерники после работы в забое, шахте, руднике идут за 10—15 км за дровами..."[456]

Антисанитарное состояние лагерных пунктов УСВИТЛа и плохие бытовые условия заключенных способствовали распространению многих заболеваний. Так, в октябре 1939 г. в бухту Нагаева прибыл пароход "Дальстрой" с очередным этапом заключенных, среди которых находились больные сыпным тифом. Эпидемия стала быстро распространяться среди заключенных Нагаево-Магаданского района, что потребовало применения чрезвычайных оперативных мер по ее ликвидации[457].

---

[451] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 35, л. 31.

[452] Там же. Л. 33.

[453] Миндлин М. Б. Первая зима на Колыме // Краевед. зап. — 1992. — Вып. 18. — С. 48.

[454] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 162, л. 11.

[455] Там же. Л. 5—9.

[456] Там же. Д. 151, л. 91.

[457] Там же. Д. 135, л. 79—80, 84—86.

Очевидно, что при этом не могло идти речи о соблюдении так называемой социалистической законности. Более того, эта "социалистическая законность" сама становилась источником невиданных социальных драм и эксцессов, перечень которых может составить содержание многих томов истории советского общества. Мы имеем в виду использование администрацией ГУСДС НКВД специфических методов, серьезно изменивших атмосферу в лагерных пунктах Дальстроя.

Прежде всего это были активно проводимые репрессии против "злостных саботажников и контрреволюционеров" из числа заключенных. На Колыме это явление получило в 1938 г. название "гаранинщины" (по имени начальника УСВИТЛа полковника С. Н. Гаранина).

Расстрелы заключенных получили в этот период огромный размах. Только 14 апреля 1938 г. было расстреляно 176 человек[458], 5 июня казнено 362 человека[459], за два августовских дня — вновь более трехсот[460] и т. д. Страшным синонимом "гаранинщины" в то время стало слово "Серпантинка" — название штрафного лагерного подразделения, расположенного недалеко от пос. Хатыннах, известного как место массовых расстрелов.

По воспоминаниям бывшего партийного работника И. П. Алексахина, заключенного Дальстроя, который после реабилитации в 1956 г. участвовал в работе комиссии по пересмотру дел осужденных, в течение 1938, 1939 и в начале 1940 г. на Колыме было расстреляно согласно квоте около 35 тыс. подневольных рабочих[461]. Несколько разнятся с этими данными показатели, приводимые Ж. Росси. Он указывает, что за период "гаранинщины" на Колыме было расстреляно около 26 тыс. политзаключенных, уголовников-рецидивистов, отказчиков[462]. Историк-архивист В. В. Цаплин, в свою очередь, считает, что только в 1938 г.

---

[458] Бирюков А. М. ...считать умершим от сердечной недостаточности..." // Бирюков А. М. Последний Рюрикович: Документ. очерки. — Магадан: ГОБИ, 1991. — С. 18.

[459] Николаев К. Б. К вопросу изучения истории Дальстроя // Исторические аспекты Северо-Востока России... С. 42.

[460] Кусургашев Г. Д. Призраки колымского золота. — Воронеж, 1995. — С. 30.

[461] Алексахин И. П. Колымские этапы // Краевед. зап. — 1989. — Вып. 16. — С. 109. Подобные события происходили в 1938 г. и в Воркуте, здесь произошли "кашкетинские расстрелы". См.: Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Малое собр. соч.: В 6 т. — М.: Инком НВ, 1991. — Т. 6. — С. 327—328. И Гаранин, и Кашкетин в 1939 г. были расстреляны. А. Г. Козлов ставит под сомнение факт личного участия С. Н. Гаранина в массовых расстрелах заключенных и настаивает на несостоятельности термина "гаранинщина". См.: Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей // Краевед. зап. — 1993. — Вып. 19. — С. 130.

[462] Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: В 2 ч. — М.: Просвет, 1991. — Ч. 1. — С. 78.

репрессии против заключенных на Колыме привели к сокращению численности "спецконтингентов" более чем на 25%[463].

Важно отметить, что проблема массовых репрессий против колымских заключенных в конце 30-х гг. изучалась многими исследователями. Так, Р. Конквест в книге "Большой террор" указывал, что за период 1937—1941 гг. на Колыме погибло минимум 1 миллион человек[464]. На наш взгляд, этот показатель явно завышен, так как исследователь не располагал архивными документами и строил расчеты лишь на основании косвенных сведений. Документальные источники свидетельствуют о том, что численность заключенных Дальстроя в 1937 г. составляла 80 258 чел., в 1938 г. — 93 978 чел., в 1939 г. — 163 475, в 1940 г. — 176 685, в 1941 г. — 148 301 чел.[465] Эти данные позволяют утверждать, что на Северо-Востоке за указанное время не могло погибнуть около миллиона заключенных. А. Некрич и М. Геллер, цитируя работу Р. Конквеста "Колыма", утверждают, что всего здесь погибло не менее 3 миллионов заключенных[466]. Между тем книга прибытия этапов в бухту Нагаева, где фиксировались все привезенные на Колыму заключенные, содержит около 850 тыс. фамилий[467]. Численность этапов, направляемых на предприятия Дальстроя минуя Магадан (бухта Пестрая Дресва, порт Певек и др.), почти никогда не превышала 2 тыс. человек и поэтому серьезного влияния на общую численность колымских "спецконтингентов" оказать не могла. Поэтому показатель, приводимый А. Некричем и М. Геллером, можно считать также значительно завышенным. Одновременно эти авторы вслед за В. П. Артемьевым — автором книги "Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД" (Мюнхен, 1956) утверждают, что общая численность колымских заключенных в 1940 г. составляла от 3 до 5 миллионов[468], тогда как здесь в это время находилось только 176 685 человек[469].

Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, могут служить косвенным доказательством точности сведений, приводимых В. Н. Земсковым и составителями сборника "Сопротивление в ГУЛАГе. Воспоминания. Письма. Документы". Так, по данным В. Н. Земскова, общая численность заключенных в ИТК и ИТЛ СССР на 1940 г. составляет 1 659 992 чел.[470], согласно второму источнику этот показатель равен 1 668 200

---

[463] Цаплин В. В. Архивные данные о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. — 1991. — № 4—5. — С. 160.

[464] Конквест Р. Большой террор. С. 109.

[465] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 6, л. 55. Данные на конец соответствующего года.

[466] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 326.

[467] Вечерний Магадан. — 1992. — 5 дек.

[468] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... С. 547.

[469] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 6, л. 55.

[470] Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологич. исслед. — 1991. — № 6. — С. 11.

заключенных[471]. Если учесть, что в 1940 г. Дальстрой был одним из крупнейших лагерных центров ГУЛАГа и 176 685 колымских заключенных составляли около 10% всех заключенных СССР, то данные этих исследователей вполне могут считаться близкими к истине[472].

Заметим, что в период 1932—1941 гг. на Колыму прибыло и начало работать всего 365 тыс. человек и убыло "на материк" 143 тыс. (освобождение по отбытии срока заключения, отъезд в связи с окончанием срока трудового договора), т. е. к 1942 г. в системе Дальстроя должно было остаться около 213 тыс. человек. В действительности же на конец 1942 г. списочный состав ГУСДС насчитывал 202 421 человека[473]. Это расхождение может быть, по нашему мнению, объяснено лишь высокой смертностью заключенных, а также репрессиями предвоенного периода на Северо-Востоке.

Другим методом деятельности администрации Дальстроя по отношению к "спецконтингентам" стало поощрение практики противопоставления "социально близких" заключенных так называемым врагам народа, вплоть до использования в своих целях феномена "капо" — издевательства одних заключенных над другими. Приказом по Дальстрою № 0/35 от 26 августа 1938 г., подписанным заместителем начальника ГУСДС НКВД комбригом А. А. Ходыревым, начальнику культурно-воспитательного отдела УСВИТЛа предписывалось разработать проект положения о создании в лагподразделениях Севвостлага "бригад по содействию лагерному порядку". При этом особо подчеркивалось, что "бригады должны создаваться исключительно из проверенных лагерников, осужденных за бытовые статьи"[474]. Практическую деятельность подобных бригад описывает В. Т. Шаламов в одном из своих "Колымских рассказов": "Блатари не работали. Они обеспечивали выполнение плана. Ходили с палкой по забою — эта палка называлась "термометром" — и избивали безответных фраеров. Забивали и до смерти"[475].

В предвоенный период на Колыме произошло резкое усложнение процедуры освобождения заключенных от работы по болезни и началось использование на производстве даже заключенных-инвалидов. 3 февраля 1940 г. специальным приказом было запрещено "заключенным медработникам давать освобождение з/к от работы по болезни,

---

[471] Сопротивление в ГУЛАГе... С. 121.

[472] Среднегодовая численность заключенных в лагерях НКВД за 1940 г. составила 1 400 000 человек. ГАРФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 1155, л. 1а. Отсюда следует, что в 1940 г. заключенные УСВИТЛа составили 12,6% от общей численности "спецконтингентов", находившихся в лагерях Наркомвнудела.

[473] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 6, л. 55.

[474] Там же. Д. 36, л. 122.

[475] Шаламов В. Т. Колымские рассказы. С. 373.

предоставив это право только вольнонаемному составу врачей". Здесь же предписывалось "в пятидневный срок пересмотреть состав группы "В" (заключенных, освобождаемых от работы в связи с болезнью. — *А. Ш.*) и всех з/к, незаконно освобожденных от работы, переключить на производство, на виновников в незаконном освобождении материалы передать следственным органам"[476]. В то же время еще 25 октября 1939 г. из горнопромышленных и других управлений Дальстроя в распоряжение начальника Управления местной промышленности было передано 2000 заключенных-инвалидов[477]

В целях интенсификации труда колымских заключенных становилось особенно активным использование "шкалы желудка" — соотнесение норматива питания заключенного с выполнением им производственных заданий. В мае 1941 г. была вновь увеличена норма производительности труда на золотых приисках Дальстроя, которая составляла на вскрыше торфов — 3,15 куб. м, на добыче песков — 2,0 куб. м и на промывке песков — 4,5 куб. м на человека в день[478]. Между тем еще в апреле 1940 г. в системе Севвостлага НКВД СССР были установлены следующие нормы питания. Особую категорию питания получали заключенные, работающие стахановскими методами, при выполнении норм от 130% и выше; питание по 1-й категории — выполняющие нормы выработки от 100 до 120%; питание по 2-й категории — выполняющие нормы от 71 до 99% и, наконец, по 3-й категории — заключенные, выполняющие нормы до 70%[479]. И если норма питания по особой категории предусматривала получение ежедневно 1400 г хлеба, 150 г крупы разной, 80 г мясо-растительных консервов, 192 г рыбы, 15 г растительного масла, 750 г овощей, то нормы для третьей категории питания оказывались следующими: 600 г хлеба, 100 г крупы разной, 30 г мясо-растительных консервов, 128 г рыбы, 10 г растительного масла, 500 г овощей[480].

Цитируемый документ определяет нормирование питания абсолютно всех слоев "населения" лагерной Колымы, не исключая беременных и кормящих грудью женщин и детей заключенных в возрасте до шести месяцев. Существовал и штрафной паек — для заключенных, отказывающихся от работы или "пытающихся симулировать болезнь и не выполнять производственных заданий". Он включал в себя 400 г ржаного хлеба, 5 г муки подболточной, 35 г крупы, 75 г рыбы, 5 г растительного масла, 4 г чая-суррогата, 400 г овощей, 3 г томат-пюре в день[481].

---

[476] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 149, л. 24.
[477] Там же. Д. 135, л. 82.
[478] Там же. Д. 162, л. 60.
[479] Там же. Д. 149, л. 101.
[480] Там же. Л. 102.
[481] Там же. Л. 120.

В числе важнейших изменений в положении заключенных в описываемый период следует назвать прекращение практики зачетов рабочих дней за сроки отбывания наказания и отмену системы условно-досрочного освобождения осужденных во всех подразделения НКВД, широко применявшиеся до 1937 г.[482]

В 1938—1940 гг. произошла постепенная ликвидация поселков колонистов — бывших заключенных, переведенных из лагеря на вольное поселение за ударную работу и хорошее поведение. Начиная с 1938 г. они, согласно документам ГУСДС, вновь водворялись в лагерь[483]

С нашей точки зрения, все перечисленные мероприятия имели своей целью и разрушение личности заключенного, полное его подчинение тоталитарной системе. Известный художник В. Шухаев в одном из своих писем из лагерей Колымы писал: "У меня выработалась такая философия: знаменитый художник Шухаев умер, живет з/к, носящий его имя. Он ведет себя, как примерный з/к: делает все, что ему положено, а живет без мыслей, без желаний, и представь себе — мне стало легче и проще"[484].

В обстановке произвола, развязанного администрацией Дальстроя в отношении заключенных, единственной возможностью выражения протеста для них становились побеги, хотя чрезвычайная отдаленность мест дислокации подразделений Севвостлага сводила шансы на успех практически к нулю. Тем не менее только 13, 16 и 17 августа 1938 г. из лагерных пунктов лишь Северного горнопромышленного управления бежало в общей сложности 69 человек, из которых всего 4 заключенных — осужденные за бытовые преступления[485]. Документ, содержащий эти сведения, констатирует: "Несмотря на ряд практических мероприятий по борьбе с побегами, проведенных лично начальником лагеря — полковником тов. Гараниным... побеги не уменьшились, а наоборот за последнее время намного увеличились, и общая цифра беглецов по лагерю

---

[482] Приказ наркомвнудел СССР Л. П. Берия № 0168 от 15.06.1939 г. ГАРФ, ф. 9401, оп. 1а, д. 39, л. 143. Этот же документ предписывал: "Основным стимулом для повышения производительности труда в лагерях установить улучшенное снабжение и питание хороших производственников, дающих высокие показатели производительности труда, денежное премирование этой категории з/к, свидания с близкими родственниками и облегченный лагерный режим с общим улучшением их бытового положения" Там же. Л. 143 об.

[483] См., например, приказ начальника ГУСДС НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга И. Ф. Никишова № 01 от 5 января 1940 г., завершивший целую серию подобных приказов. ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 149, л. 1.

[484] См.: Андреева Л. Шухаевы в Магадане // Память Колымы: Воспоминания, письма, фотодокументы о годах репрессий. — Магадан: Кн. изд-во, 1990. — С. 84.

[485] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 36, л. 119.

является угрожающей"[486]. В марте 1939 г. начальник Дальстроя Павлов приказал за побег привлекать заключенных к уголовной ответственности[487] Тем не менее, как отмечает магаданский краевед Д. И. Райзман, в 1939—1940 гг. только силами 61-го Нагаевского морпогранотряда было задержано около 400 беглецов[488].

Дальстрой, все больше приобретавший характер всесоюзной политической каторги, отличавшейся чрезвычайно суровым климатом и высокой смертностью заключенных, в 1938—1941 гг. продолжал концентрировать материальные и человеческие ресурсы на приоритетных направлениях своей деятельности — извлечении минеральных природных ископаемых и строительстве дорог к новым районам золото- и оловодобычи.

В этот период получила развитие новая отрасль горной промышленности Дальстроя — оловодобыча (первые предприятия по добыче олова начали свою деятельность в 1937 г.). Приоритетность добычи олова обеспечивалась тем, что прежде извлечение этого стратегического металла велось только на одном месторождении в СССР — Хапчерангинском[489].

На территории деятельности ГУСДС НКВД в результате предшествующих геологоразведочных работ обозначились два района с разведанными промышленными запасами рудного олова: 1) Тенькинский район, расположенный к юго-западу от центрального района деятельности Дальстроя, где наличие олова впервые было установлено еще в 1932 г. Четыре года спустя здесь, в бассейне р. Нелькобы, партия Б. Л. Флерова открыла крупное рудное месторождение олова, для эксплуатации которого в 1937 г. организуется сначала прииск, а затем и рудник "Бутугычаг"; 2) Омсукчанский район, находившийся на северо-востоке от Магадана, где также начиналось извлечение олова.

Обнаружение и начало эксплуатации олово- и золоторудных месторождений в бассейне р. Утинки способствовало образованию в составе Дальстроя специализированного горнопромышленного управления, которое должно было заниматься извлечением золота и олова из руд, его переработкой на обогатительных фабриках и технологическим обеспечением производственных процессов. Для этих целей из Южного горнопромышленного управления 8 октября 1938 г. было выделено Юго-Западное ГПУ, в ведение которого были переданы все рудные месторождения и связанные с ними производства — прииски и рудники

---

[486] Там же. Процитирован приказ № 0125 от 26 августа 1938 г., подписанный зам. начальника Дальстроя комбригом Ходыревым и зам. начальника УСВИТЛ НКВД полковником Комаровым.

[487] Там же. Д. 135, л. 16.

[488] Вечерний Магадан. — 1993. — 15 окт.

[489] Рохлин М. И. Чукотское олово. — Магадан: Кн. изд-во, 1959. — С. 16.

"Бутугычаг", "Кинжал", "Таежник", им. Лазо, "Золотистая", Усть-Утинская обогатительная фабрика, Усть-Утинский промкомбинат[490]. Впоследствии, в начале 1940 г., на базе прииска им. Лазо открываются рудники им. Лазо и им. Чапаева; прииск "Таежник" объединяется с рудником "Кинжал", а на р. Дюрас-Юрега образуется прииск "Третья пятилетка"[491]

Летом 1940 г. после проведения необходимых геологоразведочных исследований на базе месторождения олова организуется рудник "Омсукчан" Основными задачами его деятельности были производство горноподготовительных работ, эксплуатация месторождения и строительство обогатительной фабрики и прочих промышленных и жилых объектов, связанных с эксплуатацией рудника и фабрики[492]. Для обеспечения рабочей силы на разработке месторождения и строительстве в этот район из Владивостока специально направлялось 2000 заключенных[493] Они должны были пополнить отряд заключенных из 150 человек, прибывший сюда несколько раньше[494].

Сложность организации работ в этом районе была обусловлена транспортной изолированностью рудника "Омсукчан". Поэтому первые грузы и заключенные прибывали сюда вьючной тропой, берущей начало в бухте Пестрая Дресва в заливе Шелихова.

Однако крупнейшим оловоносным районом на территории деятельности Дальстроя стал Чаунский район Чукотского национального округа, включенный в состав территории ГУСДС с 1 января 1939 г. Экспедициями Всесоюзного арктического института Главного управления Северного морского пути, в чьем ведении находилась геологоразведка на Чукотке в 30-е гг., в этом районе были обнаружены уникальные промышленные запасы оловянных месторождений[495].

В августе 1939 г. здесь создается Чаунское районное геологоразведочное управление Дальстроя, начальником которого стал один из опытнейших геологов-оловянщиков ГУСДС И. Н. Зубрев. Подразделения этого райГРУ возглавили Н. К. Гулария (Пыркакайский разведучасток) и Н. С. Лычкин (Валькумейский разведучасток)[496].

Судя по документальным материалам Чаунского районного государственного архива, численный состав работников ГУСДС на Чукотке составлял в 1939 г. 133 человека, из которых 55 были заключенными; в

---

[490] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 3, л. 172.

[491] Советская Колыма. — 1940. — 6 янв.

[492] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 150, л. 111.

[493] Там же. Л. 112.

[494] Там же. Л. 107.

[495] Подробнее см.: М. И. Рохлин Там, где были яранги. — М.: Совет. Россия, 1961; Он же Чукотское олово и т. д.

[496] См.: История Чукотки с древнейших времен до наших дней. С. 206.

1940 г. — 195 человек, из них 127 — заключенные. Таким образом, включение Чукотки в сферу деятельности Дальстроя привело к тому, что за один год удельный вес заключенных в общей численности работающих увеличился здесь на 66,7%, а количество вольнонаемных работников уменьшилось на 12,8%[497]

В 1940 г. были проведены все необходимые работы, для того чтобы с 1941 г. начать добычу оловянных концентратов из недр Чукотки. С 1 апреля 1941 г. Пыркакайский разведрайон преобразован в прииск "Пыркакай"[498], а также создан рудник "Валькумей", которые за первый год своей работы добыли 257 т олова в концентрате[499]

Техническая оснащенность предприятий Чукотского "филиала" ГУСДС была чрезвычайно низкой, преобладал ручной труд заключенных. Как вспоминал позже Ф. А. Свентицкий, в 1941 г. на руднике "Валькумей" основным инструментом были кайло и лопата. Транспортными средствами на горных работах служили тачки и грабарки — своеобразные санки с коробом, в которые впрягалось по несколько человек[500]. Об этом же писали в 1956 г. инженеры П. И. Комаров и Н. И. Заспа, отмечая чрезвычайно низкий уровень технического оснащения первых рудников Дальстроя: "Ручное бурение шпуров, отсутствие искусственной вентиляции, ручная откатка в тачках по деревянным трапам, примитивный подъем горной массы..."[501]

Констатация этих фактов имеет важное значение, так как суточные нормы работы на различных производственных операциях по оловодобыче в 1941 г. были весьма внушительными. На оловодобывающих приисках они составляли: на вскрыше торфов — 3,6 куб. м, на добыче песков — 2,7 куб. м, на промывке песков — 4,5 куб. м на человека в день. На рудниках и фабриках соответственно: на добыче горной массы — 1,2 куб. м, на обработке руды — 0,85 куб. м на человека в день[502].

Народнохозяйственная и стратегическая важность добычи олова обусловливала напряженность плановых заданий Дальстроя, о которой говорят данные, например, за 1940 г., когда приказом начальника ГУСДС программа оловодобычи была определена в размере 1000 т условного металлического олова в концентрате, в том числе из россыпей 190 т и из руд 810 т[503].

---

[497] ГАЧР, ф. Р-22, д. 1, л. 7.

[498] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 75, л. 88.

[499] ГАЧР, ф. Р-22, д. 11, л. 142.

[500] Цит. по: Рощупкин Г Г. Роль Чаунской районной партийной организации в промышленном освоении Чукотки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. С. 157.

[501] Комаров П. И., Заспа В. И. Четверть века (из истории развития горной промышленности Дальстроя) // Дальстрой. К 25-летию. С. 12.

[502] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 162, л. 60.

[503] Там же. Д. 135, л. 88.

Заметим, что в этот период золото извлекали в основном из россыпей, в оловодобыче главенствующая роль принадлежала рудным месторождениям (табл. 10).

Таблица 10

Добыча олова предприятиями ГУСДС НКВД в 1937—1941 гг., т[504]

	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Олово в концентрате	40,7	202,0	507,0	1917,0	3226,0
В том числе:					
рудное	11,7	54,0	401,0	1707,0	2403,0
россыпное	29,0	148,0	106,0	210,0	769,0
старательское	—	—	—	—	54,0

Из данных табл. 10 следует, что оловодобывающие предприятия ГУСДС форсированно наращивали объемы извлечения касситерита (оловянного концентрата) из недр Северо-Востока. При этом возрастание масштабов добычи более чем в 3 раза в 1940 г. по сравнению с 1939 г. вызвано началом оловодобычи на Чукотке.

Увеличение масштабов оловодобычи на Северо-Востоке становилось возможным в результате введения в эксплуатацию новых оловоносных площадей и организации там новых оловодобывающих предприятий. В 1937—1938 гг. ГУСДС располагал двумя рудниками, в 1939 г. их число возросло до четырех, в 1940 г. — до пяти, а в 1941 г. Дальстрой имел девять оловодобывающих предприятий[505].

И все же олово именовалось в дальстроевских документах и газетах "малым металлом", поскольку основным направлением деятельности оставалась золотодобыча, масштабы которой в 1939—1941 гг. продолжали постоянно расти.

Проведение геологоразведочных работ в северо-западном направлении от Магадана в соответствии с прогнозами Ю. А. Билибина приводило к определению промышленного содержания металла на новых площадях[506]. В этом же направлении прокладывали полотно Колымской трассы. Еще в августе 1937 г. в СГПУ был открыт прииск "Мальдяк", за которым последовала организация еще нескольких приисков. Расширение их деятельности и результаты геологической разведки привели к

[504] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 19.

[505] Там же. Л. 20.

[506] Расширение масштабов геологоразведочных работ на территории Дальстроя являлось важнейшим условием возрастания объемов металлодобычи предприятиями ГУСДС. С этим было связано пристальное внимание высшего советского руководства к работе дальстроевских геологов. Например, в июне 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило выделить из резервного фонда СНК СССР дополнительно к уже запланированным средствам еще 10 млн руб. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1000, л. 17.

выделению 1 сентября 1938 г. самостоятельного Западного горнопромышленного управления (ЗГПУ) с центром в пос. Сусуман, куда была подведена дорога[507] В состав ЗГПУ вошли прииски "Мальдяк", "Стахановец", "Ударник", "Линковый", "Еврашкалах", "Кураннах", "Чай-Урья", "Топкий", "Контрандья".

Дальнейшие геологические работы позволили установить в бассейне р. Чай-Урья наличие уникальной промышленной россыпи золота, для эксплуатации которой в декабре 1941 г. создается самостоятельное Чай-Урьинское ГПУ с центром в пос. Нексикан[508]. Интенсивная эксплуатация этого месторождения становилась весьма актуальной, если учесть, что она активно началась уже во время войны, когда государственная потребность в золоте чрезвычайно возросла.

В 1939 г. из Юго-Западного ГПУ выделилось Тенькинское горнопромышленное управление, поскольку обнаружилось, что здесь, на руч. Дусканья, также сосредоточены промышленные запасы золота[509]. Продолжение разведки в северо-западном направлении привело к созданию в составе Дальстроя 28 февраля 1941 г. Янского ГПУ — уже на территории Якутии — для добычи не только золота, но и олова[510].

Расширение территории, на которой ГУСДС НКВД СССР разворачивало золотодобычу, сопровождалось ростом числа действующих золотых приисков (табл. 11).

Таблица 11

Количество золотодобывающих приисков Дальстроя в 1938—1941 гг.[511]

	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Всего приисков	29	37	38	45
Из них вновь открытых	18	8	5	8

Однако данные о росте золотодобывающих предприятий ГУСДС НКВД СССР на Северо-Востоке страны дают лишь внешнее представление о деятельности Дальстроя, поскольку не отражают сущностных характеристик организации процесса золотодобычи.

В этот период основная часть работников суперорганизации была занята именно в горной отрасли: с 1938 по 1941 г. включительно численность работающих здесь выросла на 54 %. При этом в 1938 г. горняки составляли 47,2% от общего числа дальстроевцев, а в 1941 г. их удельный вес вырос до 55,3 %[512].

---

[507] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 2, д. 226, л. 26.

[508] См.: Раковский С. Д. Богатства недр — на службу Родине // Дальстрой. К 25-летию. С. 25.

[509] ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 2, д. 252, л. 68.

[510] См.: Советская Колыма. — 1941. — 13 марта.

[511] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 15.

[512] Там же. Д. 6, л. 55.

Несомненно, что все направления хозяйственной деятельности Дальстроя требовали значительного количества "спецконтингентов", удельный вес которых в течение 30-х гг. в общей численности работников никогда не был ниже 70%. Заметное увеличение числа работающих в горной промышленности (47,2%) происходит лишь в 1938 г. Перед войной и в ее начале непосредственно в этой отрасли работало уже около половины всего работоспособного населения Колымы. Вовлечение контингентов заключенных в колонизацию региона происходило равномерно до 1938 г. (максимум был достигнут в 1936 г. — примерно 18,5 тыс. чел.), но после этого в 1938 г. произошел резкий скачок, и к 1939 г. прирост числа заключенных на предприятиях Дальстроя достиг 70 тыс. чел. (47,2% из них использовались на горных работах). Итогом драматических событий, связанных с "большим террором", стало то, что в конце 1940 г. в системе ГУСДС НКВД СССР работало уже около 177 тыс. заключенных. Примерно столько же заключенных было завезено на Колыму в предвоенные годы[513].

Если до 1938 г. количество заключенных на Колыме плавно увеличивалось, то с 1940 г. начинается резкий спад численности завозимых сюда "спецконтингентов". Н. Гранкина, прибывшая на Колыму в начале 40-х гг., вспоминает: "Наш этап был предпоследним большим женским этапом до войны... Последний большой этап были "жены", перевезенные на Колыму из мариинских лагерей и направленные прямо на магаданский промкомбинат... После них до 1944 г. больших женских этапов не было, за исключением отдельных штрафниц"[514]. Свидетельство Н. Гранкиной косвенно подтверждается документами. Приказ № 075 от 26 января 1944 г. "О плане производства и капитальных работ ГУСДС "Дальстрой" НКВД СССР в 1944 году", подписанный Л. П. Берия, содержал указание начальнику ГУЛАГа Наседкину обеспечить Дальстрой пополнением рабочей силой в количестве 10 000 человек, преимущественно женщин, из числа заключенных, физически здоровых[515]. Несомненно, что сокращение количества завозимых сюда заключенных было связано с общим спадом массовых репрессий после 1939 г., а также со сложностями, вызванными начавшейся войной с Германией.

Повышение удельного веса занятых в горной отрасли работников Дальстроя в общей численности работающих на рубеже 30—40-х гг. связано с целенаправленной практикой руководства ГУСДС по переброске на горные работы рабочей силы из других подразделений. Типичным для этого времени был приказ начальника Дальстроя И. Ф. Никишова от 5 июля 1941 г., который предписывал для обеспечения работ по вы-

---

[513] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 6, л. 55.

[514] Гранкина Н. Записки вашей современницы // Доднесь тяготеет. — М.: Совет. писатель, 1989. — С. 171.

[515] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 34, л. 17

полнению плана металлодобычи направить в горные управления 3 000 заключенных из лесного отдела, горкоммунотдела, промкомбината и т. д. Чрезвычайность подобных мер подчеркивалась особо: "Предупредить начальников управлений и предприятий и начальников лагподразделений, что за несвоевременное выполнение настоящего распоряжения виновных буду привлекать к ответственности, вплоть до предания суду"[516]. Такие чрезвычайные меры, получившие широкое применение, были вызваны к жизни прежде всего необходимостью компенсировать нерациональные способы использования техники.

По официальным данным, в 1941 г. 34,1% общего объема вскрышных работ выполнено экскаваторами, что говорит об увеличении технической оснащенности приисков по сравнению с 1937 г. (6,4%)[517] Тем не менее эффективность использования горной техники оставалась весьма низкой. В 1940 г., по подсчетам инженеров ГУСДС И. Соколовского и Г. Пучкова, экскаваторный парк Дальстроя выполнил майский план добычи горной массы всего на 50,6%. При этом коэффициент использования экскаваторов по времени составлял в среднем 40%, а в Западном горнопромышленном управлении — 33 %[518]. Начальник прииска "Одинокий" Лазарев на совещании партхозактива СГПУ в 1940 г. констатировал: "Работаем дедовским методом. Мускульная откатка доходит до 100 м и выше"[519] Л. М. Муляр отмечал в своих воспоминаниях, что главный инженер прииска "Чай-Урья" Д. Пшеничников, получив экскаватор "Воткинец", поставил к нему 150 человек с тачками. Грунт возили на тачках и ссыпали в ковш, а потом уже ковшом он переносился на нужное расстояние[520].

Стремление руководства Дальстроя выполнить план золотодобычи путем интенсивной эксплуатации ручного труда заключенных, неэффективное использование даже имевшейся техники приводило к повышенному травматизму среди рабочих. По предприятиям Дальстроя в 1939 г. количество несчастных случаев на 1000 рабочих составляло 84, в 1940 г. — 24. Несмотря на сокращение числа несчастных случаев, количество потерянных рабочих дней по этой причине в 1940 г. было на 30% больше, чем в 1939 г., хотя в 1940 г. на технику безопасности израсходовано 7 213 000 руб., или 364% по сравнению с 1939 г.[521]

Естественно, что в таких тяжелых условиях труда выполнить производственные нормы было сложно. На VI Всеколымской партийной конференции приводились следующие показатели выполнения государст-

---

[516] Там же. Д. 162, л. 68.

[517] Там же. Д. 5, л. 16.

[518] Советская Колыма. — 1940. — 26 сент.

[519] Там же. 20 июня.

[520] М у л я р Л. М. Край вечной молодости // Колыма. — 1967. — № 11. — С. 50.

[521] Советская Колыма. — 1941. — 6 марта.

венного плана за 1939 г. по ГУСДС в целом: план по вскрыше торфов был выполнен на 78,9%, по добыче песков — на 79,8%, по промывке песков — на 78,4%. Среднегодовая производительность труда при этом составила: на вскрыше торфов — 66,5%, на добыче песков — 67,7%, на промывке песков — лишь 43,3 %[522]. Все это привело к тому, что, как отмечал начальник Политуправления ГУСДС НКВД дивизионный комиссар И. К. Сидоров на I Магаданской городской партконференции, Дальстрой недовыполнил план золотодобычи в 1939 г. на 18%[523].

Очевидно, что на невыполнении плана сказалось неудовлетворительное бытовое положение заключенных и условия их труда в 1938—1939 гг., которые в значительной мере подорвали производственные возможности "спецконтингентов". Вольнонаемные работники Дальстроя также не имели условий для нормального труда и отдыха. Подобное положение порождало текучесть кадров, зачастую в значительных масштабах. Начальник Политуправления ГУСДС И. К. Сидоров на собрании партактива Магадана отмечал, что в 1940 г. только на авторемонтном заводе было принято 204, убыло 196 инженерно-технических работников, сменилось 4 главных инженера, 3 начальника ОТК, 4 начальника производства[524].

План золотодобычи по Дальстрою на 1940 г. устанавливался в размере 100 т шлихового золота, в том числе: по ЗГПУ — 50 500 кг, по СГПУ — 34 500 кг, по Южному, включая Тенькинский район, — 14 640 кг, по ЮЗГПУ при попутной добыче — 360 кг[525]. Однако и в 1940 г. ГУСДС план золотодобычи не выполнил. Данные табл. 12 показывают, что в этом году Дальстрой добыл лишь 90 673 кг шлихового металла, недовыполнив годовую программу на 9,3%.

Таблица 12

Добыча золота приисками Дальстроя в 1938—1941 гг., кг[526]

Добыча	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Шлиховое золото	67775	73778	90673	86948
Химически чистое золото	62008	66314	80028	75770

[522] Колыма. — 1940. — № 2. — С. 12.

[523] Советская Колыма. — 1940. — 8 июля.

[524] Советская Колыма. — 1941. — 7 марта. Отметим, что текучесть кадров долгое время оставалась одной из проблем народного хозяйства Магаданской области. В 1964 г. около 50 % рабочих, не имеющих северных льгот, увольнялись с предприятий Магаданской области в связи с необеспеченностью жилой площадью и неудовлетворенностью бытовыми условиями. От общего числа уволенных, размер зарплаты которых не превышал 100 руб., 69,3 % имели жилплощадь 4 кв. м и от 4 до 5,9 кв. м на одного проживающего совместно члена семьи. См.: Орловская Л. И. Особенности формирования кадров народного хозяйства Магаданской области // Проблемы развития производительных сил Северо-Востока СССР. — Магадан: Кн. изд-во, 1964. — С. 36.

[525] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 135, л. 93.

[526] Там же. Д. 5, л. 14.

Среди факторов, существенно влиявших на усиление эксплуатации труда заключенных, следует назвать и снижение содержания золота в горных породах, так как для увеличения объемов золотодобычи было необходимо перерабатывать все возрастающее количество горной массы. И несмотря на очевидную экономическую нерентабельность подобной организации работ, при увеличении добычи золота в 3-й пятилетке по сравнению с показателями 2-й пятилетки почти в 3,4 раза, увеличении объемов горных работ более чем в 5,2 раза и снижении среднего содержания золота в 1,63 раза его коммерческая себестоимость повысилась только в 1,58 раза, составив 7 руб. 22,5 коп. за 1 г добытого золота[527]

В связи с необходимостью введения в эксплуатацию новых месторождений минерального сырья продолжалось активное дорожное строительство в предвоенный период. О напряженности на этом направлении работы Дальстроя свидетельствует тот факт, что протяженность автомобильных транспортных путей на его территории в 1940 г. увеличилась по сравнению с 1935 г. в 2,5 раза[528].

В конце 30-х гг. в дорожном строительстве происходят существенные изменения, связанные с открытием и началом промышленной эксплуатации месторождений Тенькинского района. Поэтому в октябре 1940 г. Управление дорожного строительства ГУСДС НКВД СССР реорганизуется в два дорожно-строительных подразделения — УДС Севера с местонахождением в пос. Ягодное и УДС Юга с центром в городе Магадане[529] Дорожники Севера продолжали прокладку полотна трассы на северо-запад к р. Индигирке, а также строительство ответвлений от нее к открываемым месторождениям; УДС Юга развивало имеющуюся дорожную сеть и создавало новые трассы (например, дорога от бухты Пестрая Дресва в заливе Шелихова до Омсукчанского оловорудного месторождения)[530]

---

[527] Там же. Д. 135, л. 4.

[528] Малагин А. П. Магаданский экономический район. — Магадан: Кн. изд-во, 1957. — С. 80.

[529] Хлыпалов В. М. Из истории строительства Колымской трассы // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. С. 116.

[530] Бывшая колымская заключенная Е. Л. Владимирова вспоминала: "Бухту Пестрая Дресва, много севернее Магадана, Дальстрой решил освоить, для чего направил туда этап в переломное время, когда на Колыме в один день может наступить зима. Людей спустили на берег в летнем обмундировании, палатки были поставлены наспех. Буран захватил людей, сорвал палатки, лишил возможности оказания людям помощи с парохода. В результате было большое количество обмороженных — искалеченных и умерших. При малейшей заботе этого бы не было". Владимирова Е. Л. Письмо в ЦК КПСС // Краевед. зап. — 1992. — Вып. 18. — С. 118.

Одним из важнейших объектов Южного УДС стала дорога на Теньку. Тенькинский дорожно-строительный район как самостоятельное подразделение был организован еще в ноябре 1937 г.[531], а уже 17 июля 1938 г. при этом производственном подразделении образуется крупный Отдельный лагерный пункт, заключенные которого должны были обеспечить строительство трассы[532]. Тенькинская дорога началась от пос. Палатка, прошла через металлоносные районы и, повернув на север, соединилась с основной колымской автодорогой. Это строительство обеспечило введение в эксплуатацию крупных золотых приисков — им. Ворошилова, им. Тимошенко и им. Буденного в октябре 1941 г.[533]

Как отмечает А. С. Навасардов в своей работе о строительстве Колымской трассы, в период 1937—1940 гг. на Колыме строились дороги трех основных типов: магистрального значения (сдана в полную эксплуатацию дорога от Магадана до р. Берелех на 646 км трассы, построены дороги от Берелеха до угольного месторождения Аркагала и т. д.); местного значения (внутри горнопромышленных районов); автозимники — на проектируемых направлениях строительства постоянных дорог[534]. Сведения о дорожном строительстве на Колыме и Чукотке в 1938—1941 гг. представлены в табл. 13.

Таблица 13

Дорожное строительство на территории "Дальстроя" в 1938 — 1941 гг.[535]

Годы	Классные, км		Облегченного типа, км			Итого фронт работ
	Закончено строительство	Близко к окончанию	Близко к окончанию	Закончено строительство	Не закончено строительство	
1938	29	—	166	—	196	391
1939	23	24	192	155	251	645
1940	78	—	149	169	195	591
1941	62	—	17	243	494	816

Возраставшие масштабы золотодобычи на предприятиях Дальстроя заставили руководство страны и НКВД, ставший могущественным экономическим ведомством, искать пути удешевления доставки грузов для ГУСДС и вывоза добытого сырья в центральные районы страны. 27 фе-

---

531 ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 27, л. 6.

532 Там же. Д. 36, л. 106. Можно предположить, что выделенные постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 16.06.1938 г. дополнительные 20 млн руб. на проведение дорожно-строительных работ предназначались именно для покрытия расходов на строительство Тенькинской дороги. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1000, л. 17.

533 ГАМО, ф. Р-23 сч, оп. 1, д. 84, л. 131.

534 Навасардов А. С. Из истории строительства Колымской трассы (1928—1940 гг.) // Краевед. зап. — 1991. — Вып. 17. — С. 22—23.

535 ГАМО, ф. Р-23сс, оп. 1, д. 6, л. 39.

враля 1939 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия подписал приказ, в котором начальнику ГУСДС НКВД К. А. Павлову предписывалось при проектировании и постройке дорог в западном направлении на Якутск предусмотреть возможность укладки железнодорожного пути по полотну будущих шоссе и мостам. При этом отмечалось, что от Якутска будет осуществлен выход железнодорожных линий на юг через Алдан на станцию Тында, где она присоединится к будущей Байкало-Амурской магистрали[536].

В конце мая 1941 г. специальным приказом руководства НКВД СССР созданному для проведения строительных работ Алданскому дорожно-строительному управлению Дальстроя был передан отдельный лагерный пункт из состава БУРЛАГа НКВД, дислоцированный на станции Тында. Его предполагалось использовать для организации пересыльного пункта в целях снабжения рабочей силой и необходимыми материалами Алданского дорожно-строительного и Янского горнопромышленного управлений ГУСДС[537].

Всего к концу 1942 г., как отмечалось в специально подготовленном отчете "Дальстрой за 10 лет. 1932—1942 гг.", на территории его деятельности было построено свыше 3100 км дорог, из которых 902 км — классные автодороги и более 2200 км — автодороги облегченного типа. В 1942 г. был осуществлен сквозной проезд по трассе Магадан—Алдан[538]. В этот период на строительстве дорог было освоено 313,3 млн руб. капитальных вложений, уложено в полотно дороги более 22 млн куб. м гравийно-грунтовых материалов, построено мостов общей протяженностью 13 900 пог. м, в том числе: через р. Колыму — 384, через р. Армань — 317 и р. Берелех — 148, построено свыше 2500 труб и около 500 тыс. кв. м гражданских сооружений[539]. Этот колоссальный объем работ, проведенных Дальстроем на Северо-Востоке СССР, сыграл важнейшую роль в развитии горнодобывающей промышленности региона, существенно изменившей традиционную промысловую экономическую специализацию края. Однако тоталитарная сущность политического режима в СССР стала причиной того, что успехи промышленного строительства здесь неразрывно были связаны с использованием принудительного труда заключенных.

С увеличением протяженности автомобильных дорог рос и автотракторный парк Дальстроя, который в 1942 г. составлял 4014 грузовых автомашин и 856 тракторов[540]. За 10 лет деятельности автотранспорт Даль-

---

[536] Там же. Д. 35, л. 26.
[537] Там же. Д. 34, л. 94.
[538] Там же. Д. 5, л. 4.
[539] Там же. Л. 26.
[540] Там же. Л. 33.

строя перевез в общей сложности 1317,7 тыс. т грузов, из которых на период 1932—1937 гг. приходится около 21%[541].

Следует заметить, что увеличение количества автомобилей и тракторов на Колыме и Чукотке, а также рост объема выполняемых ими работ неизбежно порождали проблему топливного снабжения автотракторного парка. Покрытие потребности в топливе путем увеличения доставки нефтепродуктов из центральных промышленных районов страны потребовало бы значительных материальных и финансовых затрат. Поэтому выход был найден на месте, на Колыме. 29 октября 1940 г. газета "Советская Колыма" сообщила, что для окончательной проверки ходовых качеств из Магадана к Берелеху вышла колонна экспериментальных автомобилей, включающая два автомобиля "Колыма-1" с газогенераторными двигателями, топливом для которых служила древесная чурка. В этой же колонне находились и два автомобиля, работающих на каменноугольном топливе[542]. Автомобили с грузом прошли до Берелеха и вернулись в Магадан. После этого успеха на предприятиях ГУСДС началось серийное производство газогенераторных автомобилей. В 1942 г. 25% всех автомобилей и 13,5% всех тракторов Дальстроя были оснащены газогенераторными двигателями[543]. Как отмечал старший инженер газогенераторного бюро авторемонтного завода Дальстроя В. Ермольчик, газогенератор ЗИС-21 за один год при работе в одну смену потребляет около 200 куб. м древесной чурки[544]. При этом для изготовления подобного топлива требовалась тщательная сушка древесины на специальных приспособлениях, топившихся дровами — для сушки 10 т чурки требовалось сжечь 6 т дров[545].

Для заготовки этого вида ресурсов, использовавшихся в качестве топлива, потребовалось организовать лесозаготовительные работы в значительных масштабах, и только в 1940 г. для удовлетворения топливных нужд, по словам начальника ГУСДС НКВД И. Ф. Никишова, было заготовлено 4 млн. куб. м дров, большая часть которых использована автотранспортом[546].

Проблема топлива становилась актуальной и в связи с развитием энергетики в районе деятельности Дальстроя. Это диктовалось необходимостью форсированного создания отраслей его хозяйства, и прежде всего горнодобывающей промышленности. Наличие значительных запасов гидроресурсов на Колыме еще в начальный период колонизации региона привело руководство Дальстроя к мысли об их использовании в

[541] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 6, л. 35.
[542] Советская Колыма. — 1940. — 29 окт.
[543] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 33.
[544] Советская Колыма. — 1940. — 22 авг.
[545] Там же. 19 июля.
[546] Советская Колыма. — 1941. — 8 янв.

качестве источника электроэнергии. В соответствии с этим были проведены необходимые изыскания и составлен проект строительства гидроэлектростанции на р. Колыме недалеко от устья р. Бохапчи.

Проект строительства Колымской ГЭС разрабатывался ленинградским институтом "Гидроэнергопроект". Основу проектируемой гидроэлектростанции составляла каменно-набросная плотина высотой 76 м и длиной 540 м. Четыре турбины мощностью по 12 500 кВт должны были обеспечить общую мощность Колымской ГЭС в 50 тыс. кВт[547] Однако строительство Колымской ГЭС было заморожено, едва начавшись, поскольку требовало значительных капиталовложений. Для получения электроэнергии в Дальстрое стали утилизировать местные виды сырья в связи с трудностями доставки жидкого топлива, на котором работали немногочисленные энергетические установки[548].

Наличие в то время значительных лесных массивов позволило использовать древесину в качестве сырья для получения электроэнергии. Первой крупной электростанцией районного значения стала Тасканская локомобильная мощностью 1500 кВт, построенная в 1937 г. в устье р. Таскан, с линией электропередачи в 35 кВт протяженностью около 40 км, обеспечившая энергией прииски Северного горнопромышленного управления[549].

Развитие горнодобывающей промышленности Дальстроя во второй половине 30-х гг. привело к созданию новых районных электростанций. К концу 1940 г. суммарная мощность десяти районных электростанций, семь из которых были локомобильными, составила 12 370 кВт, при этом 40,3% общей мощности приходится именно на локомобильные станции, сжигающие древесину. Лишь Аркагалинская локомобильная электростанция работала на базе местного месторождения угля, открытого Б. И. Вронским в 1935 г.[550]

В 1940—1941 гг. в эксплуатацию вводится значительное количество местных станций, использовавших иные источники получения электроэнергии. По всей видимости, это связано с тем, что лесные массивы вблизи локомобильных электростанций оказались вырубленными, а доставка дров на большие расстояния была нерентабельной. Очевидно,

---

[547] Мищенко В. В. Первые энергетические изыскания в районе Верхней Колымы. 1933—1934 // Краевед. зап. — 1984. — Вып. 8. — С. 53.

[548] К ним относились нефтяные двигатели "Червонный прогресс", мощностью 18 л. с. и "Победа" мощностью 25 л. с., обеспечивающие энергией поселки и прииски Дальстроя. См.: Тылечкин А. И. Развитие энергетики Дальстроя за 25 лет // Колыма. — 1956. — № 11. — С. 25.

[549] Энергетика Магаданской области и пути ее дальнейшего развития // Колыма. — 1967. — № 11. — С. 55.

[550] См.: Тылечкин А. И. Развитие энергетики Дальстроя за 25 лет // Колыма. — 1956. — № 11. — С. 25.

что именно по этой причине началась резкая интенсификация работ по разведке и подготовке к эксплуатации угольных месторождений в конце 30-х гг., хотя о наличии некоторых из них было уже известно (например, о Хасынском угольном месторождении, обнаруженном еще в 1930 г. экспедицией В. А. Цареградского). Как писал в своих воспоминаниях Г. Г. Попов, именно необходимость ускорить развитие угольной промышленности привела к организации в системе Дальстроя специализированного управления "Дальстройуголь", которое было создано 15 февраля 1939 г.[551]

В конце 1942 г. Дальстрой располагал 32 районными электростанциями с агрегатами мощностью свыше 100 л. с., вырабатывающими совместно 23 827 кВт электроэнергии; 13 из них были паровыми, 10 — дизельными, 4 — гидротурбинными[552]. Однако производственные потребности Дальстроя не покрывались малоразвитой сетью районных электростанций. Недостаток электроэнергии компенсировался за счет мелких установок, работавших на генераторы или на непосредственный привод механизмов. Малая энергетика была представлена энергоагрегатами (с мощностью до 100 л. с.) и включала 264 локомобиля, 996 двигателей внутреннего сгорания, 302 автотракторных мотора на стационарах, 235 компрессоров с двигателями внутреннего сгорания[553].

При этом в топливном балансе районных электростанций с агрегатами мощностью более 100 л. с. дрова составляли 28,2%, а локомобили, сжигающие древесину, давали 15,3% всей мощности малой энергетики Дальстроя[554]. Значительным оказывалось потребление древесины в виде сжигаемого топлива в паросиловом хозяйстве горных управлений. Так, только один участок прииска "Мальдяк", имевший 12 бойлеров для оттайки мерзлых грунтов, в сутки сжигал 48 куб. м дров[555].

Бесконтрольная вырубка лесов, частые пожары подорвали жизнеспособность экологических систем Северо-Востока. На Колыме и Охотском побережье в период формирования горной промышленности (1932—1956 гг. включительно) сплошными рубками пройдено 1677 тыс. га леса[556]. Лесными пожарами в 1930—1938 гг. в районах горных разработок уничтожено около 20% всех запасов древесины[557] Оценивая эти экологические последствия, исследователь Г. Ф. Стариков писал: "...почти нет надежд на лесовосстановление пустырей на месте уничтоженных неоднократными пожарами высокогорных лиственничных

---

[551] Попов Г. Г. Страницы прошлого // Колыма. — 1978. — № 7—8. — С. 46.
[552] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 28.
[553] Там же. Л. 29.
[554] Там же.
[555] Советская Колыма. — 1940. — 26 сент.
[556] Стариков Г Ф. Леса Магаданской области. — Магадан: Кн. изд-во, 1955. — С. 192.
[557] Лукин И. И. Пути развития электроэнергетики Колымы // Колыма. — 1939. — № 10. — С. 41.

редколесий, а также стелющихся темнохвойных лесов из кедрового стланика. Маломощный скелет почвы гор подвержен активной эрозии, и пустыри здесь навсегда остаются бесплодными"[558].

Увеличение населения Колымы за счет приезжих, расширение объемов основных производств Дальстроя привело к интенсификации развития его собственной сельскохозяйственной базы, способной обеспечивать предприятия ГУСДС НКВД продуктами питания. В начальный период колонизации Дальстрой создавал совхозы овощного, мясного направлений и несколько подсобных хозяйств при горных управлениях и предприятиях. Однако объемы производства продуктов питания в них были незначительными. Резкое увеличение площади пашни, площадей закрытого грунта и соответственно количества получаемой сельскохозяйственной продукции наблюдается примерно с 1937 г., когда стала интенсивно расти численность населения Колымы, как вольнонаемного, так и заключенного. Наиболее высокие показатели сельскохозяйственного производства приходятся на рубеж 30—40-х гг.

Большое распространение на Колыме в силу местных климатических условий получило выращивание картофеля и капусты — наименее прихотливых растений[559]. Результаты роста валового выхода овощей демонстрируются следующими показателями: в 1935 г. он составил 1942 т, а в 1941 г. — 9993 т. Но совхозы Дальстроя обеспечивали к 1942 г. лишь 40% от потребности населения Колымы в овощах; 60% овощной продукции выращивали четыре сельскохозяйственных предприятия ГУСДС, расположенных на территории Приморского и Хабаровского краев[560].

Постепенно наращивая производство овощной сельскохозяйственной продукции, употребление которой во многом предотвращало массовые вспышки цинги, соответствующие подразделения Дальстроя уделяли большое внимание и развитию мясомолочной отрасли животноводства, продукцию которой было сложно доставлять с "материка" (табл. 14).

Таблица 14

Рост поголовья скота в совхозах и подсобных хозяйствах Дальстроя, голов[561]

	1935 г.	1937 г.	1941 г.
Крупный рогатый скот	1200	2385	5147
Свиньи	3605	8710	24767
Лошади	3016	5510	7931
Олени	9577	18258	18561
Птица	1083	5509	7931

[558] Стариков Г. Ф. Леса Магаданской области. — С. 192.

[559] См.: Пасечник П. П. Сельскохозяйственные предприятия Дальстроя // Дальстрой. К 25-летию. С. 208.

[560] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 43.

[561] Там же. Л. 44.

Как видно из табл. 14, именно в 1937—1941 гг. поголовье скота в Дальстрое росло активнее, чем в предыдущие годы. Наибольшее количество голов наблюдается в свиноводстве и оленеводстве. По всей видимости, это связано с чрезвычайной неприхотливостью животных. Заслуживает внимания факт роста поголовья крупного рогатого скота (с 1937 по 1941 г. прирост на 53,7%), обеспечивающего развитие производства молока и мяса. В мясном производстве серьезную роль играло и оленеводство.

Постепенное возрастание поголовья скота в совхозах и подсобных хозяйствах Дальстроя обеспечивало расширение объемов продукции животноводства. Так, с 1935 по 1941 г. производство молока выросло на 77,6%, причем наибольший рост наблюдался с 1937 г. (с 14 350 до 44 435 ц в 1941 г.). Производство мяса с 1935 г. выросло на 81,2%, яиц — на 94,1%[562].

Таким образом, становится очевидным, что увеличение населения Северо-Востока в конце 30-х —начале 40-х гг. повлекло за собой интенсификацию производства сельскохозяйственной продукции на специализировавшихся в этой отрасли предприятиях Дальстроя. Заметим, однако, что, несмотря на значительное развитие сельскохозяйственного производства на Северо-Востоке в 30—50-е гг., эта отрасль общественного хозяйства, не обеспеченная новейшими технологиями, до сих пор остается одной из наименее развитых[563]

Специально организованный в составе Дальстроя Административно-гражданский отдел (АГО) был призван руководить жизнью коренного населения национальных районов, включенных в территорию его деятельности. Основным направлением работы отдела явилась коллективизация сельского хозяйства, перевод бывших кочевников на оседлый образ жизни, переориентация производственной деятельности коренного населения на животноводство и рыбный промысел.

Однако при описании методов формирования у аборигенов нового, "социалистического" образа жизни и ведения хозяйства следует отметить и явления, явно негативно сказавшиеся на коренном населении[564].

Мероприятия, проводимые Дальстроем на этой территории в отношении местного населения, были чаще всего демонстративными. Так,

---

[562] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 5, л. 44.

[563] По данным Э. Б. Ахназарова, в 1962 г. производство продукции пищевой промышленности на душу населения составило: в среднем по СССР — 100, в среднем по РСФСР — 105, по районам Дальнего Востока — 88, а по Магаданской области — лишь 57. См.: Ахназаров Э. Б. О некоторых особенностях развития народного хозяйства Магаданской области // История и культура народов Севера Дальнего Востока. С. 167.

[564] Негативные последствия указанной государственной политики весьма подробно описываются в: Пика А. И. Малые народы Севера: из первобытного коммунизма в "реальный социализм" // В человеческом измерении. — М.: Прогресс, 1989. — С. 306—324.

например, ликвидация неграмотности среди северных народностей проводилась формально, без серьезной организации, поскольку в 1940 г. обучались лишь 642 коренных северянина, а в Северо-Эвенском районе из 203 обучающихся выпущено было только 15 человек[565].

В феврале 1941 г. среди коренного населения Северо-Эвенского района стремительно распространилась эпидемия гриппа со смертельными исходами, но приказ начальника ГУСДС НКВД СССР И. Ф. Никишова от 11 марта констатировал лишь "неудовлетворительный" характер борьбы с этой эпидемией[566].

Но самой драматичной страницей истории коренных народностей Северо-Востока в это время стало уничтожение карательными органами 148 жителей Охотского побережья, которые якобы входили в состав семи "контрреволюционных шпионско-повстанческих японофильских групп, созданных японскими разведорганами в разные годы, начиная с 1924 г., почти во всех населенных пунктах Охотоморья"[567] Эти события являются не только одним из сюжетов истории "большого террора", но и показателем характера проводимой в 30—50 гг. на Северо-Востоке "национальной политики".

Интенсивные горные разработки без последующих рекультивационных работ по восстановлению почв, хищническое отношение к природной среде, принимавшее зачастую масштабы экоцида, приводили к сокращению хозяйственных угодий и постепенной деградации традиционных производственных занятий малых северных народностей, составлявших основу их культурного своеобразия[568].

---

[565] Советская Колыма. — 1940. — 27 авг.

[566] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 161, л. 66.

[567] Приведенные данные предоставлены автору магаданским краеведом Д. И. Райзманом, исследовавшим историю 61-го Нагаевского морпогранотряда, чекисты которого и "обнаружили" указанные "антисоветские организации".

[568] Вплоть до 1980 г. ни один проект разработки золотых месторождений на территории Якутской АССР не предусматривал проведения рекультивации земель. Между тем к 1977 г. здесь горной промышленностью нарушено около 36 тыс. га земель. Притоки р. Алдан загрязнены сточными водами золотодобывающей промышленности, в том числе тяжелыми металлами, в частности ртутью — от 0,8 до 1,7 мг/л. При этом рационального извлечения минерального сырья не происходит: при добыче только олова на месторождении "Эге-Хая" в сульфидных отвалах окислилось и потеряно более 20 тыс. т цинка и около 50 т индия. См.: Черский Н. В., Щербаков И. П., Возин В. Ф. и др. О возможных изменениях в окружающей среде ЯАССР под влиянием хозяйственной деятельности на период до 1990 г. // Проблемы экологии и охраны природной среды Сибири. — Иркутск, 1980. — С. 23—41. На Чукотке ежегодно горными выработками нарушалось около 2 тыс. га земель, минимальные работы по рекультивации были проведены только во второй половине 80-х гг. В течение одного 1976 г. горнорудным предприятиям было отведено 28,5 тыс. га, в том числе 14 тыс. га уникальных оленьих пастбищ. См.: История Чукотки с древнейших времен до наших дней. С. 386, 394.

Наличие на Северо-Востоке значительного числа "спецконтингентов" и частые случаи побегов из лагерей заставляли руководство Дальстроя создавать систему задержания беглецов, в которую были вовлечены и коренные жители региона. По свидетельству Г. Д. Кусургашева, "местным жителям — оленеводам и охотникам было велено беглецов стрелять на месте. За убитого устанавливалась плата 250 рублей. Для получения вознаграждения следовало представить руководству кисть правой руки"[569] Подобная тоталитарная политическая практика, проводившаяся администрацией Дальстроя на колонизируемых территориях, растлевала аборигенное население, подрывала нравственные устои складывавшегося в течение столетий патриархально-общинного образа жизни северных народов.

Начало войны с фашистской Германией ознаменовало новый период в истории Дальстроя, сущностные характеристики которого обозначились уже в первых приказах начальника ГУСДС НКВД И. Ф. Никишова. 23 июня 1941 г. им было подписано два важных документа. В первом из них предписывалось прекратить освобождение из лагерей "контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников" (т. е. всех заключенных, осужденных по ст. 58 и 59 УК Российской Федерации). Эти заключенные должны были быть сосредоточены на одном из приисков каждого горного управления. На указанных приисках и лагерных пунктах организовывались зоны усиленной охраны, было прекращено бесконвойное использование заключенных на всех видах работ. Эта же участь постигла всех поляков, немцев и других иностранных граждан, находившихся к этому времени в лагерях ГУСДС. Одновременно работникам Управления НКВД по Дальстрою приказывалось арестовывать всех заключенных и бывших заключенных, на которых имелись материалы об их "антисоветской деятельности"[570].

Заметим, что индустриальное развитие региона привело к значительным изменениям в структуре и хозяйственных занятиях населения Северо-Востока. По данным переписи населения 1959 г., северные народности в Магаданской области составляли лишь 6,4% населения, в Чукотском национальном округе этот показатель выше — 25,8%[568]. При этом городское население, занятое в горной промышленности и обслуживающих секторах экономики, здесь явно доминирует: по Магаданской области сельские жители составили 19% населения, по Чукотке — 43%. См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. — М.: Госстатиздат, 1963. — С. 336, 93. Приведенные здесь данные, с нашей точки зрения, свидетельствуют о том, что начиная с 30-х гг. советское государство проводило на Северо-Востоке политику, приведшую коренное население региона на грань этнической катастрофы.

[569] Кусургашев Г Д. Колымские записки и зарисовки // Колыма. — 1992. — № 2. — С. 34.

[570] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 162, л. 867.

Во втором документе подчеркивалось, что обстановка военного времени потребовала от всех управлений, предприятий и хозяйств Дальстроя жесткой экономии в расходовании продовольствия, материалов и особенно горючего. Всем подразделениям ГУСДС приказывалось обеспечить максимально возможную экономию всех материальных ресурсов. Лиц, нарушивших данный приказ, предписывалось привлекать к строжайшей уголовной ответственности, как за преступление против государства[571].

Чрезвычайное ужесточение режима содержания "спецконтингентов" и введение более жестких условий выполнения производственных заданий на фоне сокращения снабжения и пополнения рабочей силой — таковы условия деятельности Дальстроя в годы войны[572].

Один из самых тяжелых военных годов — 1942 г. — потребовал от тыла страны огромного напряжения сил. Коснулось это и Северо-Востока, где добывались столь необходимые золото и олово. Документы НКВД того времени свидетельствует о том, что Дальстрой в 1942 г. выполнил план оловодобычи на 102,3%[573]. Архивные материалы ГАЧР позволяют определить долю участия предприятий Чукотки в этом. Плановые задания Чаун-Чукотскому горнопромышленному управлению на 1942 г. были определены в 675 т олова в концентрате. На конец этого периода мы можем фиксировать 857 т оловянных концентратов, добытых на Чукотке, что составило 127% плана. Сравнивая эти показатели с уровнем оловодобычи 1941 г., можно констатировать факт прироста добычи этого металла к 1942 г. на 333,5 %[574].

Документальные материалы свидетельствуют о том, что установленные правительством СССР и Наркоматом внутренних дел плановые задания для Дальстроя на 1943 и 1944 г. составили соответственно 4 000 и 3 000 т олова в 40-процентном концентрате[575]. Доля Чукотки в обеспечении выполнения этих планов оставалась значительной. В 1943 г.

---

571 Там же. Д. 78, л. 243—244.

572 С началом войны с Германией Наркомат торговли СССР предложил снизить нормы питания для заключенных лагерей НКВД настолько, что столкнулся с протестами со стороны руководства Наркомвнудела. Так, 14 сентября 1941 г. заместитель наркома внутренних дел Чернышов, обращаясь в СНК СССР, писал: "Предлагаемые Наркомторгом нормы питания для з/к являются недостаточными, особенно учитывая, что в лагерях, как правило, работают 12—14 часов и огромное число лагерей находится в условиях Севера" Далее он предлагал увеличить суточные нормы питания заключенных: по хлебу — 700 г вместо предложенных Наркомторгом 600, по крупам и макаронам — 80 г вместо предложенных 40, по рыбе — 100 г вместо 50, по жирам — 15 г вместо 10 и т. д. См.: ГАРФ. ф. Р-9414, оп. 1, д. 34, л. 104—104 об.

573 ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 34, л. 102.

574 ГАЧР, ф. Р-22, д. 11, л. 142.

575 ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 34, л. 102, 173 об.

предприятия Чаун-Чукотского ГПУ добыли 1170,5, а в 1944 г. — 1747,046 т олова. Из этого количества на долю рудника "Валькумей" в 1943 г. приходится 171,5 т металла, а на 1944 г. — 641,245. Таким образом, основное количество олова, добываемого на Чукотке, приходится на прииск "Красноармейский"[576].

Прирост объемов добываемого минерального сырья в годы войны, как уже отмечалось, происходил в условиях резкого сокращения снабжения всеми необходимыми материалами. В приказе наркома внутренних дел от 26 января 1944 г. отмечалось, что общий завоз необходимых для Дальстроя материалов сократился с 430 тыс. т в 1940 г. до 200 тыс. т в 1943 г. Расход бензина на предприятиях и автоперевозках ГУСДС НКВД снизился за этот период с 66 до 30 тыс. т. За период Отечественной войны Дальстрой добился также более эффективного использования рабочей силы и увеличения производительности труда, обеспечив высокий уровень добычи золота и рост добычи олова при сокращении рабочей силы по сравнению с 1940 г. на 20%"[577]

Очевидно, что сокращение численности рабочей силы было вызвано прежде всего высоким уровнем смертности заключенных в результате резко ухудшившихся условий лагерного режима и чрезмерных норм выработки[578]. На четвертый квартал 1944 г. общее число работающих на предприятиях ГУСДС НКВД составило 177 200 чел., из которых за колючей проволокой находилось 80 тыс. чел.[579] Чрезвычайные условия военного периода и связанное с ними положение заключенных привело к тому, что впервые число вольнонаемных работников Дальстроя превысило число заключенных.

---

[576] ГАЧР, ф. Р-22, д. 27, л. 110.

[577] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 34, л. 173.

[578] Е. Л. Владимирова в своем Письме в ЦК КПСС отмечала, что в 1943 г. заключенных "за невыполнение норм задерживали в лесу" до тех пор, пока не будет выполнено дневное производственное задание. См.: Владимирова Е. Л. Письмо в ЦК КПСС // Краевед. зап. — 1992. — Вып. 18. — С. 119. Сведения о жестокостях военной Колымы содержатся в: Сандлер А., Этлис М. Современники ГУЛАГа. — Магадан: Кн. изд-во, 1991; Кусургашев Г. Д. Призраки колымского золота. — Воронеж, 1995 и др.

[579] ГАМО, ф. Р-23 сс, оп. 1, д. 34, л. 250—251.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая четверть XX столетия в отечественной истории ознаменовалась кардинальным изменением положения северных территорий России. Малоизученные и экономически неразвитые регионы Российского Севера в течение небольшого исторического периода превратились в промышленные районы, прочно интегрированные в структуру народнохозяйственного комплекса СССР. Это в полной мере относится и к Крайнему Северо-Востоку страны.

В течение 2-й половины 20-х гг. северо-восточная окраина Советского Союза была детально изучена. Результаты исследований нескольких экспедиций, изучавших структуру транспортных коммуникаций региона, его минеральные и биологические ресурсы, позволили определить перспективы развития Северо-Востока.

Наиболее важное значение для определения будущей экономической специализации региона имели открытия геологов С. В. Обручева и Ю. А. Билибина в 1926—1929 гг. В результате деятельности возглавляемых ими экспедиций было выяснено наличие в недрах края уникальных промышленных запасов золота. Золотоносная зона, по их расчетам, занимала огромную территорию и распространялась от верховьев р. Колымы на северо-запад к р. Индигирке.

Деятельность гидрографической экспедиции 1929—1930 гг. под руководством иркутского исследователя И. Ф. Молодых позволила сформулировать положения, которые активно использовались в ходе освоения Охотско-Колымского района. По предположению ученых, насущной задачей того времени становилось создание транспортной системы, которая позволила бы решить вопросы снабжения края. Опорной базой этой сети коммуникаций должен был стать транзитный порт в бухте Нагаева на северном побережье Охотского моря. Далее проектом предусматривалось строительство круглогодичной автодороги к верховьям р. Колымы, где подразделениями акционерного общества "Союззолото" началась эксплуатация россыпных месторождений золота.

Исключительная важность итогов работы этих исследователей в верховьях рр. Колымы и Индигирки определялась интересами политики форсированной индустриализации, важнейшей проблемой которой являлся поиск средств для создания советской крупной промышленности. Поэтому высшими правительственными органами СССР было принято решение об интенсивном промышленном освоении края, необходимость которого диктовалась возможностью прямого пополнения валютных запасов страны.

Основным специализированным государственным институтом, осуществившим колонизацию Северо-Востока в 30—50-е гг., явился Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы ("Дальстрой"), реорганизованный в марте 1938 г. в Главное управление строительства Дальнего Севера "Дальстрой" НКВД СССР.

Важнейшей задачей, поставленной перед Дальстроем, было форсированное наращивание масштабов золотодобычи на территории края. Решение указанной проблемы потребовало осуществления в короткие сроки значительных объемов работ, связанных с созданием производственной инфраструктуры (прежде всего дорожного и промышленного строительства), ориентированной на обеспечение горнодобывающей отрасли. Этим было обусловлено исключительное положение Дальстроя в системе политических и экономических отношений внутри страны.

Для Дальстроя 30-х гг. как суперорганизации, призванной решать широкомасштабные колонизационные задачи, характерно следующее: 1) чрезвычайный характер, полная независимость от всех государственных организаций и прямое непосредственное подчинение Совету Труда и Обороны СССР (с 1938 г. — НКВД СССР), а также комплекс чрезвычайных льгот; 2) выделение территории его деятельности в административную единицу с особым подчинением центральным государственным органам; 3) чрезвычайный режим управления территорией, сосредоточение всех административно-управленческих функций в руках директора, а позднее — начальника Дальстроя; 4) чрезвычайный режим секретности его деятельности. Таким образом, можно констатировать, что Дальстрой представлял собой уникальный механизм, не только наделенный всеобъемлющими полномочиями по развитию экономики региона, но и полностью контролирующий политическую жизнь огромной территории на Крайнем Северо-Востоке СССР.

Важной характеристикой процессов промышленного освоения обозначенного региона стало использование в широких масштабах принудительного труда заключенных. Численность осужденных за уголовно наказуемые деяния в период 20—30-х гг. постоянно увеличивалась, что явилось в то время результатом социальной политики советской власти. Во второй половине 20-х гг. правительство СССР приняло решение об использовании "спецконтингентов" в осуществлении планов народнохозяйственного развития. Этот феномен стал в течение 30-х гг. заметным явлением экономического развития Советского Союза, что особенно характерно для регионов "пионерного" освоения. С 1932 г. на Колыме эксплуатировался преимущественно подневольный труд заключенных. Это позволяло минимизировать материальные затраты на создание промышленной инфраструктуры в Верхнеколымском районе, а позже и на всей территории деятельности Дальстроя. Использование труда

“спецконтингентов” на Колыме обеспечивало до начала 40-х гг., в частности, более низкую себестоимость добываемого здесь металла по сравнению с мировой ценой на золото.

Ставший, по выражению И. В. Сталина, “комбинатом особого типа“, Дальстрой произвел на территории региона колоссальный объем работ, благодаря которым Северо-Восток был окончательно включен в политическую и экономическую систему Советского Союза.

Началу разработки месторождений минерального сырья, как правило, предшествовала прокладка полотна дорог в районы будущих горных работ. Поэтому до 1936 г. основным направлением деятельности Дальстроя было интенсивное дорожное строительство. Оно активно продолжалось и в последующие годы, и уже до начала Великой Отечественной войны была построена автомагистраль от бухты Нагаева через верховья р. Колымы до верховьев р. Индигирки протяженностью более 700 км. Это основная Колымская трасса, сыгравшая главную роль в промышленном освоении Северо-Востока. Важнейшими ее ответвлениями стали трасса (от Тенькинской дороги) к руднику “Бутугычаг” — центру оловодобычи в Охотско-Колымском районе и дорога к оловянному руднику “Омсукчан”; Тенькинская автодорога к разведанным промышленным россыпям золота на юго-западе территории деятельности Дальстроя. Система автотранспортных коммуникаций становилась основой производственной инфраструктуры в регионе, обеспечивая бесперебойное снабжение предприятий горнодобывающей промышленности рабочей силой, продовольствием и необходимыми материалами.

В качестве транзитных входных пунктов для поставляемых из центральных районов страны грузов были построены морские порты в бухте Нагаева (северное побережье Охотского моря) и бухте Амбарчик (устье р. Колымы).

Интенсивное дорожное строительство и форсированное развитие геологоразведочных работ, осуществленное Дальстроем на Северо-Востоке в 30-е гг., привело к росту масштабов золотодобычи. Это стало наиболее заметно с 1935 г., когда дорожниками была решена проблема снабжения Верхнеколымского приискового района. В дальнейшем горные предприятия Дальстроя ежегодно увеличивали количество добываемого золота в 1,5—2 раза и достигли максимального результата в 1940 г. (80 т химически чистого золота). Кроме первоначального района золотодобычи (верховья р. Колымы) к началу 40-х гг. в горнодобывающую деятельность включились горные управления, расположенные на левобережье р. Колымы, в верховьях р. Индигирки, Тенькинском районе и др. В это время Дальстрой стал крупнейшим золотодобывающим предприятием в СССР и вошел в число мировых лидеров — поставщиков этого металла.

С 1937 г. Дальстрой ввел в эксплуатацию богатые месторождения олова, на которых были открыты прииски "Бутугычаг" и "Таежник" Однако крупнейшим оловодобывающим предприятием в СССР стало Чаун-Чукотское горное управление, организованное после передачи Чукотки в ведение Дальстроя с 1 января 1939 г. В период 1937—1941 гг. оловодобывающие рудники и прииски Колымы и Чукотки добыли 5892,7 т оловянного концентрата. Объемы добычи этого металла особенно возросли в годы войны с фашистской Германией. Наибольший вклад в извлечение олова в военный период внесли предприятия Чукотки, которая стала одним из крупнейших мировых центров оловодобычи.

Одновременно геологоразведочными работами 30-х гг. на Северо-Востоке было установлено наличие в недрах региона значительных запасов каменного угля, цинка, ртути, вольфрама и других редких видов минерального сырья.

Вместе с транспортной и горнопромышленной отраслью в 30-е гг. получили развитие сельское хозяйство и региональная энергетика, призванные обеспечивать необходимыми продуктами питания и электроэнергией растущее население и промышленные предприятия Северо-Востока.

Однако, несмотря на впечатляющие результаты, применение специфических методов освоения, продиктованных тоталитарным советским политическим режимом и несомненной геополитической целевой установкой процесса колонизации, привело в дальнейшем к серьезным социально-экономическим, демографическим, экологическим и иным последствиям. К ним можно отнести моноотраслевой характер промышленности региона, слабое развитие обслуживающих отраслей экономики и социальной инфраструктуры края. Вызывают озабоченность экологические аспекты организации горных работ на Северо-Востоке и связанные с ними проблемы выживания аборигенного населения названной территории.

Таким образом, целью социально-экономической политики на Северо-Востоке в 30-х гг. XX столетия, проводником которой стал Дальстрой, была форсированная колонизация региона, носившая предельно жесткий характер, обусловленный тоталитарной сущностью советского политического режима. Многие последствия этой политики ярко проявились после упразднения Дальстроя в 1957 г., но ее основы закладывались именно в первое десятилетие его деятельности.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексахин И. П. Колымские этапы // Краевед. зап. — Магадан, 1989. — Вып. 16. — С. 108—117.

2. Андреева Л. Шухаевы в Магадане // Память Колымы. Воспоминания, письма, фотодокументы о годах репрессий. — Магадан: Кн. изд-во, 1990. — С. 74—103.

3. Ахназаров Э. Б. О некоторых особенностях развития народного хозяйства Магаданской области // История и культура народов Севера Дальнего Востока. — М.: Наука, 1967. — С. 160—172.

4. Байтальский М. Троцкисты на Колыме / Минувшее: Исторический альманах. 2. — М.: Прогресс; Феникс, 1990. — С. 345—357.

5. Бацаев И. Д. Некоторые аспекты коллективизации сельского хозяйства Северо-Востока (1929—1937 гг.) // Краевед. зап. — Магадан, 1991. — Вып.17. — С. 3—13.

6. Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. — С. 46—72.

7. Бацаев И. Д. Сельское и промысловое хозяйство Северо-Востока России 1929—1953 гг. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997.

8. Берзин Э. П. Пять лет Дальстроя // Колыма. — 1936. — № 4. — С. 11—12.

9. Берцинская А. "Неотошедшие троцкисты" // Краевед. зап. — Магадан, 1992. — Вып. 18. — С. 32—41.

10. Билибин Ю. А. К истории колымских приисков // Билибин Ю. А. Избр. тр.: В 3 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 3. — С. 195—206.

11. Билибин Ю. А. О перспективах золотоносности колымского района // Там же. — С. 207—212.

12. Бирюков А. Последний Рюрикович. Документ. очерки. — Магадан: ГОБИ, 1991.

13. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. — М.; Л.: Наука, 1965.

14. Владимирова Е. Л. Письмо в ЦК КПСС // Краевед. зап. — Магадан, 1992. — Вып. 18. — С. 112—127.

15. Волков Г., Смолина Т. Магадан: самое трудное десятилетие. 1929—1939 // На Севере Дальнем. — 1989. — № 1. — С. 188—232.

16. Время. События. Люди. Исторические очерки об освоении Колымы и Чукотки. 1928—1940 гг. — Магадан: Кн. изд-во, 1968.

17. Вронский Б. И. По таежным тропам. Записки геолога. — Магадан: Кн. изд-во, 1960.

18. Вронский Б. И. На Золотой Колыме. Воспоминания геолога. — М.: Мысль, 1965.

19. Галченко И. И. Геологи идут на Север. — М.: Совет. Россия, 1958.

20. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. — Лондон: OPI, 1989.

21. Гехтман Б. Е. Эдуард Петрович Берзин // Краевед. зап. — Магадан, 1989. — Вып. 16. — С. 71—79.

22. Гинзбург Е. С. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. — Магадан: Кн. изд-во, 1992

23. Глазунов И. Л. Зарождение угледобычи на Колыме и Чукотке (1917—1938 гг.) // Краевед. зап. — Магадан, 1986. — Вып. 14. — С. 17—27.

24. Гранкина Н. Записки вашей современницы // Доднесь тяготеет. — М.: Сов. писатель, 1989. — С. 149—174.

25. Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ. Очерки географии, истории, этнографии, экономики. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.

26. Гущин И. В., Афанасьев И. А. Чукотский национальный округ. — Магадан: Кн. изд-во, 1956.

27. Дальний Восток. Экономико-географическая характеристика. — М.: Мысль, 1966.

28. Дальстрой. К 25-летию. — Магадан: Кн. изд-во, 1956.

29. Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1953 гг.). — Магадан: Кн. изд-во, 1961.

30. Затмилова Г. Принадлежат истории // Доднесь тяготеет. — М.: Совет. писатель, 1989. — С. 222—251.

31. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологич. исследов. — 1991. — № 6. — С. 10-27.

32. Иванченко А. С. Золотой материк. — Магадан: Кн. изд-во, 1962.

33. Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917—1972. — Магадан: Кн. изд-во, 1975.

34. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. — М.: Мысль, 1989.

35. Козлов А. Г. К истории возникновения и развития Магадана (1929 — 1939 гг.) // Краевед. зап. — Магадан, 1988. — Вып. 15. — С. 3—30.

36. Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей (1932—1937 гг.) // Краевед. зап. — Магадан, 1991. — Вып. 17. — С. 61—91.

37. Козлов А. Г. Последняя стройка Ивана Запорожца // Колыма. — 1992. — № 2. — С. 35—39.

38. Козлов А. Г. Во времена колымских лагерей // Там же. — № 10—11. — С. 31—36.

39. Козлов А. Г. У истоков Севвостлага // Там же. — № 12. — С. 27—32.

40. Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей (конец 1937—1938 гг.) // Краевед. зап. — Магадан, 1993. — Вып. 19. — С. 117—143.

41. Козлов А. Г. За колючей проволокой Севвостлага // Колыма. — 1993. — № 1. — С. 33—37.

42. Конквест Р. Большой террор: В 2 т. — Рига: Ракстниекс, 1991.

43. Кузаков К. Г. Ожившая тундра (Социализм и судьбы народов Севера Дальнего Востока). — Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973.

44. Кусургашев Г. Д. Колымские записки и зарисовки // Колыма. — 1992. — № 2. — С. 34—36; № 4. — С. 33—35.

45. Кусургашев Г. Д. Призраки колымского золота. — Воронеж, 1995.

46. Левченко С. В., Мозесон Д. Л. Золотая Колыма. Из истории открытия и освоения Северо-Востока СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.

47. Лоция Охотского моря. — Изд. Гидрографич. упр. РККФ, 1938.
48. Лукин И. И. Пути развития электроэнергетики Колымы // Колыма. — 1939. — № 10. — С. 40—47.
49. Лукин И. И. К истории создания города Магадана // История и культура народов Севера Дальнего Востока. — М.: Наука, 1967. — С. 141—149.
50. Лукин И. И. Первостроители: Из истории строительства на Крайнем Северо-Востоке СССР. — Магадан: Кн. изд-во, 1986.
51. Магадан. Конспект прошлого. Годы. Люди. Проблемы / Сост. А. Г. Козлов — Магадан: Кн. изд-во, 1989.
52. Малагин А. П. Магаданский экономический район. — Магадан: Кн. изд-во, 1957.
53. Марголин А. Б. Проблемы народного хозяйства Дальнего Востока. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
54. Мельников С. М. Дальстрой: страницы истории (историко-социологический аспект) // Колыма. — 1993. — № 9—10. — С. 44—47.
55. Миндлин М. Б. Первая зима на Колыме // Краевед. зап. — Магадан, 1992. — Вып. 18. — С. 42—52.
56. Мищенко В. В. Первые энергетические изыскания в районе Верхней Колымы. 1933—1934 // Краевед. зап. — Магадан, 1984. — Вып. 13. — С. 52—61.
57. Молодых И. Ф., Малышев В. М. Исследование рек Восточной Сибири. — Иркутск, 1924.
58. Молодых И. Ф. Водные пути Восточной Сибири и ближайшие задачи развития их. — Иркутск, 1926.
59. Молодых И. Ф. Пути сообщения Якутии // Якутия. — Л.: Изд-во АН СССР, 1927. — С. 575—671.
60. Молодых И. Ф. К материалам по вопросу снабжения Верхне-Колымского приискового района Союззолота. — Иркутск, 1930.
61. Молодых И. Ф., Миротворцев К. Н., Хлудов П. А., Чертовских Е. П. Транспортная проблема Восточной Сибири. — М.: Совет. Азия, 1930.
62. Молодых И. Ф. Пути связи и снабжения Колымско-Индигирского края. — Иркутск, 1931.
63. Молодых И. Ф., Герасимов А. С., Ксенофонтов Г. В. Описание карты района рек Колымы и Индигирки. — Иркутск, 1935.
64. Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928—1937 годы) // Краевед. зап. — Магадан, 1970. — Вып. 8. — С. 69—79.
65. Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928—1937 годы) // Исторический опыт освоения восточных районов России. Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., Владивосток, 20—22 сентября 1993 г. Кн. 3 . — С. 62—64.
66. Навасардов А. С. Из истории развития транспорта на Колыме (1931—1940 гг.) // Краевед. зап. — Магадан, 1988. — Вып. 15. — С. 61—74.
67. Навасардов А. С. Из истории строительства Колымской трассы (1928—1940 гг.) // Там же. 1991. — Вып. 17. — С. 14—25.
68. Навасардов А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта в начальный период освоения района Верхней Колымы (1928—1931 гг.) // Там же. 1993. — Вып. 19. — С. 93—106.
69. Николаев К. Б. Тяжелый металл, или Как родился, жил и умирал Дальстрой // На Севере Дальнем. — 1989. — № 2. — С. 54—83.

70. Николаев К. Б. К вопросу изучения истории Дальстроя // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. — С. 29—46.
71. Обручев С. В. Неведомые горы. Экспедиция в неисследованные местности Якутии в 1926 г. — М., 1931
72. Обручев С. В. Колымско-Индигирский край. Географический и геологический очерк. Л.: Изд-во АН СССР, 1931.
73. Обручев С. В. По горам и тундрам Чукотки. Экспедиция 1934—1935 гг. — М.: Географиздат, 1957.
74. Орловская Л. И. Особенности формирования кадров народного хозяйства Магаданской области // Проблемы развития производительных сил Северо-Востока СССР. — Магадан: Кн. изд-во, 1964. — С. 21—41.
75. Освенцим без печей. — М.: Возвращение, 1996.
76. Паникаров И. А. История поселков центральной Колымы. — Магадан: МАОБТИ, 1995.
77. Паркман И. Речь на VI Всеколымской партийной конференции // Колыма. — 1940. — № 2. — С. 10—15.
78. Пика А. И. Малые народы Севера: из первобытного коммунизма в "реальный социализм" // В человеческом измерении. — М.: Прогресс, 1989. — С. 306—324.
79. Пилясов А. Н. Трест "Дальстрой" как суперорганизация // Колыма. — 1993. — № 8. — С. 34—37; № 9—10. — С. 37—41; № 11. — С. 28—33.
80. Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). — Магадан, 1996.
81. Попов В. П. Государственный террор в Советской России. 1923—1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечеств. архивы. — 1992. — № 2. — С. 20—31.
82. Преображенный край. — Магадан: Кн. изд-во, 1956.
83. Родин Е. Д. Из истории освоения Северо-Востока (к 30-летию Колымской экспедиции И. Ф. Молодых 1928—1929 гг.) // Колыма. — 1958. — № 5. — С. 43—45.
84. Родин Е. Д. Роль транспорта в промышленном освоении Колымы // Колыма. — 1959. — № 2. — С. 38—41.
85. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: В 2 ч. — М.: Просвет, 1991.
86. Рохлин М. И. Чукотское олово. — Магадан: Кн. изд-во, 1959.
87. Рохлин М. И. Там, где были яранги. Записки геолога. — М.: Совет. Россия, 1961.
88. Рощупкин Г. Г. Роль Чаунской районной партийной организации в промышленном освоении Чукотки // История и культура народов Севера Дальнего Востока. — М.: Наука, 1967. — С. 150—159.
89. Рощупкин Г. Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917—1953 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. — Магадан: Кн. изд-во, 1971. — С. 5—80.
90. Рыбаковский Л. Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. — М.: Наука, 1969.
91. Рыбаковский Л. Л. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. — Хабаровск, 1969.
92. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. — М.: Наука, 1990. — 168 с.

93. С а н д л е р А., Э т л и с М. Современники ГУЛАГа: Книга воспоминаний и размышлений. — Магадан: Кн. изд-во, 1991.

94. Северо-Восточный экономический район. — Магадан: Кн. изд-во, 1965.

95. Сельское хозяйство Магаданской области. — Магадан: Кн. изд-во, 1956.

96. С е р г е е в М. А. Некапиталистический путь развития малых народностей Севера. — М.: Изд-во АН СССР, 1955.

97. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: Справочник / О-во "Мемориал", ГАРФ; Сост. М. Б. Смирнов; Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. — М.: Звенья, 1998.

98. С л а в и н С. В. Северо-Восток Советского Союза как новый формирующийся экономический район. — М., 1958.

99. С л а в и н С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. — М.: Экономиздат, 1961.

100. С м о л и н а Т. Последние дни Эдуарда Берзина // Колыма. — 1988. — № 6. — С. 37—40.

101. С о б о л е в с к и й Т. Ф. О некоторых особенностях образования себестоимости золота // Колыма. — 1959. — № 1. — С. 37—41.

102. Сопротивление в ГУЛАГе. Воспоминания. Письма. Документы. — М.: Возвращение, 1992.

103. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. — Новосибирск: Экор, 1993.

104. С т а р и к о в Г Ф., Д ь я к о н о в П. Н. Леса Чукотки. — Магадан: Кн. изд-во, 1955.

105. С т а р и к о в Г. Ф. Леса Магаданской области. — Магадан: Кн. изд-во, 1958.

106. Т е р л е ц к и й П. Е. Проблема заселения Крайнего Севера. — М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1945.

107. Т ы л е ч к и н А. И. Развитие энергетики Дальстроя за 25 лет // Колыма. — 1956. — № 11. — С. 25—29.

108. У н п е л е в Г. А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. О деятельности Коммунистической партии по индустриализации Дальневосточного края (1928—1932 гг.) — Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1972.

109. Ф и р с о в Л. В. Рассказы о золоте. — Магадан: Кн. изд-во, 1957.

110. Х л е в н ю к О. В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929—1941 годы // Свободная мысль. — 1992. — № 13. — С. 73—84.

111. Х л ы п а л о в В. М. Из истории строительства Колымской трассы // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. — Магадан: Кн. изд-во, 1976. — С. 115—120.

112. Хотелось бы всех поименно назвать... По материалам следственных дел и лагерных отчетов ГУЛАГа. — М.: Мир и человек, 1993.

113. Ц а п л и н В. В. Архивные данные о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. — 1991. — № 4—5. — С. 157—163.

114. Ц а р е г р а д с к и й В. А. По экрану памяти. Воспоминания о Второй Колымской экспедиции 1930—1931 гг. — Магадан: Кн. изд-во, 1980.

115. Ц в и к Д. Б. Магадан: Очерк-хроника. — Магадан: Кн. изд-во, 1959.

116. Ч и с т я к о в И. П. Десятилетие местных Советов // Десять лет Магаданской области. — Магадан: Кн. изд-во, 1963. — С. 36—72.

117. Э п ш т е й н Л. Итоги пяти лет // Колыма. — 1936. — № 4. — С. 25—37.